

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4

Том 6. Экономика

Санкт-Петербург
2014

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 4 (Том 6) 2014

Экономика

Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

С. Бохэнноне, доктор экономических наук, профессор (США);
Г. Г. Зайцев, доктор экономических наук, профессор;
Н. П. Казаков, доктор экономических наук, профессор;
Т. С. Клебанова, доктор экономических наук, профессор (Украина);
Н. М. Космачева, доктор экономических наук, профессор (отв. за выпуск);
А. С. Кудачков, доктор экономических наук, доцент;
Б. В. Лашов, доктор экономических наук, профессор;
Н. В. Суша, доктор экономических наук, профессор (Республика Беларусь);
Ф. М. Урумова, доктор экономических наук, профессор;
О. П. Чекмарёв, доктор экономических наук, доцент;
Г. В. Черкасская, доктор экономических наук, доцент

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции: 196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
тел./факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)

им. А. С. Пушкина, 2014

© Авторы, 2014

Содержание

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Б.В. Лашов

Экономика северного оленеводства
в контексте этнической политики 7

В.П. Кайсарова, А.С. Харлампиева

Оценка динамики управления общественным сектором
сферы услуг: теоретические особенности и эмпирические
результаты в регионах и крупных городах России 17

А.А. Горовой

Особенности территориального развития интеграционных
процессов в сфере услуг населению 28

А.В. Гончаров

К вопросу о переходе Ленинградской области
к устойчивому развитию 41

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Е.Л. Кантор, А.В. Кантор

Инвестиции как важнейший источник формирования
основных фондов в промышленности 55

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ: АПК И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

О.П. Чекмарев

Развитие сельского хозяйства в России от имперских времен
до наших дней: краткий обзор 72

Х.А. Дибирова

Влияние факторов на валовую прибыль интегрированных
молокоперерабатывающих предприятий АПК СЗ ФО РФ 89

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ: СТРОИТЕЛЬСТВО

Л.А. Гузикова, Е.В. Плотникова

Оценка благоустроенности жилищного фонда
в Российской Федерации 95

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Н.В. Быкова

Современный подход к оценке эффективности
государственной поддержки малого предпринимательства 107

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

И. Ндакасаба

Алгоритм обеспечения продовольственной
безопасности Бурунди 116

Д.Н. Щербаков

Энергетический сектор Китая: структура и проблематика 123

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ: НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ И ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.В. Талалаева

Современные проблемы отражения концептуальных
вопросов социального партнерства в предметном поле
отечественной экономической науки 136

Сведения об авторах 144

Contents

REGIONAL ECONOMICS

B.V. Lashov

The economy of reindeer herding in conditions of ethnic politics 7

V.P. Kaisarova, A.S. Kharlampieva

Assessment of the management of leadership
in public sector services: theoretical features and empirical results
in the regions and major cities of Russia 17

A.A. Gorovoy

Features of the territorial development of integration processes
in the sector of public services 28

A.V. Goncharov

On the issue of formation of the strategy
of sustainable development in the region
(on the example of Leningrad region) 41

ECONOMICS, ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF ENTERPRISES, BRANCHES, COMPLEXES: INDUSTRY

E.L. Kantor, A.V. Kantor

Investments as an important source for the formation
of fixed assets in industry 55

ECONOMICS, ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF ENTERPRISES, BRANCHES, COMPLEXES: AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX AND AGRICULTURE

O.P. Chekmarev

Development of agriculture in Russia from
the imperial times up to now: a brief review 72

Kh.A. Dibirova

The impact of the factors on gross profit
of integrated milk processing enterprises
in Northwestern Federal District of Russia 89

ECONOMICS, ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF ENTERPRISES, BRANCHES, COMPLEXES: CONSTRUCTION

L.A. Guzikova, E.V. Plotnikova

Evaluation of livability of housing in the Russian Federation 95

ENTERPRISE ECONOMY

N.V. Bykova

The modern approach to evaluating the efficiency of state support
for small scale business 107

WORLD ECONOMY

I. Ndakabasa

Algorithm of ensuring the food safety in Burundi..... 116

D.N. Shcherbakov

Energy Sector of China: Structure and Challenges..... 123

ACADEMIC DISCUSSION: SCIENTIFIC SPECIALTIES AND THE SUBJECT FIELD OF ECONOMIC SCIENCE

T.V. Talalaeva

Modern problems of reflecting the conceptual framework
of social partnership in the subject field of domestic Economics..... 136

About authors 144

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.43(470.1/2+571.65(66):636.294

Б.В. Лашов

Экономика северного оленеводства в контексте этнической политики

Развитие оленеводства как хозяйственной основы жизнедеятельности значительной части населения малочисленных этносов Крайнего Севера сдерживается экономической неэффективностью отрасли и предопределяет необходимость ее государственной поддержки.

The development of reindeer herding as the economic base of life for the significant part of the population of ethnic minorities of the Far North, is retarded by the economic inefficiency of the industry. This determines the necessity for it to be supported by the state.

Ключевые слова: оленеводство, неэффективность, этнос, государственная поддержка.

Key words: reindeer, inefficiency, ethnos, state support.

Северное оленеводство – древнейшая отрасль хозяйства коренных малочисленных народов Севера (КМНС). В настоящее время им в той или иной степени занимаются саамы, ненцы, долганы, нганасаны, энцы, эвены, юкагиры, чукчи, эвенки и другие немногочисленные народы, а также коми, якуты. К оленеводческим народам по преимущественной занятости в названной отрасли среди других видов деятельности следует в первую очередь отнести ненцев и чукчей, на долю которых приходится примерно 50 % общего поголовья оленей в стране, но также долган, нганасан, энцев, эвенов.

Помимо оленеводства КМНС исстари занимались рыбным, пушным, морским зверобойным промыслами, а также сбором дикорастущих ягод и трав, охотой на птиц и зверей. К настоящему времени под влиянием технического прогресса и экономических условий в рыбном, пушном и морском зверобойном промыслах произошли существенные изменения. Пушной промысел, как вид профессиональной деятельности, практически перестал существовать вследствие падения спроса на шкурки диких пушных зверей. Добыча морских млекопитающих строго лимитирована из-за оскудения ресурсной базы. Рыбный промысел, оснащенный современными морскими и речными судами, эффективными средствами промысла,

высокоточными навигационными и поисковыми системами, судами-рефрижераторами с консервными линиями и т. п., приобрел черты промышленного производства. Коренное население в нем практически не участвует, а ведет лимитируемый лов рыбы на оскудевших внутренних водоемах и в прибрежных водах морей Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Указанные отрасли принято называть традиционными. Но по существу таковыми считать их вряд ли справедливо, так как они утратили былые технологии и формы организации хозяйственной деятельности. На данный момент только в оленеводстве в малоизмененном виде сохранились выработанная много веков назад технология и организация производства с соответствующим этому кочевым образом жизни. Это, в свою очередь, в наибольшей степени способствовало сохранению важнейших признаков этнической принадлежности (языка, обычаев, традиций, верований) и четкой самоидентификации. В связи с этим важно отметить, что у ненцев, долган доля населения, говорящего на языке своего народа, составляет соответственно: 70,6 и 63,3 %, у чукчей – 45,7 %. У других народов с меньшей долей оленеводческого населения эти показатели снижаются до 32,8 (эвены), 19,4 % (эвенки). У эскимосов, не занимающихся оленеводством, он составляет 13,3 % [2, с. 80–81].

Специфика традиционной хозяйственной деятельности состоит в присвоении готовых продуктов природы. По этому поводу еще классики марксизма отмечали, что народы, занимающиеся собирательством, присвоением готовых продуктов природы, находятся ниже того пункта, за которым начинается действительное развитие. Кочевые народы не исключение. Переход от присвоения готовых продуктов природы к производству (и утверждению иных общественных отношений) был связан с развитием земледелия, с переходом к оседлости, а также со становлением ремесел. В конечном итоге это привело к тому, что в настоящее время продовольственные и другие продукты получают в результате глубокого преобразования человеком вещества природы. Сегодня можно говорить о промышленном производстве мяса, яиц и мяса птиц, рыбы (птицефабрики, свиноводческие комплексы, рыбоперерабатывающие предприятия и др.). Это дает огромный эффект и позволяет незначительной доле населения развитых стран обеспечивать продовольствием все население этих стран. При этом доля сельского хозяйства в ВВП указанных стран колеблется в пределах 1–5 %.

Кочевничество, как некогда весьма распространенный элемент отраслевой технологии и одновременно как образ жизни, во многих странах давно себя изжило. Развитие этносов (наций, народов) происходит на постоянно совершенствующейся технологической основе. На территории Руси и сопряженных с ней районов

существование и деятельность крупных кочевых сообществ практически сошла на нет много веков назад. Однако в некоторых малоосвоенных районах страны кочевничество как элемент технологии и образ жизни в очень ограниченных размерах еще остается. На Крайнем Севере оно связано с оленеводством и распространено в основном в тундровой и лесотундровой ландшафтных зонах.

Перспективы развития оленеводства не связаны только с наличием резервов пастбищных угодий. Существуют этническая и экономическая составляющие развития отрасли.

Оленеводство – основа существования немногочисленных кочевых народов наиболее северных районов страны. Сегодня не имеется иной технологии и организации отрасли, кроме той, которая возникла много веков назад. Поэтому сохранение оленеводства означает консервацию элементов архаизма, но одновременно сохранение важных и уникальных черт этнической принадлежности. Поэтому в литературе, особенно этнографической, отстаивается позиция безусловного сохранения кочевого образа жизни [3, с. 113]. При этом не рассматривается вопрос о реальных условиях развития отрасли. Между тем существует и другой аспект развития отрасли – экономический. Он связан с тем, что в настоящее время каждый экономический агент должен работать на рынок. До недавнего времени (до 1930-х гг.) оленеводческие хозяйства по своей природе были натуральными или полунатуральными. Они мало зависели от внешней рыночной среды. Сегодня они не могут не работать на рынок, так как все увеличивающееся количество разнообразных товаров (в том числе и для обустройства стационарных жилищ, получения платных услуг) эти хозяйства могут получать лишь за счет денежных доходов от продажи оленеводческой продукции (в основном мяса).

Оленеводство зиждется на низкой технической и технологической базе. Оно не обеспечивает должной эффективности и уровня доходности населения. Конечно, сегодня во многих оленеводческих хозяйствах есть средства радиосвязи, электрогенераторы мощностью до 1–1,5 кВт, телевизоры и снегоходы. Но это не решает существа проблемы: присвоение готовых продуктов природы лишь отчасти становится процессом производства этих продуктов. В этом наиболее общая причина его неэффективности. Объективные условия таковы, что в подобных условиях от природы нельзя взять больше, чем она может дать в готовом виде. К примеру, сегодня с 1 га оленьих пастбищ можно получить в среднем 0,3–0,4 кг мяса (80–100 р. дохода). В то же время с 1 га пашни с использованием современных приемов агротехники и технических средств можно получить 200–250 ц (и более) картофеля или 220–270 тыс. р. в денежном выражении. При этом возрастают и возможности увели-

чения обрабатываемых площадей в расчете на одного работника, на одно хозяйство. По подсчетам экономистов, сегодня один сельскохозяйственный работник развитых стран может прокормить не менее 10–12 человек.

В оленеводстве таких возможностей нет, а масштабы экстенсивного увеличения производства весьма ограничены. В настоящее время во всех видах хозяйств насчитывается около 1,6 млн голов оленей (табл. 1).

Таблица 1

Поголовье северных оленей в Российской Федерации на конец года, тыс. голов*

	1990 г.	2000 г.	2011 г.	2011 к 1990, %
В хозяйствах всех категорий – всего	2260,6	1196,7	1583	70
В том числе:				
в сельхозпредприятиях	1833,6	633,6	1069,1	58,3
в хозяйствах населения	427	546	484,6	113,5
в крестьянских фермерских хозяйствах	71,8	16,5	29,2	40,6

Резервы пастбищ не позволяют дополнительно выпасать более 400–450 тыс. голов. Данные таблицы свидетельствуют о том, что в первое десятилетие реформирования экономики на рыночных основах общее поголовье оленей уменьшилось почти наполовину. В последующее десятилетие наблюдалось восстановление численности животных, но к 2011–2012 гг. их количество составило лишь 70 % от уровня 1990 г. В последние три года численность оленей не обнаруживает явной тенденции к росту, хотя на севере Дальнего Востока имеются свободные пастбищные угодья, на которых, как было отмечено, возможен выпас примерно 400–450 тыс. голов [4, с. 20].

Для более полного понимания проблем и перспектив развития отрасли кратко охарактеризуем экономику СПК коопхоза «Ерв» – одного из передовых оленеводческих хозяйств Ненецкого автономного округа (НАО) и России.

Территория, занимаемая хозяйством «Ерв», общей площадью 846 тыс. га (в том числе пастбищ 721 тыс. га), расположена к востоку от р. Печора. Различные участки пастбищ удалены от Нарьян-Мара – административного и хозяйственного центра НАО, на рас-

* Развитие северного оленеводства в Российской Федерации на 2013–2015 годы»: отрасл. программа. МСХ РФ. М., 2013 (Прил. 1–5).

стояния от 80 до 280 км. Оленеводством занято 38 семейных хозяйств, ведущих кочевой образ жизни, объединенных для совместного выпаса оленей в 6 групп (бригад и стойбищ)). Общее количество оленей – 11,3 тыс. голов (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели развития оленеводства в СПК коопхозе «Ерв» в 2011–2013 гг.

Наименование показателя	Года			
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	НАО: 2013 (справочно)
Поголовье оленей, тыс. голов	10,2	11	11,3	128,3*
Сохранение взрослых оленей, %	92,9	94,9	94,3	89,6
Выход телят, %	79,7	82,1	73,4	63,8
Выход мяса на 100 янв.** голов, ц (жив. вес)	25,7	29,3	27,7	16,7
Реализация мяса, т (уб. вес)	62,9	75,3	82,4	х

Примечание. * – без оленей населения, ** (январские) – по состоянию на 1 января года.

Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о высоких производственных показателях развития отрасли. Но эти цифры не обеспечивают соответствующей доходности и близкого к среднему по НАО уровня жизни ее работников. Такие показатели могли бы создать неплохие условия жизни кочевому населению при полунатуральном ведении хозяйства с ориентацией на высокую степень самообеспечения, как это было 70–80 лет назад. В таком хозяйстве не было ни территориального, ни временного разрыва между фазами производства и потребления. Продукция оленеводства (мясо, шкуры...) потреблялась в местах производства по мере необходимости. При работе на продажу, на рынок появляются новые фазы движения продукта от производителя к потребителю: необходимость одновременного массового забоя оленей, их предубойного содержания, хранения продукции, ее транспортировки, реализации. Появляются и увеличиваются трансакционные издержки. Таким образом, затраты на единицу продукции (мяса) резко возрастают, а выпуск продукции на 1 оленя, на 1 га остается практически неизменными. В итоге доходы от реализации продукции не покрывают затрат на производство.

В подтверждение сказанного отметим, что в хозяйстве «Ерв» только затраты по доставке мяса от главного пункта убоя оленей до покупателя продукции (мяса) на расстояние примерно в 250 км с ис-

пользованием воздушного транспорта окажутся сравнимыми с ценой его реализации. Без доплат и субсидий это соотношение составит 160 р./кг и 119 р./кг и с доплатами к цене и субсидиями на транспорт из государственного бюджета – 100 р./кг и 173 р./кг. В этих условиях хозяйство в морозный период стремится использовать наземный транспорт.

Субсидирование транспортных затрат и поддержание цен – важные направления государственной помощи развитию отрасли. Но это на данный момент не решает проблему достижения приемлемого уровня доходности ее работников. Общие доходы отрасли в 2013 г. составили 14,3 млн р. (в том числе субсидии – 4,3 млн р.). Если считать, что эти доходы без каких-либо изъятий были обращены в денежный доход работников, то средняя месячная величина его на одного оленевода составит 20–23 тыс. р. (при средней заработной плате в НАО свыше 50 тыс. р.). Однако благодаря наличию других источников дохода фактические денежные выплаты оленеводам составили 15,8 млн р. Кроме того, ими для охраны оленей были получены снегоходы, оружие, боеприпасы. За счет общехозяйственных средств решались и другие проблемы оленеводов.

Главными источниками этих средств в 2013 г. явились государственные субсидии, а также поступления от недропользователей, действующих на землях, находящихся в долгосрочной аренде СПК коопхоза «Ерв»:

Субсидии из федерального и Архангельского областного бюджетов – 13,8 млн р., в том числе:

- на поддержку северного оленеводства – 6,9 млн р.;
- поддержку племенного оленеводства – 2,5 млн р.;
- компенсацию затрат на производство и реализацию продукции оленеводства 4,4 млн р.

(Кроме того, по этим же позициям в 2013 г. были получены субсидии за 2012 г. – 10 млн р.).

Субсидии из бюджета Ненецкого автономного округа – 4,2 млн р., в том числе:

- на возмещение части затрат на проведение зоотехнических мероприятий и охрану оленьих стад – 1,1 млн р.;
- возмещение части затрат на производство и реализацию сельскохозяйственной продукции – 3,1 млн р.

Общая сумма субсидий в 1,8 раза превысила доходы от реализации продукции (мяса оленей) и составила 18 млн р. [...].

Более существенными оказались доходы, связанные с деятельностью нефтедобывающих и других компаний, действующих на землях оленеводческого хозяйства. В 2013 г. они составили 39,8 млн р.

В их числе:

- плата за использование земельных угодий, закрепленных за СПК коопхозом «Ерв», – 12 млн р.;

- компенсации за загрязнение и уничтожение пастбищ, взыскания за самовольный захват земли и др. – 27,8 млн р.

Совокупная величина и структура всех доходов хозяйства (без учета субсидий за 2012 г., поступивших в 2013 г.) представлена в табл. 3.

Таблица 3

Структура денежных доходов СПК коопхоз «Ерв» в 2013 г.*

Показатели	Доходы	
	млн р.	% к итогу
Реализация продукции оленеводства (без государственных субсидий)	10	14,8
Субсидии из бюджетов различных уровней на развитие оленеводства	18	26,5
Платежи и компенсации за пользование землей и нанесение ущерба пастбищам	39,8	58,7
В том числе компенсации за порчу и выбытие пастбищ из оборота	27,8	41
Итого	67,8	100

Из приведенных данных видно, что 41 % доходов образуют компенсации за порчу и выбытие пастбищ. Руководство хозяйства осознает связанные с эти угрозы развитию отрасли и принимает меры как по предупреждению подобных явлений, так и вложению поступающих средств в обеспечение будущих доходов – в материальные и иные активы. Им приобретаются транспортные средства, холодильники, компактные электрогенераторы, оборудование для выпуска продукции с высокой степенью готовности и долей добавленной стоимости, открываются небольшие торговые объекты, но решение многих вопросов осложняется монополизацией местного рынка мясной продукции. Существует также понимание необходимости диверсификации хозяйственной деятельности, хотя возможные ее направления еще не выявлены.

Немалая государственная поддержка оленеводческого населения не ограничивается субсидированием отрасли. Отмеченный ранее сравнительно низкий уровень денежных доходов оленеводов предопределяет существенно меньший уровень душевых доходов населения. Это объясняется тем, что в условиях тундры и кочевого

* Хабаров П.А. Оленеводческое хозяйство «Ерв»: наш путь. СПб., 2014.

образа жизни нет возможности трудоустройства вторых членов семей, а также совместительства для работающих. Доход оленевода во многих случаях является основным доходом семьи. Если семья состоит из четырех человек, то доход на одного человека окажется на уровне 5–6 тыс. р. в месяц. Он будет несколько выше, если женщина (член семьи) числится в хозяйстве чумработницей. Для сравнения укажем, что среднедушевой доход в Ненецком автономном округе еще в 2009 г. составлял 44 тыс. р. в месяц.

В целях снижения уровня социальной дифференциации в настоящее время оленеводческое население получает помощь: а) в виде ежемесячных выплат оленеводам и чумработницам по 2 тыс. р. (на 2014 г.); б) ежегодных единовременных выплат по 4 тыс. р. оленеводам и чумработницам, которым назначена трудовая пенсия; в) ежемесячных социальных выплат по 6 тыс. р. оленеводам и чумработницам на каждого проживающего совместно с ними ребенка в возрасте от полутора до восьми лет. Кроме того, оказывается социальная помощь студентам, производится оплата редких видов медицинских услуг, выделяются средства на улучшение жилищных условий членов семей, проживающих в оседлых поселениях.

Все вышеизложенное позволяет констатировать противоречивость сложившейся ситуации. С одной стороны, в интересах наиболее понятного и, казалось бы, адекватного решения проблемы сбережения малочисленных оленеводческих этносов желательно сохранение не только самой отрасли, но и технологии, и образа жизни занятого в ней населения. С другой стороны, в условиях рыночной среды оленеводство, как традиционный вид деятельности, без помощи извне не может обеспечить приемлемого уровня денежных доходов его работникам и их семьям. В подобных условиях значение государственной помощи не уменьшается. Требуется сохранение основных направлений поддержки отрасли – субсидирования затрат на транспорт, доплат к реализационной цене на мясо, на проведение зоотехнических мероприятий и др.

При разработке целевых программ развития отрасли особое внимание должно быть уделено субсидированию создания производственных объектов по обеспечению сохранности продукции в местах убоя оленей, а также цехов по ее переработке.

Необходимость государственной поддержки хозяйств требует определения ее масштабов. Неодинаковость экономических и других условий хозяйствования в разных районах Крайнего Севера исключают возможность выработки единого норматива для всех. Но, представляется, что исходным пунктом для конкретных расчетов должен быть показатель желательного соотношения среднемесячного заработка работника отрасли и аналогичного показателя для рассматриваемого административно-территориального образова-

ния, например автономного округа. Если, к примеру, средний заработок по району (округу) в три–четыре раза выше, чем в большинстве оленеводческих хозяйств, то в условиях необходимости сохранения отрасли на данном этапе в качестве ориентира масштабов ее поддержки могут выступать показатели задаваемых пропорций, например понижения существующего разрыва в заработках до двухкратной величины.

Поддержка отрасли лишь отчасти решает проблему сбережения этносов. В настоящее время лишь 36 % ненецкого населения в возрасте 14–64 лет заняты в отраслях традиционной деятельности (преимущественно в оленеводстве). В дальнейшем эта доля будет лишь сокращаться. В качестве основных причин этого можно указать на практически полное использование емкости пастбищ в Северо-Западном ФО, перегрузку их в Уральском ФО, а также на увеличившуюся численность диких оленей на заброшенных в 1990-е гг. и невостребованных ныне пастбищах Севера Дальнего Востока. В числе прочих факторов – изъятие земель под размещение промышленных объектов и транспортных систем, некоторое увеличение численности населения. Особо следует указать на снижение жизнеобеспечивающей функции оленеводства, что выражается в необходимости иметь в расчете на одного человека все большее количество оленей для обеспечения возрастающих потребностей индивидов в платных товарах и услугах.

Охарактеризованная ситуация свидетельствует о том, что в перспективе развитие оленеводческих этносов в ещё большей степени (даже при увеличивающейся поддержке государства) будет осуществляться на нетрадиционной хозяйственной основе. Если сегодня об оленеводстве говорят как об этносберегающей отрасли, которая, как отмечалось, консервирует элементы архаизма, изжитые другими народами мира (кочевничество), то добровольная или вынужденная смена деятельности означает переход к новому, базирующемуся на современных технических и иных достижениях, развивающему этапу жизни преобладающей части этноса. В складывающихся условиях осознание коренным населением своей этнической принадлежности в большей степени происходит на психологической основе. В вопросе самоидентификации преобладают роль чувства родовых корней, потребности общения на родном языке, желание следовать обычаям, традициям, верованиям предков. В связи с этим возрастает значение развития этнокультурных ассоциаций, объединений по общим проблемам и по интересам.

Происходящая смена деятельности связана с поиском сферы приложения труда. Свобода выбора работы определяется уровнем общего и профессионального образования и соответствия его профилю хозяйства данной территории. В настоящее время большая

часть коренных северян занята в сфере обслуживания (образование, здравоохранение и социальные услуги, коммунальное хозяйство, государственное управление). Между тем в условиях промышленного освоения основных районов проживания КМНС важно, чтобы коренное население в качестве специалистов было представлено в органах контроля за состоянием природной среды, землеустройства и землепользования, а также в геологоразведке, транспортной сфере и промышленности.

Список литературы

1. Коренные малочисленные народы Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – М., 2005.
2. Лашов Б.В., Лашов В.В. Крайний Север: автономные округа и малочисленные народы (социально экономический очерк). АСТ-ПРЕСС. – М., 2008.
3. От патернализма к партнерству. Строительство новых отношений народов Севера и государства / отв. ред. А.Н. Пилясов. – Магадан, 1998.
4. Развитие северного оленеводства в Российской Федерации на 2013–2015 годы: отраслевая программа МСХ РФ. – М., 2013.
5. Хабаров П.А. Оленеводческое хозяйство «Ерв»: наш путь / под ред. Б.В. Лашова. – СПб., 2014.

В.П. Кайсарова, А.С. Харламбиева

Оценка динамики управления общественным сектором сферы услуг: теоретические особенности и эмпирические результаты в регионах и крупных городах России

Статья представляет актуальность оценивания общественного сектора сферы услуг как ключевого драйвера социальной политики на региональном уровне. Проведен анализ, предложена авторская методика оценки и потенциального развития общественного сектора сферы услуг и представлена ее апробация на основе системы взаимосвязанных показателей благосостояния и качества предоставления ключевых сфер общественных услуг, что позволяет в условиях нестабильного развития повысить объективность и усилить управляемость сложными социально-экономическими процессами на территории России.

This article presents the actuality of evaluation of public sector services as a key driver of the social policy at the regional level, and the results of the analysis carried out. The author proposes the procedure of evaluation and of potential development of public sector services, and presents its approbation on the base of the system of interrelated indicators of well-being and quality of provision of key public services, allowing the unstable development to improve the objectivity and the manageability of complex socio-economic processes in Russia.

Ключевые слова: результативное управление, динамика развития, общественный сектор услуг, оценка качества услуг, индекс потенциального развития, регион, крупный город.

Key words: performance management, dynamics of development, public sector services, quality assurance services, indicator of potential development, region, major city.

Эволюция подходов к управлению общественными услугами в настоящее время тесно связана «с развитием теорий государственности и моделей социальной политики» [2]. В конце XIX – первой половине XX в. произошло оформление института социальной политики, стала формироваться система организаций, ориентированных на обслуживание общественных интересов граждан. Стало формироваться понятие «социальное государство», его ключевым периодом принято считать конец 1940 – середину 1970-х гг. – время, когда экономический бум вызвал беспрецедентный спрос на рабочую силу, сопровождавшийся ростом заработной платы и подъемом общественного благосостояния. За каждой из основных моделей социальной политики в мире (субсидиарной и либеральной) стоит

собственная политика, которая связана с развитием общественного сектора сферы услуг, в том числе на уровне регионов, городских и сельских поселений. В начале 2000-х гг. явно проявился кризис, в первую очередь модели «линии жизни», была осуществлена крупномасштабная ревизия государственных социальных обязательств и сделана попытка превратить социальную сферу в экономически эффективную. А в настоящее время европейские страны пытаются оптимизировать собственные социальные программы (в первую очередь пенсионные) и перейти от социальной политики «линии жизни» к политике «линии труда». Несмотря на дискусионность, по ряду некоторых положений современных реформ не только отмечается достижение баланса интересов общества и государства, но и создана нормативная и методическая база. Но формирование взвешенной стратегии развития сферы общественных услуг и управления ею в регионе должно базироваться на системе информационного обеспечения, позволяющей осуществлять оценку ее состояния на всех этапах. Комплекс методов, применяемых в системе органов исполнительной власти на территориях, определяет конфигурацию оценки сферы общественных услуг. Актуализация «системы управления и оценки в общественном секторе услуг может быть проведена по двум основным направлениям: 1) совершенствование статистической базы и 2) формирование междисциплинарной системы измерения и оценки качества управления в общественном секторе услуг» [3].

В качестве основных критериев для измерения и оценки общественных услуг на территории нами были выбраны три. Среди них – уровень фактического потребления ключевых общественных услуг; потенциальные возможности для удовлетворения потребностей населения и альтернативы выбора общественных услуг; удовлетворенность потребителей качеством общественных услуг.

Для анализа фактического потребления общественных услуг предлагается рассмотреть сферу услуг в целом, и с учетом имеющихся статистических данных определить уровень потребления общественных услуг. Потребление услуг населением лучше всего можно отразить через анализ структуры потребительских расходов населения, который позволит оценить, на что и в каких пропорциях люди тратят свои доходы, и какое место в них занимают услуги. Объем потребления общественных услуг в расчете на душу населения можно оценить, используя косвенный показатель – объем так называемых социальных расходов бюджета на душу населения. Для определения динамики потребления общественных услуг был проведен анализ потребительских расходов домохозяйств, изучена

в динамике структура расходов консолидированных бюджетов субъектов Федерации. Потребительские расходы домашних хозяйств – это часть денежных расходов, которые направляются на приобретение потребительских товаров и услуг. Они состоят из расходов на покупку продуктов питания (включая расходы на питание вне дома), алкогольных напитков, непродовольственных товаров и расходов на оплату услуг, а расходы на конечное потребление домашних хозяйств – это потребительские расходы, стоимость натуральных поступлений продуктов питания и стоимость предоставленных в натуральном выражении льгот [5].

Анализ динамики структуры потребительских расходов домашних хозяйств в 2005–2010 гг. в целом по России показал, что соотношение потребительских расходов в течение рассматриваемых шести лет существенно не менялось (рис. 1, 2).

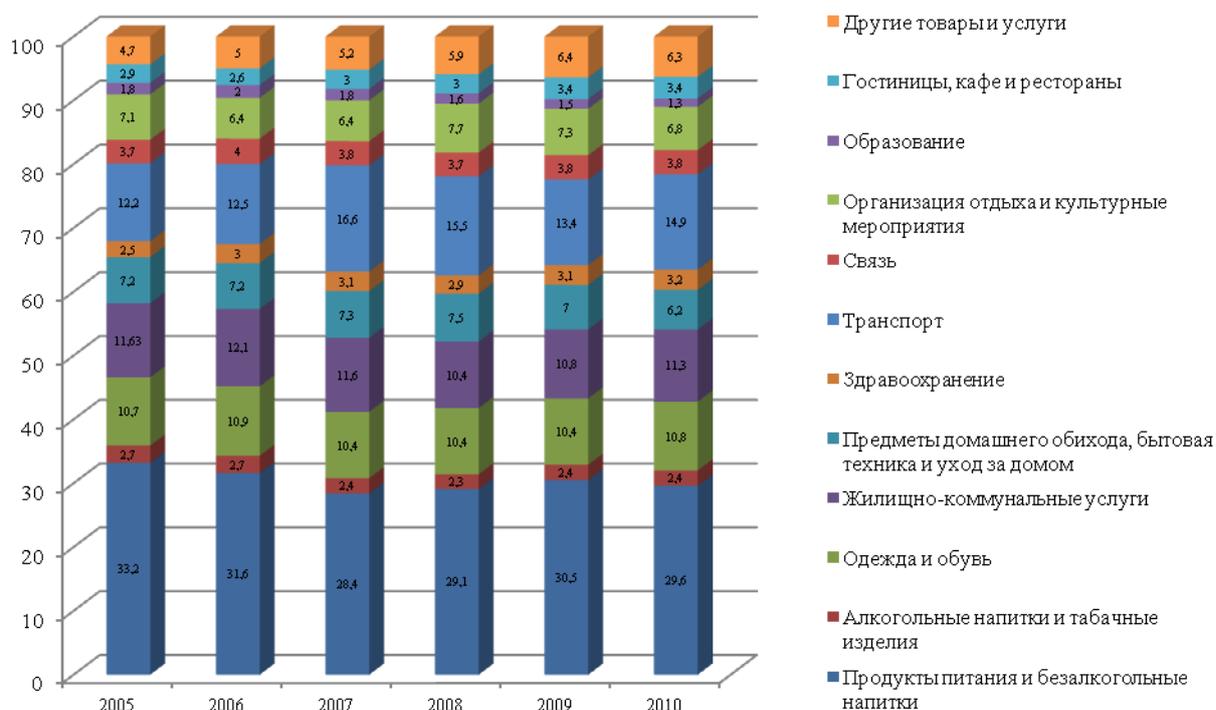

Рис. 1. Структура потребительских расходов домашних хозяйств в Российской Федерации в 2005–2010 гг., %*

* Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003–2011: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2006–2011.

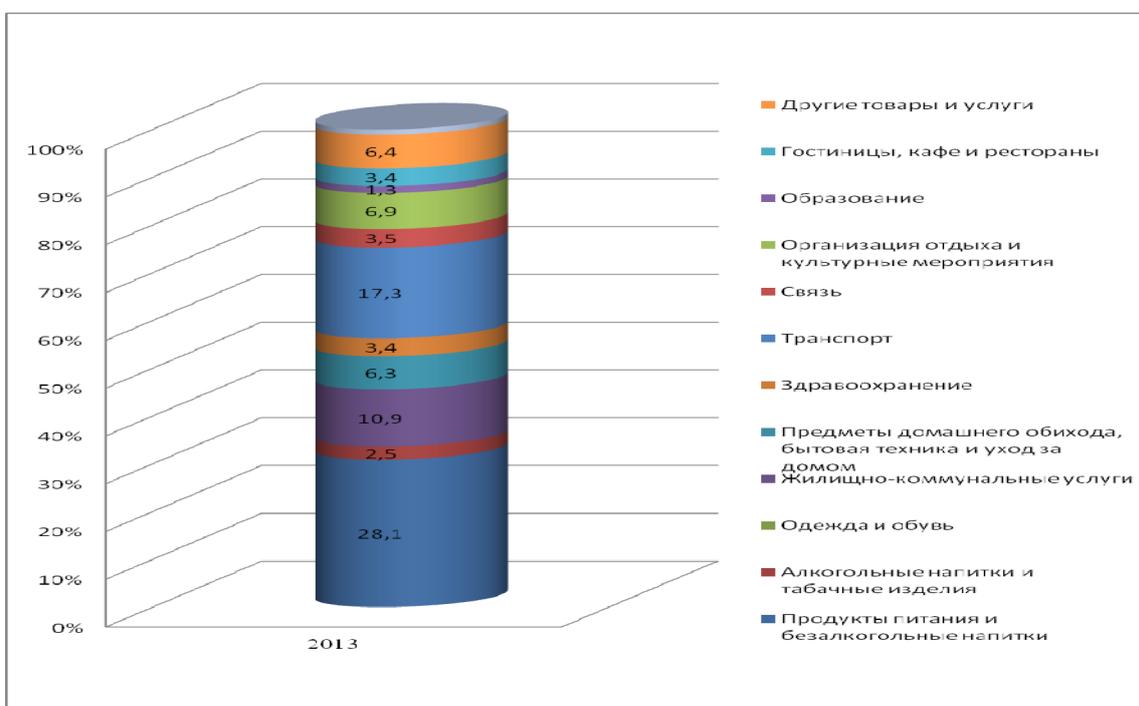

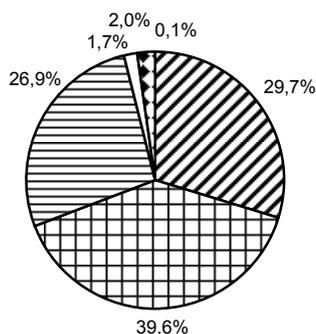
Рис. 2. Структура потребительских расходов домашних хозяйств в Российской Федерации в 2013 г., %**

В структуре потребительских расходов домашних хозяйств в Российской Федерации в 2013 г. расходы на приобретение продуктов питания и безалкогольных напитков (более 28%) стали занимать относительно большую часть, чем за предшествующие 8 лет (рис. 1), хотя нельзя оценить отдельно динамику расходов на оплату услуг, но видно, какую долю занимают расходы на здравоохранение, образование и жилищно-коммунальное хозяйство в общем объеме потребительских расходов домохозяйств: расходы на жилищно-коммунальное хозяйство в РФ составляют в среднем 11 % от всех расходов домохозяйств, а на здравоохранение в среднем – 3 %, на образование – 1,6 %. «Расходы населения на здравоохранение и образование невысокие, как из-за бесплатности основных услуг в данных сферах, так и из-за высокой стоимости платных аналогов» [5].

В развитых странах на эти обязательные расходы идет малая часть бюджетов семей, их потребительские предпочтения более разнообразны за счет более высоких доходов, а соответственно, и больших возможностей выбора. В расходы на конечное потребление домашних хозяйств в России включаются отдельной позицией расходы на оплату услуг (рис. 3).

** Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003–2011: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2013.

Городская местность

Сельская местность

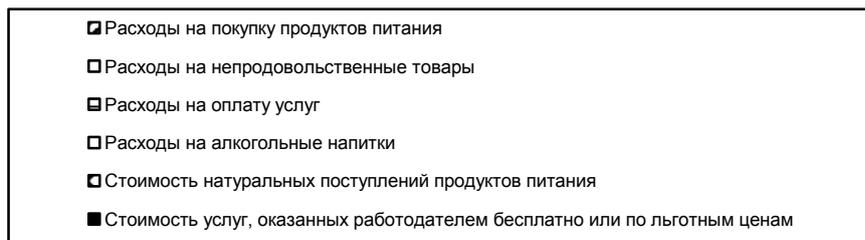
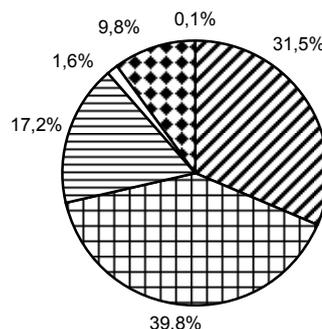

Рис. 3. Структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств РФ в 2012 г., % от общего объема расходов на потребление *

На рис. 3 показано, что расходы домашних хозяйств на оплату услуг в 2012 г. составили в городской местности 26,9 %, а на селе – 17,29 %, что позволяет сделать вывод о том, что такие расходы занимают существенное место в совокупных расходах населения. К сожалению, в статистических базах данных нет информации по их структуре. Наибольший интерес в нашем исследовании представляют общественные услуги. «Известны их свойства: исключительности и свойство "состязательности в потреблении". И, как следствие, потребление их отдельным гражданином или организацией не связано с прямой оплатой доступа к ее получению» [3]. Поэтому изучение потребления общественных услуг через расходы домохозяйств не является корректным. В этой связи мы предлагаем использовать для анализа фактического потребления общественных услуг косвенный показатель – объем так называемых социальных расходов бюджета, или расходов бюджета на социальные цели. Ведь общественные услуги в большинстве случаев финансируются государством. Независимый институт социальной политики к таким расходам на социальные цели относит «пять разделов функциональной классификации расходов бюджета: образование; здравоохранение и физическая культура; культура и искусство; социальная политика; жилищно-коммунальное хозяйство» [5]. Их структура разного уровня по итогам исполнения бюджетов показывает, что, начиная с 2010 г. по настоящее время, по данным Федерального казначейства,

* Социальное положение и уровень жизни населения России в 2013 году. М.: Госкомстат, 2013. С. 152.

основная тяжесть социальных расходов – 75 % в 2010 г. – приходилась на региональные и местные бюджеты. В «расходах федерального бюджета социальные расходы составляют около 15 %, а в расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ – 67,5 %» [5]. Таким образом, потребление общественных услуг в целом по стране увеличилось в 2005–2014 гг. на 65 %, а их финансирование, особенно здравоохранения, образования и ЖКХ осуществляется преимущественно на региональном и местном уровнях. Необходимо провести такой же анализ на уровне регионов и муниципальных образований (например, городских округов), сравнить полученные данные со среднероссийскими показателями.

Поэтому неравномерность и высокая динамичность регионального развития формируют предпосылки для выработки нового методического подхода к анализу общественного сектора сферы услуг в территориальном аспекте. Для получения эмпирических оценок сферы общественных услуг в России необходимо провести кластерный (таксономический) анализ на основе показателей уровня благосостояния населения в регионах страны. Для оценки удовлетворенности населения качеством общественных услуг можно использовать методику Servqual (Паразурман, Л. Берри и В. Зайтхалм, 1985) [9]. В ней за основу можно взять модель «анализа отклонений» из трех базовых элементов: 1) оценка параметров идеального или наилучшего качества услуги; 2) оценка текущих параметров качества предоставляемой услуги; 3) определение веса (значимости) наиболее важных аспектов услуги в определении общей оценки удовлетворенности. Согласно данной модели «размер отклонения между нормативными и текущими показателями конкретного фактора качества услуги определяется по формуле: Отклонение = Восприятие – Ожидание (Perception – Expectation, E – P)» [6]. Размер отклонения между ожиданиями и восприятием конкретного фактора качества услуги можно изобразить схематично (рис. 4).

Рис. 4. Взаимодействие между ожиданиями и восприятиями общественной услуги гражданином *

* Составлено авторами по [9].

Следует отметить, что в контексте государственного управления применять данную методику, разработанную для измерения степени удовлетворенности товарами и услугами частного сектора, необходимо с определенными ограничениями. Задача общественного сектора сферы услуг сводится к достижению баланса между двумя различными (и часто конкурирующими) факторами: полезности затраченных средств, с точки зрения граждан, и доступных услуг высокого качества, с точки зрения клиентов.

Для измерения удовлетворенности населения России качеством общественных услуг с использованием маркетингового метода Servqual мы предлагаем использовать данные всероссийских опросов общественного мнения «Экспресс», проводимых Всероссийским центром исследования общественного мнения (далее – ВЦИОМ).

Для изучения были выбраны опросы ВЦИОМ в области потребления общественных услуг и удовлетворенности населения услугами общественного сектора. Алгоритм оценки удовлетворенности населения качеством таких услуг по модели Servqual представлен на рис. 5.

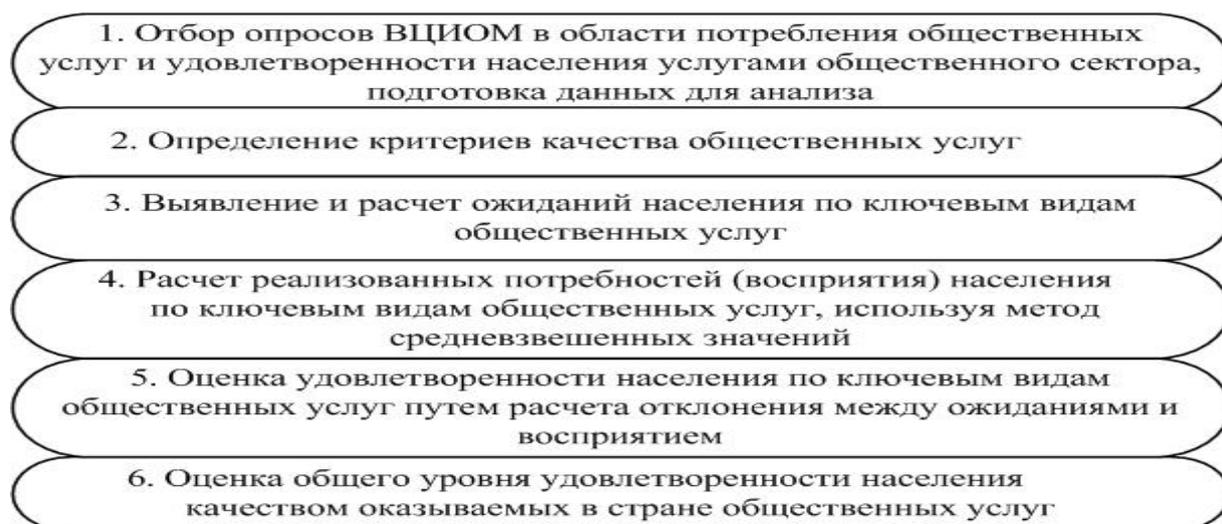

Рис. 5. Авторский алгоритм анализа ожиданий и реализованных потребностей населения по ключевым видам услуг на основе данных ВЦИОМ

В результате сравнения нормативных и текущих показателей конкретного фактора качества услуги можно узнать, насколько успешна деятельность государственных служб, оказывающих эти услуги. Полученные результаты имеют критерии для интерпретации, если:

- ожидаемые (нормативные) оценки (E) превышают реальные (P), то это означает, что поставщик услуг работает успешно;
- ожидаемые оценки ниже реальных, то поставщику общественных услуг необходимо принимать меры по повышению показателей по тем или иным критериям;

- если ожидаемые оценки совпадают с реальными значениями, то поставщик общественных услуг достаточно успешен, но ему есть к чему стремиться.

Базовый алгоритм, выявляющий степень качества услуги в целом по всем критериям, может быть выражен уравнением [6]:

$$SQ = \sum W \times (P - E),$$

где SQ – качество услуги;

W – весовой фактор;

P – восприятие услуг населением (полученный эффект от потребления того или иного вида услуги);

E – ожидания населения от потребления того или иного вида услуг.

И наконец, для измерения потенциальных возможностей развития общественных услуг как важных составляющих уровня благосостояния населения страны и региона предлагается использовать концептуальный подход, предложенный в докладе Комиссии Джозефа Стиглица «Измерение экономических результатов и социального прогресса» [8]. Концепция располагаемых возможностей («capabilities») основана на подходе, при котором уровень жизни оценивается через свободу личности – возможности сделать выбор между различными комбинациями функциональных жизненных состояний (возможностей). Примером осуществления такого подхода является индекс развития человеческого потенциала, запущенный в практику Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в 1990 г. Он основан на представлениях о развитии как процессе, расширяющем свободу выбора и возможности людей [1].

В дальнейшем для изучения потенциальных возможностей развития общественных услуг нами была использована оценка статистических показателей в баллах, охватывающих основные сферы общественного сектора услуг и напрямую отражающих уровень свободы выбора и широту располагаемых возможностей человека или характеризующих косвенное влияние на них.

В рамках исследования нами были отобраны 37 статистических показателей, которые прямо или косвенно характеризуют свободу выбора и располагаемые возможности людей или влияют на них. Следует особо отметить, что исходя из уже имеющихся в настоящее время в официальной статистике показателей, их набор был сильно ограничен, так как среди них полностью подходящих для целей проведения эмпирической оценки имеется очень мало. В список включены те из них, которые влияют на обозначенные процессы косвенно. Показатели по данному алгоритму были сгруппированы в четыре основные группы, исходя из структуры бюджетных расходов и более полной информационной базы для анализа.

Среди них для исследования использовались показатели, характеризующие развитие общественных услуг: 1) в сфере здраво-

охранения; 2) в сфере образования; 3) в сфере жилищно-коммунального хозяйства; 4) в сфере охраны окружающей среды. По каждому показателю методом шкалирования (от 0 до 1 с округлением до сотых), значения были переведены в баллы в обозначенном интервале по определенному методу. Причем обозначением «1» характеризуются наилучшие значения показателя, а «0» – наихудшие. Методом суммирования значения всех показателей по выделенным группам были получены 4 частных индикатора потенциального развития общественных услуг (далее – ИПРОУ) в соответствующих сферах, а сводный индикатор потенциального развития общественных услуг был получен как сумма из частных, стандартизированных значений индикаторов и значений дополнительных показателей. В рамках построенной системы теоретическое максимальное значение сводного индекса равно 37 баллам, а минимальное – 0. Для частных индикаторов также определены максимальное и минимальное значения: 1) в сфере здравоохранения: от 0 до 12 баллов; 2) в сфере образования: от 0 до 6 баллов; 3) в сфере жилищно-коммунального хозяйства: от 0 до 10 баллов; 4) в сфере экологии: от 0 до 5 баллов. Для рассматриваемых шкал были взяты теоретические значения краев интервала, которые были выбраны как наибольшее и наименьшее значения соответствующих показателей среди всех субъектов Российской Федерации за период с 1990 по 2013 гг. В процессе исследования авторы обосновали выбор каждого показателя с учетом специфики перевода его значений в баллы. В качестве критериев (признаков), по которым можно дифференцировать регионы страны, было выбрано пять показателей, характеризующих общий уровень благосостояния населения:

1) общий объем расходов консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации;

2) доля социальных расходов в расходах консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации;

3) среднедушевые денежные доходы населения (в месяц);

4) доля занятых в сфере услуг (в процентах от общей численности экономически активного населения региона);

5) соотношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума.

Дадим краткие пояснения. Так, общий объем расходов консолидированного бюджета региона, по нашему мнению, отражает наряду с валовым региональным продуктом (ВРП) объем экономики региона, уровень его экономического развития. Среднедушевые денежные доходы населения и величина прожиточного минимума являются основными показателями уровня жизни населения. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов характеризует дифференциацию населения по уровню материального достатка. Величина прожиточного минимума пред-

ставляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы [7].

Для анализа интересен уровень развития сферы услуг в регионе. Его отражает показатель «Доля занятых в сфере услуг (в процентах от общей численности экономически активного населения региона)». Общепринято, что к сфере услуг относятся оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг.

Эмпирическая оценка результатов управления в общественном секторе услуг была дополнена кластерным анализом данных с помощью программы SPSS. В результате было выделено пять групп регионов России по общему уровню благосостояния и развитию общественного сектора сферы услуг:

1. «Регионы-лидеры» (20 %) – регионы с большим объемом расходов консолидированного бюджета, относительно высокими среднедушевыми денежными доходами населения и относительно низкой долей социальных расходов в общем объеме расходов бюджетов регионов. Это регионы с наиболее благоприятными и комфортными условиями проживания для населения и развитым общественным сектором услуг.

2. «Регионы с низкой величиной прожиточного минимума» (35 %) – их отличают небольшой объем расходов бюджета и низкий уровень среднедушевых денежных доходов при относительно низких величинах прожиточного минимума среди других регионов. Но при этом денежные доходы населения в среднем на 60% превышают величину прожиточного минимума, а общественный сектор услуг имеет развитие выше среднего.

3. «Середина» (25 %) – достаточно условный тип с менее выраженными различиями в общественном секторе услуг.

4. «Регионы Севера» (5 %) – регионы с небольшим общим объемом бюджетных расходов, при этом они имеют больше половины расходов – на социальные нужды. Из-за природно-климатических особенностей величина прожиточного минимума в этих регионах устанавливается на высоком уровне и, соответственно, различными институциональными мерами поддерживается высокий уровень среднедушевых денежных доходов населения, который отражает нетипичное/специфическое состояние общественного сектора сферы услуг на их территориях.

5. «Регионы-аутсайдеры» (8 %) – регионы, в которых среднедушевые доходы населения практически не отличаются от устанавлива-

емой величины прожиточного минимума. Население живет на уровне удовлетворения минимальных потребностей, не имея возможности выбора альтернатив, общественный сектор услуг наименее развит.

Следует отметить, что Москва и Санкт-Петербург не участвовали в анализе, а в первую группу регионов вошли почти все из них, где административными центрами являются крупные города с численностью населения более одного миллиона человек. «Регионы-лидеры» могут стать объектом дальнейшего исследования, так как именно в них с наибольшей вероятностью население обладает свободой выбора и располагаемыми возможностями. (Мы предлагаем включить в анализ ещё два региона – Волгоградскую и Омскую области).

Достоинствами типологии является то, что в неё вовлечены практически все регионы РФ, используемая комплексная система показателей общественного сектора сферы услуг основана на современной статистической базе, при ее создании применены передовые технологии кластерного анализа для многомерной классификации объектов, а её достоверность и устойчивость доказана содержательным анализом статистических данных в ретроспективе за несколько лет.

Таким образом, полученные достоверные результаты, как и сама типология, могут быть использованы в системе управления общественным сектором сферы услуг на уровне регионов.

Список литературы

1. Доклады ПРООН о человеческом развитии в 1993–2013 годах [Электронный ресурс] / ПРООН. – URL: <http://hdr.undp.org/en/content/>.
2. Кайсарова В.П. Научные подходы стратегического менеджмента как теоретическая основа развития управления общественными услугами крупного города // Экономическое возрождение России. – СПб., 2012, N2/32. – С. 60–65.
3. Кайсарова В.П. Теория и практика управления сферой публичных услуг // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 5 «Экономика». – № 4. – СПб., 2010. – С. 88–97.
4. Материалы онлайн занятий по маркетинговым исследованиям [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chumakova.ru/servqual>.
5. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – С. 36–38. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.socpol.ru/publications/book.shtml>.
6. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003–2011: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2006–2013.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 3 дек. 2012 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О прожиточном минимуме в Российской Федерации"» // Рос. газета. – 7 дек. 2012 г.
8. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited // Documents de Travail de l'OFCE / Observatoire Français des Conjonctures Économiques (OFCE). – 2009. – Dec. – No. 2009-33.
9. Zeithaml, Valarie A. Delivering quality service: balancing customer perceptions and expectations / Valarie A. Zeithaml, A. Parasuraman, Leonard L. Berry. – The Free Press, 1990.

Особенности территориального развития интеграционных процессов в сфере услуг населению

В статье предпринята попытка обобщения опыта развития интеграционных процессов в сфере услуг населению в регионах Российской Федерации. Рассмотрены основные характеристики для интеграции рынков услуг, приведен сравнительный анализ трансграничной формальной интеграции и российского федерализма.

Article presents the generalized experience in developing integration processes in the sector of public services in certain regions of the Russian Federation. The article describes main criteria, necessary for integrating services markets, as well as it gives the comparative analysis of cross-border formal integration and the Russian federalism.

Ключевые слова: предприятия сферы услуг, интеграция, региональная экономика, социальная инфраструктура.

Key words: service industries, integration, regional economy, social infrastructure.

В экономике постиндустриального общества в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения вместо преимущественного производства товаров приоритетным стало производство услуг. Производственным ресурсом становятся информация и знания. В основе прогрессивной технологии лежит знание, главным образом научное. Научные разработки становятся основной движущей силой экономики. В отличие от прошлого, когда пути науке прокладывал практический опыт, сегодня поток информации идет в противоположном направлении – от науки к производству.

Основу конкурентоспособности любой страны составляет способность людей находить, производить, обрабатывать, преобразовывать, распространять и использовать знания в различных сферах человеческой деятельности. Наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность работника – человеческий капитал [8]. Поэтому всё большее значение приобретает развитие сферы услуг, нацеленной на всестороннее удовлетворение потребностей человека, в том числе услуг социального характера, предоставляемых объектами

социальной инфраструктуры. При этом процессы интеграции имеют большое значение для повышения эффективности функционирования социально-экономических систем различного уровня. Отметим, что в удовлетворении потребностей населения ключевая роль принадлежит региональному уровню.

Региональную экономику следует рассматривать с позиций обеспечения условий наиболее эффективного функционирования всех экономических субъектов, расположенных как на территории региона, так и за его пределами [21]. Изучая теоретические аспекты интеграции территориальных комплексов, в первую очередь необходимо дать научную классификацию различных их видов. При рассмотрении объектов классификации можно выделить территориальные комплексы, различные хозяйствующие субъекты всех типов, уровней и форм собственности.

Классификационным признаком может служить разноуровневость организационно-правовых структур. Действительно, если интегрировать хозяйствующие субъекты только определенной отраслевой направленности, то в данном случае имеет место горизонтальная интеграция.

Развитие регионов с точки зрения интеграционного подхода должно рассматриваться как формирование открытых, сложных систем, находящихся в динамическом состоянии. В этом случае регион можно представить как сложноорганизованное образование, которое включено в более крупную, более глобальную систему. Экономические выгоды интеграции определяются, прежде всего, масштабностью формируемых хозяйственно-кооперативных комплексов, широтой их состава и тесными связями, так как обособленные небольшие территории в хозяйственном отношении малоэффективны, неустойчивы в развитии и неспособны к самостоятельному прогрессированию [4].

Современный этап развития России характеризуется сверхцентрализацией, альтернативой которой в руководстве регионами России могут быть два пути [12]:

- либерализация, заключающаяся в предоставлении регионам достаточных средств для решения ими своих социально-экономических задач, выравнивания территориального размещения производства (при минимальной собственной производственно-экономической деятельности центра);

- переход на методологию современного неокейнсианства (сочетание либерализма и кейнсианства) на основе принципа субсидиарности, что требует соответствующей бюджетно-налоговой децентрализации и внесения изменения в Бюджетный кодекс и Закон «О бюджетной классификации Российской Федерации».

Основные региональные проблемы современной России схожи с теми, которые решались в Западной Европе и Канаде в послевоенные десятилетия, а в США – в период Великой депрессии 1929–1933 гг. В то время доминирующей методологической базой в экономической политике выступало кейнсианство с его выраженной экономической функцией государства. Однако кейнсианство, как и другие доктрины, не сводится к централизму, оно предполагает наделение ресурсами и полномочиями регионы и муниципальные институты. Государство в системе «центр – регионы – местные власти и органы самоуправления» может органично действовать, имея общие главные цели на каждом уровне иерархии. Таким образом, для решения региональных проблем помимо принципа субсидиарности необходимо придерживаться принципа адекватности.

А.М. Либман и Б.А. Хейфец [5] указывают, что в наиболее широком смысле интеграция трактуется как объединение в целое каких-либо частей, элементов [1]. Данное представление является весьма абстрактным и следование ему не позволит ограничиться интеграцией пространственно обособленных объектов (стран, территорий или рынков). Поэтому указанные исследователи предлагают рассматривать интеграцию рынков как формирование устойчивых связей между ранее территориально обособленными рынками в виде потоков благ и факторов производств и/или взаимосвязи цен на них [20].

Межрегиональная интеграция рынков является не менее сложным процессом, чем межгосударственная [21]. Во многих случаях речь идет о барьерах, которые в принципе не носят юридический характер и могут быть связаны, например, с особенностями технологии и географии. В любом случае, речь идет о препятствиях для сделок, мешающих эффективному осуществлению арбитража между отдельными региональными рынками. В результате цены утрачивают свою способность служить механизмом передачи информации между регионами. Все это порождает проблему экономической интеграции рынков – устранение существующих между ними барьеров, в конечном счете ведущих к растворению региональных рынков в рамках общей структуры обмена [22]. Проблема интеграции рынков, определенная таким образом, является качественно однородной и для международного, и для внутреннего взаимодействия.

Идеальная или полная интеграция пространственно обособленных рынков невозможна, так как всегда сохраняются «неторгуемые» товары или услуги, доступ к которым возможен или присущ жителям определенной территории. При сравнительном анализе интеграции можно использовать как абсолютные показатели (отра-

жающие расстояние конкретных пространств от идеала – полностью интегрированной территории), так и относительные, характеризующие скорость приближения к идеалу.

На практике используются пять основных характеристик для интеграции рынков.

1. Масштабы трансграничных потоков товаров, услуг, рабочей силы и капитала. Этот показатель является простейшей возможной характеристикой интеграции рынков, но в то же время и наименее точной. Во многих случаях объем трансграничных потоков благ и факторов производства не связан с реальным ростом взаимозависимости рынков.

2. Структура цен: на интегрированных рынках действует закон одной цены, т.е. цены на одинаковые товары в различных странах или регионах одной страны должны совпадать [3]. Данный подход является наиболее точным методом анализа интеграции рынков, однако полноценному использованию данного эмпирического метода препятствует объективное ограничение, связанное с нехваткой количественных данных. Как правило, данные об уровне цен на конкретные товары или услуги гораздо менее точны, чем об объемах трансграничной торговли.

3. Поведение потребителей в различных странах. При высоком уровне интеграции игроки могут за счет покупки активов в других странах или регионах «застраховаться» от специфических шоков, в результате чего потребление должно характеризоваться более высоким уровнем корреляции, чем производство [6].

4. Косвенным индикатором интеграции можно считать масштабы региональной специализации [11]: чем более интегрированы рынки, тем выше стимулы для специализации отдельных регионов. Однако данный подход нередко игнорирует ключевую роль внутриотраслевой торговли.

5. Интеграция на основе влияния диспропорций экономического развития регионов может проявляться в формировании эффектов от внешних шоков ВРП, когда шоки одних регионов передаются в другие. В предельном случае интеграция может найти свое отражение в конвергенции или пространственной корреляции роста. Однако новая экономическая география прогнозирует формирование предельных диспропорций экономического развития именно в экономиках с минимальными издержками преодоления дистанции [10].

Характеристики межрегиональной интеграции рынков услуг представлены на рисунке.

Рисунок. Характеристики межрегиональной интеграции рынков услуг

Гравитационные регрессии рассматривают структуру межрегиональной торговли как результат противодействий двух сил: масштабов ВРП (притягивающих торговые потоки) и расстояния между странами (отталкивающей торговлю). В этом случае зависимой переменной регрессий является величина торгового (или инвестиционного, или миграционного) потока между регионами А и В, а в число независимых переменных входят размер ВРП региона А, региона В и расстояния между регионами. На практике до начала 2000 г. российский федерализм развивался в направлении снижения уровня централизации и интеграции, увеличивалось влияние регионов (см. табл. 1).

Отказ от жестко централизованной модели региональной политики не означает свертывания государственного экономического вмешательства [23].

Экономическая интеграция – это присущий современному обществу объективный процесс постепенного сращивания хозяйственных механизмов двух или нескольких государств или регионов, находящихся, как правило, на одном уровне экономического развития, имеющих совместимые социально-экономические, политические системы и приоритеты. Этот процесс проявляется в создании региональных интеграционных объединений, содержащих определенный набор экономических и правовых инструментов и норм [16]. На региональном уровне экономическая интеграция может связать отсталые нерентабельные территориальные комплексы и хозяйствующие субъекты, удовлетворяющие рыночный спрос на товары и услуги, что приводит к уменьшению безработицы, снижению инфляции и социальной напряженности.

Таблица 1

*Сравнительный анализ трансграничной формальной интеграции
и российского федерализма [5]*

Период	Российский федерализм		Постсоветская трансграничная интеграция	
	Движущие силы	Институты и результаты	Движущие силы	Институты и результаты
1991–1993(4): многосторонние переговоры в «тени» советского прошлого	Многосторонние переговоры между коалицией этнических республик и центром; попытки прочих регионов добиться более высокого уровня в переговорах	Чистый «переговорный» федерализм: взаимодействие каждого из регионов и центра сопряжено с постоянными переговорами	Многосторонние переговоры между постсоветскими странами по поводу взаимных обязательств и претензий, оставшихся от СССР, и более тесной кооперации	«Рублевая зона», базовые институты СНГ, попытки более тесной кооперации неудачны
1993(4)–2000(2): переговоры в «клубах» и обмен риторикой лояльности и материальных преимуществ	Двусторонние переговоры отдельных регионов и федерального центра	Асимметричный федерализм; сочетание высокой централизации на уровне формального права со значительными постконституционными уступками регионам и масштабной односторонней деволуцией с помощью неформальных инструментов	Переговоры в «небольших» клубах и попытки создания интеграционных проектов по примеру ЕС	СНГ, ЕврАзЭС, Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), СГРБ: бюрократическая интеграция с амбициозными целями и незначительными результатами
2000(2)–2009: дивергенция институциональных систем	Рецентрализация и ограничение автономии региональной политики	Высокая централизация и ограничение автономии регионов, создание жесткой вертикали управления	Попытки перейти к «реальной» функциональной интеграции в регионе СНГ и повысить влияние России на внутреннюю политику постсоветских государств	ЕЭП: проект не реализован, попытки России оказать влияние на политику соседних государств неудачны
2010: новый период параллельного развития	Завершение процессов централизации	Отставки последних «политических губернаторов»	Определенная нормализация отношений со странами СНГ, определенные успехи в интеграции	Таможенный союз

При такой интеграции могут возникнуть и другие эффекты: улучшение качества услуг, рост внебюджетных доходов, более полное удовлетворение спроса потребителей. Все это приводит к повышению эффективности использования кадрового и материального потенциала интегрируемых территориальных комплексов и хозяйствующих субъектов.

Интеграция также приводит к расширению воспроизводства за счет реинвестирования внебюджетных доходов в основные фонды, оплаты расходов на повышение квалификации и переквалификацию кадров. Развитие межрегиональных экономических связей и процессов интеграции регионов происходит в условиях продолжающейся реформы по формированию экономических отношений между центром и субъектами Федерации.

В развитие межрегионального сотрудничества и процесса интеграции весомый вклад вносят ассоциации экономического взаимодействия субъектов Федерации, которые начали создаваться с 1991 г. по инициативе региональных органов власти. На начальном этапе своей деятельности ассоциации решали в основном политические задачи. Однако в дальнейшем основные направления деятельности ассоциации сконцентрировались на экономических проблемах взаимодействия регионов. Ассоциации экономического взаимодействия регионов решают задачи реализации крупномасштабных региональных инвестиционных программ и проектов. Таким образом, они являются важной и перспективной формой регулирования и координации межрегионального экономического сотрудничества. Однако эффективность их работы недостаточна, что обусловлено нечеткостью функций и правового статуса, ограниченными экономическими возможностями многих субъектов Федерации. Необходима разработка реальных механизмов регулирования интеграционных процессов в рамках ассоциаций, преодоление ориентации руководителей регионов на локальные интересы [13].

В.В. Худеева [18] прямо связывает стимулирование социально-экономического развития субъектов РФ с механизмами повышения территорий их конкурентоспособности. В этой связи процесс стимулирования необходимо рассматривать одновременно с выравниванием положения субъектов Российской Федерации с точки зрения преодоления различного рода асимметрии в развитии регионов: экономической; социальной; институциональной асимметрии. Очевидно, что в контексте проблем территориального расслоения и выравнивания существуют только три типа регионального развития, которые удобно использовать при разработке технологии стимулирования социально-экономического развития территорий: асимметричный, гармоничный и нейтральный. Асимметричным, или дисгармоничным, будем называть такой тип (характер) региональ-

ного развития за определенный период, при котором регионы, имеющие относительное преимущество по тому или иному показателю в начале периода, в дальнейшем его наращивают, а регионы, имеющие относительное отставание, его усугубляют; гармоничным (симметричным) – тип регионального развития, при котором разрыв в уровне региональных показателей сокращается. Наконец, нейтральным назовем тип развития, при котором соотношение в уровне региональных показателей в течение периода остается неизменным. Отметим следующие принципиальные особенности введенных понятий:

1. Базисным условием, порождающим тот или иной тип территориального развития является его неравномерность; конституирующим признаком асимметричного (гармоничного, нейтрального) развития выступает динамика разброса региональных показателей.

2. Тип регионального развития определяется исключительно в динамике и только применительно конкретному показателю.

3. Асимметричное развитие связывается с центростремительными тенденциями, взаимным удалением региональных показателей друг от друга, все большим межрегиональным различием (расслоением). Гармоничное развитие соответствует взаимному сближению региональных показателей, большей региональной однородности.

4. Тот или другой тип регионального развития не может быть априори объявлен позитивным или негативным. Скажем, результатом асимметричного развития может быть улучшение показателя во всех регионах. И наоборот, сближение региональных показателей во времени может сопровождаться их тотальным ухудшением.

5. Оценка типа регионального развития и его интенсивности, вообще говоря, допускает использование различных индикаторов. Для идентификации типа регионального развития в соответствии с данным определением не может быть использован инструмент, характеризующий те или иные отдельные региональные подсистемы, например регионы с крайними показателями. Наоборот, этим инструментом является индикатор, характеризующий в определенном смысле близость всех региональных показателей друг к другу. Для целей измерения может быть использован, в частности, любой классический индикатор из арсенала математической статистики, применяемый для оценки разброса (рассеяния) компонент вектора от среднего значения. Это могут быть дисперсия, среднеквадратическое отклонение, коэффициент вариации. Численное значение этого коэффициента не может характеризовать тип регионального развития, но его динамика может. Изменение коэффициента вариации во времени характеризует увеличение или уменьшение разбро-

са региональных показателей (субъектов РФ) от среднероссийского значения.

В России в настоящее время происходят два противоположных по направленности процесса: деиндустриализация и рост удельного веса сектора услуг. Первая тенденция — падение удельного веса перерабатывающих отраслей с одновременным укреплением добывающих — является отчасти вынужденной и в целом с точки зрения перспектив дальнейшего развития отечественной экономики носит негативный характер. Эта тенденция смещает отечественную экономику с преимущественно индустриальной на доиндустриальную стадию развития, что свидетельствует не о прогрессе, а скорее, о регрессе. В то же время в российской экономике происходит рост удельного веса услуг, торговли и финансовых учреждений, что характерно в целом для постиндустриальной стадии развития общества. В ближайшие годы в России прогнозируется весьма существенное перераспределение трудовых ресурсов [23].

Соответственно структурным изменяются и критерии территориального размещения отраслей хозяйства [9]. Для успешного функционирования предприятий сферы услуг необходимо наличие определенных материальных объектов, которые занимают место в пространстве и времени. Это — производственная площадка, развитая транспортная инфраструктура, обеспечивающая бесперебойные поставки сырья и материалов, отгрузку готовой продукции, источники этого самого сырья, топлива и энергии, рабочая сила и т. п. Территория, в пределах которой в данный момент времени располагаются все эти материальные объекты (или их наиболее удачное сочетание), должна быть оптимальной для размещения предприятия.

Территориальное размещение объектов социальной инфраструктуры, представляемых предприятиями и организациями сферы услуг, определяется наличием спроса на них, который, в свою очередь, зависит от численности и состава населения. Поэтому условием решения локационных задач для предприятий сферы услуг является человеческий фактор — наличие людей, готовых предоставлять данную услугу, и людей, готовых ее потреблять. Но теперь при решении локационной задачи приходится говорить не столько о свойствах территории как таковой, сколько о свойствах человеческого общества, проживающего на ней. Следовательно, оценка условий хозяйствования для современных предприятий сферы услуг во многом сводится к анализу общественных отношений по поводу бизнеса.

Об этом говорит и О.С. Шарапова [19], которая пишет, что «сложность в выборе места для организаций сферы услуг состоит в том, что она не всегда будет ориентироваться только на благопри-

ятные деловые условия среды с точки зрения организации трудовой деятельности, налогового режима или арендной платы. основополагающее условие размещения большинства компаний сферы услуг – это наличие клиентов, поскольку услуги потребляются по месту предоставления. Фирма готова мириться с относительно более высокими налогами, заработной и арендной платой, сложной системой трудового законодательства и т. п., если ее услуги широко востребованы среди местного населения, и она получает стабильно высокий доход. Поэтому наличие платежеспособных клиентов или потребителей определенной услуги в месте ее производства может менять оценку неблагоприятных деловых условий среды на противоположную». Этот тезис определяет основную проблему привлечения частных инвестиций в объекты социальной инфраструктуры: недостаточное количество потребителей. При этом государство заинтересовано в развитии территории, но не имеет достаточно ресурсов для обеспечения деятельности всех необходимых объектов социальной инфраструктуры. Решение этой проблемы может рассматриваться в рамках государственно-частного партнёрства.

Социально-экономический потенциал региона нельзя назвать уменьшенной копией экономического потенциала страны. К основным проблемам, специфичным именно для региональной экономики, следует отнести [14]:

- пропорции между отраслями экономики в зависимости от уровней их развития (промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, строительством, банковским сектором, торговлей и т. д.);
- соотношение производственной и непроизводственной сферы;
- уровень развития производства и трудовых ресурсов;
- состояние строительства и мощности строительных организаций и т. д.

Развитие отдельного региона зависит не только от природных условий и взаимоотношений между предприятиями и отраслями, но и от степени его включения в межрегиональное разделение труда.

В настоящее время все страны, в том числе и Россия, столкнулись с серьезными проблемами кризисного характера, не позволяющими наращивать темпы экономического роста, а также повышать уровень жизни населения. В первую очередь следует назвать преобладающее развитие добывающих отраслей, так называемую сырьевую экономику; несовершенство законодательства и налогового регулирования предприятий, что особенно сказывается на малом бизнесе; ценовую незащищенность отечественных производителей от импорта и т. п. [2].

Неустойчивость малого бизнеса, представленного объектами социальной инфраструктуры, определяет потенциальную перспек-

тивность для органов исполнительной власти регионов крупных интегрированных предприятий сферы сервиса, которые за счет возможностей экономии на масштабе, обладают большей устойчивостью и эффективностью.

Интеграционные процессы как проявление общей тенденции к концентрации услуг влекут за собой снижение конкурентности соответствующих рынков. Опыт приватизации показал, что ее влияние на формирование конкурентной среды эффективно в том случае, если она сочетается с процессами демополизации. Одна из мер регулирующего воздействия государства на процесс развития конкуренции должна состоять в проведении проконкурентной государственной политики на предприятиях сферы услуг, где в государственной собственности находятся пакеты акций, позволяющие управлять созданными в результате приватизации акционерными обществами. При этом необходимо создание системы эффективного управления государственным пакетом акций.

В условиях жестко ограниченного спроса и кризиса сбыта многие предприятия сферы услуг [7], возможно, будут вынуждены осуществлять ряд незаконных с правовой точки зрения действий, направленных на обеспечение устойчивого развития, следующего характера:

- организация лоббирования собственных экономических интересов посредством получения от властных структур различных законодательно оформленных льгот и гарантий на получение дефицитных ресурсов;

- участие в процедуре лицензирования с целью недопущения и оттеснения конкурирующих субъектов с рынка;

- осуществление негласных «разделов рынков» между доминирующими предприятиями сферы услуг по территориальному принципу;

- реализация мер протекционизма для защиты собственных интересов и недопущения на рынок иностранных конкурентов.

По нашему мнению, преодолению указанных негативных явлений также будут способствовать интеграционные процессы в сфере услуг, теоретико-практические аспекты которых рассмотрены в данной статье.

Список литературы

1. Большой экономический словарь. – М.: Фонд «Правовая культура», 2004.

2. Витушкина А.С., Рогова Р.И. Модернизация в системах управления экономикой региона [Электронный ресурс] // Проблемы региональной экономики // http://www.regeg.ru/archive/index.php?infoblock_id=99 (дата обращения: 15.09.2012).

3. Глущенко К.П. Модели и методы исследований пространственной интеграции рынков товаров: дис. ... д-ра экон. наук. – Новосибирск, 2008.
4. Курбанова З.З. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов // Проблемы современной экономики. – № 4(36). – 2010.
5. Либман А., Хейфец Ю. Модели региональной интеграции. – М.: Экономика, 2011.
6. Мордовченков Н.В. Повышение качества образовательных услуг как условие перехода к постиндустриальной экономике // Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. – URL: <http://www.uecs.ru/uecs40-402012/item/1231-2012-04-09-05-48-49> (дата обращения: 3.09.2012).
7. Проблемы формирования конкурентной среды для предприятий сферы сервиса в условиях преодоления экономического кризиса. – URL: <http://www.strategplann.ru/estatiq/problemy-formirovaniya-konkurentnoj-sredy-dlja-predpriyatij-sfery-servisa-v-uslovijah-preodolenija-ekonomicheskogo-krizisa.html>.
8. Родионов Д.Г., Кушнева О.А. Укрепление рыночной позиции российских университетов за счет экспорта образовательных услуг // Общество. Среда. Развитие. – № 2. – 2014. – С. 70–75.
9. Родионов Д.Г., Афанасов А.Ю., Горовой А.А. Региональная кластерная политика в контексте управления развитием региональной экономики // Мир экономики и права. – № 4–5. – 2014. – С. 18–30.
10. Родионов Д.Г., Афанасов А.Ю., Горовой А.А. Роль региональной кластерной политики в обеспечении процессов инновационной модернизации российской социально-экономической системы // Мир экономики и права. – № 3. – 2014. – С. 38–42.
11. Родионов Д.Г., Афанасов А.Ю., Горовой А.А. Зарубежный опыт формирования и реализации региональной кластерной политики // Мир экономики и права. – № 6. – 2014. – С. 4–16.
12. Родионов Д.Г. О трактовках понятия «рыночная инфраструктура» в сфере услуг и задачах по ее развитию в регионах РФ // Проблемы современной экономики. – № 1–2. – 2014. – С. 150–151.
13. Родионов Д.Г., Заборовская О.В. Влияние научно-технического прогресса на развитие сферы услуг в современной экономике // Инновации. – № 7. – 2003.
14. Ростанец В., Топилин А. Социальные структуры региональной интеграции // Экономист. – № 2. – 2006. – С. 53, 55–56.
15. Сибирская Е.В., Старцева О.А., Пьянова Н.В. Системное управление региональной экономикой // Регионология. – № 4. – 2007. – С. 73.
16. Соболева Ю.П. Стратегия развития интеграции в промышленности // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 1(58). – С. 19–20.
17. Хасбулатов О.Р. Развитые страны: центры и периферия. Опыт региональной экономической политики. – М.: Экономика, 2009. – 335 с.
18. Худеева В.В. Управление конкурентоспособностью регионов на основе разработки технологии стимулирования социально-экономического развития территорий // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2011. – Вып. 1(93). – 0,75 п.л.
19. Шарапова О.С. О ключевых различиях факторов и условий размещения предприятий материального и нематериального производства (на примере США) // Совр. наука: актуальные проблемы теории и практики: электрон. науч. журн. // <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---etn12-01/359-a> (дата обращения: 07.09.2012).

20. Barret C.B. SpaticalMarketIntegration // NewPalgraveDictionaryofEconomics. – L.: PalgraveMacmillan, 2008.
21. Coughlin C.C., Novy D. Is the International Border Effect Large than the Domestic Border Effect? Evidencefromthe U.S. Trade. CESifo Working Paper № 2853, 2009.
22. Schuler A. Wirtschaftliche Integra-tion der Transformationlander als ordnungpolitische Aufgabe // FehIU., SchulerA. (Hrsg). Wettbewerb und weltwirtschaftliche Integration.Studien zur Ordnungoconomik, Nr 28. Stuttgart: Lucius&Licius, 2002.
23. Экономическое развитие регионов <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/ekonomicheskoe-razvitie-regionov.html> (дата обращения: 04.08.2012).

К вопросу о переходе Ленинградской области к устойчивому развитию

В статье предлагается классификация факторов устойчивого развития. В качестве одного из драйверов перехода на траекторию устойчивого развития Ленинградской области предлагается повышение инновационности агропромышленного комплекса. Формулируются основные факторы, обуславливающие экономические причины развития животноводства в регионе.

The article presents the classification of factors of sustainable development. As one of the drivers of the transition to sustainable development of Leningrad region it is proposed to improve the innovativeness of agribusiness. The author describes main factors contributing to the economic causes of livestock development in the region.

Ключевые слова: устойчивое развитие, региональная экономическая система, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, факторы, государственная программа, стратегия, инновационное развитие.

Key words: sustainable development, regional economic system, agriculture, agribusiness, factors, government programme, strategy, innovation development.

В современных условиях социально-экономической трансформации России устойчивое развитие ее регионов является актуальной задачей обеспечения безопасности национальной экономики. Целью нашего исследования стало изучение устойчивого развития в логике экономической безопасности. В этой связи предлагается классификация факторов, влияющих на достижения развития устойчивого типа, при этом в качестве одного из факторов, имеющих приоритетное значение, рассматривается фактор институционального характера.

Любое развитие предполагает наличие драйверов (инициаторов и катализаторов) развития, поэтому второй целью исследования было определение драйверов устойчивого развития региона. Данная задача решалась в отношении одного из субъектов СЗФО – Ленинградской области, драйвером устойчивого развития которого, по мнению автора, является инновационное развитие агропродовольственной сферы в целях обеспечения продовольственной безопасности как одной из сфер экономической безопасности Российской Федерации.

Критерии устойчивого развития региональной экономической системы [4] можно определить как повышение экономической эффективности функционирования региональной экономической системы; улучшение качества жизни населения территории; обеспечение равновесия в природной среде.

Как нам представляется, критерии устойчивого развития, сформулированные на основании триединства целей устойчивого развития (экономической, социальной и экологической) имеют достаточную корреляцию с соответствующими видами безопасности: экономический критерий – экономическая (финансовая) безопасность; социальный критерий – кадровая безопасность; экологический критерий – экологическая безопасность.

По нашему мнению, термин «устойчивое развитие» имеет логическую взаимосвязь с категориями «экономическая безопасность», «жизнеспособность» и «конкурентоспособность» региона (рис. 1).

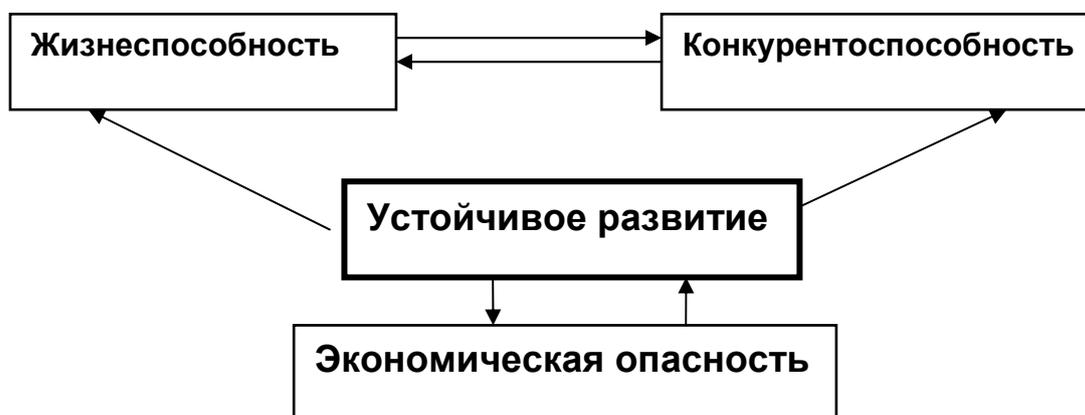

Рис. 1. Взаимосвязь понятий «устойчивое развитие», «экономическая безопасность», «жизнеспособность» и «конкурентоспособность» региона

Устойчивость как важнейший признак регионального развития предполагает длительность сохранения условий для воспроизводства потенциала территории в режиме сбалансированности и социальной ориентации [1, с. 21].

Концепция устойчивого развития ООН предполагает эффективное и сбалансированное развитие экономической, социальной и экологической сфер. Такой тип развития, понимаемый большинством исследователей как равномерный, комплексный рост всех сфер региональной системы, является ключевым условием ее устойчивости, что в конечном итоге повышает эффективность функционирования региона.

На возможность достижения устойчивого развития региональной системы влияют различные факторы, которые, по нашему мне-

нию, целесообразно классифицировать по двум признакам (рис. 2): целям устойчивого развития; параметрам устойчивого развития.

Рис. 2. Классификация факторов устойчивого развития региона

Процесс достижения любой экономической системой устойчивого развития объективно должен базироваться на конкурентных преимуществах этой системы [5]. Группировка факторов устойчивого развития *по целям* основана на достижении соответствующей цели – экономического, социального или экологического характера.

В основе группировки факторов устойчивого развития *по параметрам* – предложенная нами модель устойчивого развития [2], аппроксимируемая функцией устойчивого развития F :

$$F = f(x_1, x_2, x_3),$$

где x_1 – «природа», x_2 – «инновации», x_3 – «институты».

В соответствии с этой моделью область устойчивого развития региональной экономической системы можно представить как область пересечения трех ключевых элементов: (1) «природы» – естественного конкурентного преимущества; (2) «инноваций» – инновационного подхода к развитию; (3) «институтов» – совокупности форм, способов и методов государственной поддержки социально-экономического развития территории (рис. 3).

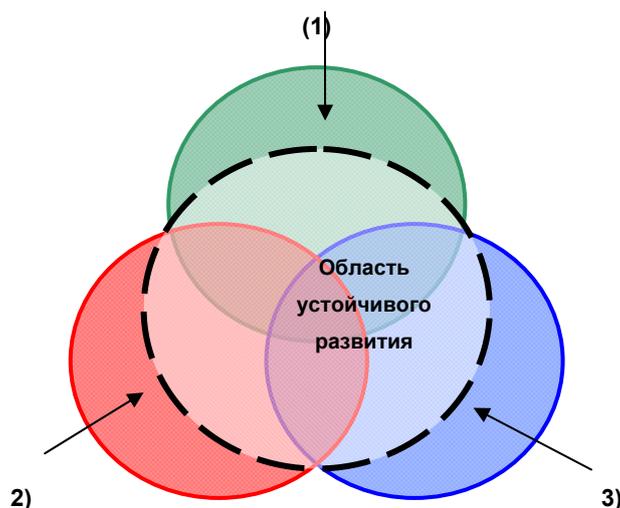

Рис. 3. Графическое отображение области устойчивого развития

Природные факторы устойчивого развития можно, в свою очередь, подразделить на две части:

- *объективные* (не зависящие от деятельности человека) – наличие природных ресурсов определенного вида, структура природно-ресурсного потенциала, запасы и качество природного сырья и др.;

- *субъективные* (обусловленные хозяйственной деятельностью человека) – соотношение между приростом и погашением запасов, обеспеченность запасами природного сырья, период образования техногенных месторождений, повышение уровня рационального и комплексного использования вовлеченных в процесс производства природных ресурсов, эффективные методы их воспроизводства и др.

Инновационные факторы являются следствием инновационной деятельностью человека и напрямую зависят от уровня его инновационной активности. В основу классификации факторов этой группы может быть положен соответствующий признак. Существует значительное количество классификаций инноваций, базирующихся на соответствующем признаке. Представляется, что для классификации инновационных факторов устойчивого развития наиболее применим такой признак, как сфера применения инноваций [9].

Таким образом, среди инновационных факторов устойчивого развития можно выделить следующие факторы:

- *технологические* – расширение номенклатуры и ассортимента, улучшение качества производимых товаров и услуг, применение эффективных технологий и т. д.;

социально-экономические – использование более эффективных форм организации, специализации, кооперирования, концентрации, диверсификации производства, реструктуризации экономики, совершенствование методов организации труда, повышение квалификационного уровня работников и качества их труда, использование новых финансово-кредитных институтов и инструментов, видов ценных бумаг, управление экономическими процессами, прогнозирование их динамики и изменений конъюнктуры и т. д.;

экологические факторы – снижение техногенной нагрузки, уменьшение экологического ущерба, сокращение вредных выбросов в окружающую природную среду, ужесточение экологических нормативов и штрафных санкций за сверхнормативные выбросы и загрязнения и пр.;

факторы государственно-правовой среды – использование новых форм организации государственной власти и управления на муниципальном, региональном, национальном и межгосударственном уровнях, принятие или корректировка правовых документов, организация выборов и обновления государственных органов и т. д.;

факторы духовной сферы – научные открытия, изобретения, гипотезы, концепции, теории, конструкторские идеи, художественные, музыкальные, литературные и архитектурные стили, использование более эффективных форм образования, выдвижение и закрепление новых этических норм, религиозных учений, идеологических устремлений;

факторы безопасности и правопорядка – новые способы ведения боевых действий, организации вооруженных сил и сил правопорядка, поддержание безопасности граждан и государства, борьбы с криминальными структурами и терроризмом, профилактики преступлений.

Развитие и рост каждой сферы жизнеобеспечения региональной системы определяется не только наличием материально-вещественных факторов, но и уровнем развития и качеством институциональной среды, под которой мы понимаем совокупность базисных и надстроечных институтов, формирующих правила поведения и взаимодействия экономических субъектов и условия общественного воспроизводства, определяя тем самым эффективность использования экономических ресурсов [3, с. 10].

Понятие институциональных факторов устойчивого развития неотделимо от категории институциональной среды. По нашему мнению, это параметры институциональной среды, характеризующие состояние, уровень и качество развития отдельных институтов или их групп, которые оказывают наибольшее влияние на темпы

экономического роста и формируют предпосылки достижения развития устойчивого типа.

В данном контексте необходимо отметить, что на экономический рост государств, находящихся на разных стадиях социально-экономического развития, различные институциональные факторы (и их совокупности) влияют по-разному.

Так, например, для стран с переходной экономикой огромное значение имеют уровень развития банковской системы, защита прав собственности, монетарная политика, уровень цен и заработной платы, государственное регулирование и иностранные инвестиции. В развивающихся странах основными институциональными факторами выступают торговля и уровень налоговой нагрузки – факторы, которые незначительны для остальных стран [3, с. 15].

Аналогичные выводы предположительно можно сделать и в отношении институциональных факторов устойчивого развития.

Для каждого региона должны быть свои драйверы устойчивого развития (один или несколько); такими драйверами могут быть инновационный и природно-ресурсный потенциал, благоприятное географическое положение, особый статус территории (ОЭЗ, ЗАТО) и т. д.

Ленинградская область расположена в Северо-Западном федеральном округе и является одним из лидеров по экономическому развитию в России, что позволяет обоснованно позиционировать этот субъект РФ в качестве территории, которая в будущем может достигнуть устойчивого развития.

По мониторингу ситуации в экономике, финансово-банковской и социальной сферах субъектов РФ, Ленинградская область входит в десятку первых субъектов РФ по сводному индексу социально-экономического развития.

В рамках указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596–606 в регионе предусмотрена реализация целого комплекса мероприятий, направленных на улучшение инвестиционного климата и стимулирование инвестиционной активности потенциальных инвесторов, развитие инновационной деятельности, социальных отраслей, улучшение жилищных условий, демографической ситуации, создание и совершенствование системы предоставления государственных и муниципальных услуг; предусмотрено поэтапное повышение размера заработной платы отдельных категорий работников бюджетной сферы.

Оценивая возможность реализации концепции устойчивого развития в Ленинградской области РФ, необходимо определить драйверы развития устойчивого типа, которые исходят из существующих

или потенциальных конкурентных преимуществ этого региона как части экономического пространства государства.

В современных условиях экономического развития основу экономики Ленинградской области составляет промышленность, на долю которой приходится около 25 % в структуре валового регионального продукта (ВРП). В этом субъекте РФ представлены: машиностроение, автомобилестроение, судостроение, химическое производство и нефтехимия, лесопереработка и целлюлозно-бумажное производство, алюминиевая промышленность, промышленность строительных материалов, животноводство и др.

На территории Ленинградской области расположен высокоразвитый агропромышленный комплекс, доля продукции которого составляет 36 % от общего объема сельскохозяйственного производства всех регионов Северо-Западного федерального округа, или 7 % ВРП.

За последнее десятилетие экономика региона выросла в шесть раз (рис. 4), что во многом объясняется притоком инвестиций [10].

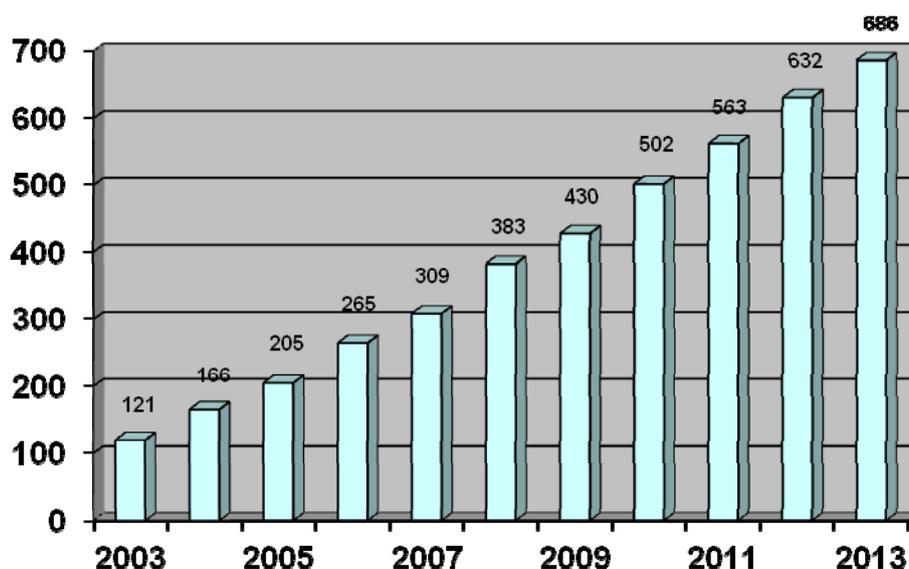

Рис. 4. Динамика ВРП Ленинградской области за период 2003–2013 гг., млрд р.

Активная инвестиционная деятельность является важнейшим условием позитивного развития экономики и социальной сферы региона и здесь наблюдается положительная динамика.

За прошедшее десятилетие в сельском хозяйстве Ленинградской области также наблюдался устойчивый рост выпуска продукции (рис. 5).

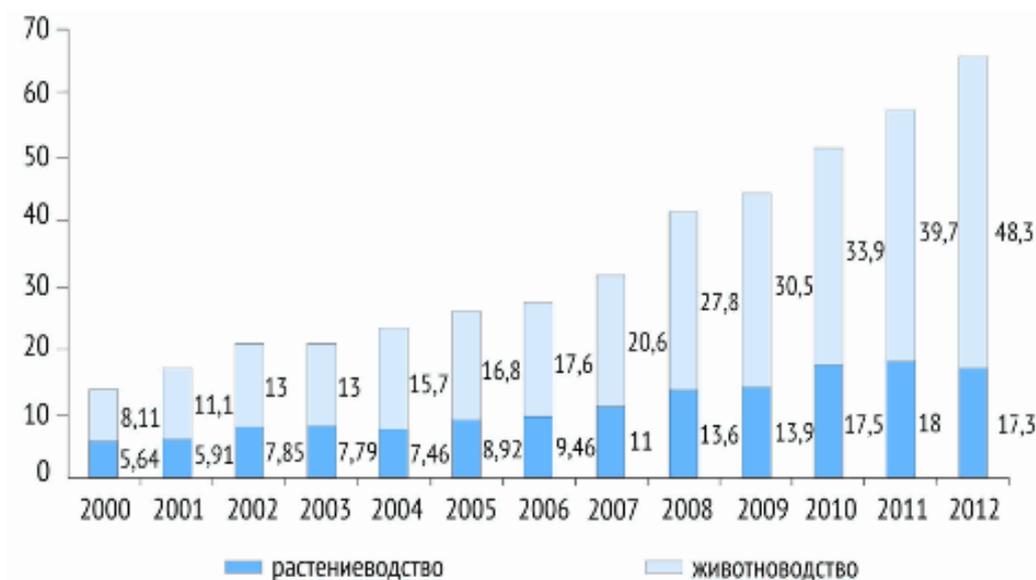

Рис. 5. Динамика производства продукции сельского хозяйства Ленинградской области, млрд р.

По данным «Эксперт РА», в 2012–2013 гг. рейтинг инвестиционного климата Ленинградской области соответствовал 3А1 (пониженный потенциал – минимальный риск); ранг инвестиционного риска в 2013 г. – 1 (средневзвешенный индекс риска – 0,163) [11].

Наименьшая величина инвестиционного риска в Ленинградской области (ранг = 1) по сравнению с остальными регионами РФ является существенным конкурентным преимуществом для инвестиционно-инновационного развития территории в целях достижения устойчивого развития.

По нашему мнению, для Ленинградской области РФ одним из драйверов перехода на траекторию устойчивого развития является повышение инновационности агропромышленного комплекса региона, развитие предпринимательства в агропродовольственной сфере. В данном контексте необходимо рассмотреть ключевые программные документы по развитию этой сферы.

Основными государственными программами по развитию сельского хозяйства РФ в настоящее время являются «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» и «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года».

Государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [8] направлена:

- на стимулирование роста производства основных видов сельскохозяйственной продукции и производства пищевых продуктов;
- поддержку развития инфраструктуры агропродовольственного рынка;

- повышение уровня рентабельности в сельском хозяйстве для обеспечения его устойчивого развития;
- стимулирование инновационной деятельности и инновационного развития агропромышленного комплекса и др.

В качестве основных подпрограмм выделены: развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства; развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства; развитие мясного скотоводства; поддержка малых форм хозяйствования; техническая и технологическая модернизация; инновационное развитие.

Планом реализации этой государственной программы предусмотрена реализация 53 инновационных проектов до 31.12.2015 г., при этом в число приоритетов развития агропромышленного комплекса отнесены животноводство, растениеводство, садоводство и виноградарство, хранение и переработка сельхозпродукции, а также восстановление, развитие водохозяйственного комплекса и мелиорация земель сельскохозяйственного назначения [6].

В качестве мер по адаптации сельского хозяйства к условиям ВТО и по нейтрализации рисков в том числе выделены: продление действия ряда льгот для сельхозпроизводителей (по налогу на прибыль, льготы по НДС при реализации и ввозе всех видов племенной биопродукции до 2020 г.). К мерам управления рисками относятся: увеличение доли частных инвестиций посредством создания условий для инвесторов в развитии животноводства в рамках государственно-частного партнерства, в том числе содействие в покупке земельных угодий, подключении к электро- и газовым сетям, строительство дорог и других объектов.

Федеральным законом от 03.12.2012 г. № 216-ФЗ «О федеральном бюджете на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов» (в редакции Федерального закона от 07.06.2013 г. № 133-ФЗ) на государственную поддержку сельскохозяйственного производства и социальное развитие села предусмотрены бюджетной росписью субсидии в объеме 163327,5 млн р. [7, с. 156]. Государственная программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» была разработана Минэкономразвития в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 08.10.2012 г. № 2071-р.

Общий объем финансирования мероприятий данной программы в 2014–2020 гг. составляет 299,2 млрд р. (в ценах соответствующих лет), в том числе: средства федерального бюджета – 90,4 млрд р. (30,2 %); средства консолидированных бюджетов субъектов РФ – 150,6 млрд р. (50,3 %); средства внебюджетных источников – 58,2 млрд р. (19,5 %) [7, с. 160].

Предоставление субсидий бюджетам субъектов РФ планируется осуществлять по результатам отбора региональных целевых программ устойчивого развития сельских территорий, разработанных на основе документов территориального планирования в координации с перспективными планами развития агропромышленного комплекса.

Структурно агропромышленный комплекс состоит из следующих секторов экономики: сельское хозяйство (растениеводство, животноводство, фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства и др.); секторы экономики, обеспечивающие отрасль средствами производства (машиностроение, производство оборудования и т. д.); обрабатывающая промышленность (пищевая промышленность и др.); инфраструктура.

В настоящее время на территории Российской Федерации реализуются Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. и задачи, поставленные в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Указы Президента РФ от 7 мая 2012 г. фактически являются программой действий органов власти всех уровней на ближайшую и среднесрочную перспективу.

В настоящее время Ленинградская область является одним из лидеров по экономическому развитию не только в Северо-Западном федеральном округе, но и в России. Реализация стратегических целей социально-экономического развития Ленинградской области позволит субъекту РФ повысить экономический потенциал, безопасность и уровень жизни граждан, что соответствует целям и задачам достижения развития устойчивого типа.

На территории субъекта РФ принят закон Ленинградской области от 22.09.2011 г. № 72-оз «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на стратегическую перспективу до 2025 года», целью которой является стабильное социально-экономическое развитие региона. В соответствии с этим программным документом необходимо выполнить задачи размещения новых производств и, соответственно, увеличения количества рабочих мест для жителей Ленинградской области, что полностью соответствует логике развития устойчивого типа, так как создание новых рабочих мест – необходимое условие устойчивого развития городов и территорий.

Стратегическая цель и задачи Концепции социально-экономического развития Ленинградской области направлены на реализацию реалистичного инновационного сценария развития региона. Основная стратегическая цель социально-экономического развития Ленинградской области на долгосрочную перспективу –

достижение показателей роста экономики и развития социальной сферы темпами выше среднероссийских, достижение нового качества социально-экономического роста, обеспечивающего устойчивость и сбалансированность развития региона.

В Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 г. четко определены задачи развития региона в агропромышленном комплексе [10]. Динамика ключевых показателей развития агропромышленного комплекса региона в соответствии с этим документом приведена в таблице.

Таблица

Динамика ключевых показателей развития агропромышленного комплекса Ленинградской области до 2025 г.

Наименование показателя	2012 г.	2015 г.*	2020 г.*	2025 г.*
Объем производства продукции сельского хозяйства (во всех категориях хозяйств), млрд р.	65,6	81,4	115,5	149,7
Объем производства мяса всех видов (на убой в живом весе), тыс. т	321,3	358,5	421,8	498,6

Примечание.* – прогнозная оценка.

По нашему мнению, достижение плановых показателей реализации утвержденной Концепции разумно рассматривать в контексте «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120.

Вышеупомянутая «Доктрина» направлена на надежное обеспечение населения страны продуктами питания, развитие отечественного агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, оперативное реагирование на внутренние и внешние угрозы стабильности продовольственного рынка, эффективное участие в международном сотрудничестве в сфере продовольственной безопасности.

Постановлением Правительства Ленинградской области от 29 декабря 2012 г. № 463 была утверждена государственная программа Ленинградской области «Развитие сельского хозяйства Ленинградской области на 2013–2020 годы».

В указанный период финансирование сельского хозяйства региона должно осуществляться по направлениям, предусмотренным данной программой. Финансовая поддержка в 2014–2016 гг. предусмотрена в виде субсидий на производство сельскохозяйственной продукции, приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования, оказание несвязанной поддержки сельскохозяйственным

производителям в области растениеводства, поддержку племенного животноводства и др.

В среднесрочной перспективе значительные вложения в сельском хозяйстве Ленинградской области будут связаны со строительством и реконструкцией животноводческих помещений, внедрением новых технологий и оборудования, приобретением сельхозтехники, проведением мелиоративных работ, приобретением техники по лизингу.

Программные документы развития сельского хозяйства, как регионов РФ, так и государства в целом, базируются на оценках и анализе основных тенденций развития этой сферы, которые, по нашему мнению, заключаются в следующем:

- в увеличении объемов производства в отдельных секторах агропромышленного комплекса (молочно-мясное животноводство, птицеводство и овощеводство);

- высоких темпах развития технологий в секторе технической и технологической модернизации и реконструкции производства, переходе на энергосберегающие технологии;

- ужесточении требований к поставкам продукции, в том числе к объему и стабильности поставок;

- неравномерном доступе к рынкам сбыта сельскохозяйственной продукции;

- более низком уровне жизни сельского населения в сравнении с уровнем жизни населения городских районов.

Ключевыми проблемами отрасли в настоящее время являются:

- 1) увеличение износа (морального и физического) основных фондов;

- 2) неудовлетворительный уровень развития рыночной инфраструктуры, затрудняющий доступ сельскохозяйственных товаропроизводителей к рынкам финансовых, материально-технических и информационных ресурсов, рынкам сбыта готовой продукции;

- 3) проблемы землепользования и землевладения сельскохозяйственных производителей.

В настоящее время одним из крупных инвесторов по развитию такой важной сферы молочно-мясного животноводства, как свиноводство на территории СЗФО (в том числе и в Ленинградской области), является группа компаний ООО «Агрохолдинг "Пулковский"».

В деревне Тарасово Тосненского района ООО «Агрохолдинг "Пулковский"» реализовал проект, связанный со строительством репродукторной свинофермы на 2500 свиноматок. Зоосанитарный статус предприятия соответствует высшей степени биобезопасности – IV компартменту. Объем инвестиций составил 1,1 млрд р. со сроком их окупаемости 8 лет. Проект был реализован за 11 месяцев и с мая 2008 г. введен в эксплуатацию.

Но это не единственный агропромышленный проект, реализуемый в Ленинградской области. Так, в деревне Милодеж Лужского района Агрохолдинг «Приозерный» построил свиноводческий комплекс по откорму свиней на 19200 голов. Общая стоимость инвестиционного проекта составила 1,2 млрд р. Срок окупаемости проекта – 8 лет. Создано 90 новых рабочих мест. Использование современных технологий позволяет в год получать 7 тыс. т качественного мяса первой и второй категорий.

Остается актуальной задача развития племенного животноводства и повышения продуктивности скота. Ключевые факторы развития животноводства напрямую связаны с подъемом и повышением продуктивности скота до уровня, сопоставимого с уровнем аналогичных показателей в европейских странах. Создавая современные и высокоэффективные комплексы индустриального типа, совершенствуя кормовые базы не только субъекты РФ, но и вся страна в целом избавится от потребности приобретения данного товара за рубежом, оплачивая эти поставки валютой.

Предприятиям по производству и переработке мяса необходимо развиваться на инновационной основе с привлечением лучших отечественных и зарубежных технологий, селекционных достижений.

По нашему мнению, для снижения затрат и рисков в свиноводстве необходимо продолжить рост индустриальных хозяйств, вытеснять с рынка малые формы хозяйствования и низкоэффективные организации, расширяя масштабы глубокой переработки.

При строительстве новых комплексов необходимо решать проблемы развития инфраструктуры, связанные с подключением к инженерным сетям, водоснабжением и водоотведением, электроэнергией.

В свою очередь, компании, работающие в агропромышленном комплексе региона, будут не только строить новые предприятия, но и решать важные государственные задачи (снижение уровня безработицы, увеличение уровня доходов населения, освоение земельного фонда, поступление доходов в региональный бюджет).

Успешное решение этих задач позволит сократить инфраструктурные ограничения социально-экономического развития региона и будет способствовать переходу Ленинградской области на путь устойчивого развития.

Список литературы

1. Бархатов В.И., Капкаев Ю.Ш., Плетнев Д.А. Развитие и экономический рост региона. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 320 с.
2. Гончаров А.В. Устойчивое развитие Ленинградской области (теоретические и практические аспекты) // Управленческое консультирование. – № 10. – 2014. – С. 173–182.

3. Горшков А.В., Силова Е.С. Качество институциональной среды как фактор экономического роста // Изв. УрГЭУ. – 2006. – № 4(16). – С. 9–16.
4. Куклина Е.А. Теоретические и методологические основы управления устойчивым развитием природно-ресурсных регионов России // Вестн. ИНЖЭКОНа. Сер. Экономика. – 2008. – Вып. 1(20). – С. 201–207.
5. Куклина Е.А. Управление конкурентоспособностью региональных экономических систем: концептуальный подход, постановка задачи, принципы моделирования // Управленческое консультирование: актуальные проблемы гос. и муниципального управления. – 2012. – № 2. – С. 95–106.
6. Распоряжение Правительства РФ № 1066-р от 25.06.2013 г. «Об утверждении плана реализации в 2013 году и в плановый период 2014–2015 годов Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.».
7. Российский и зарубежный опыт стимулирования частных инвестиций: инвентаризация налоговых льгот и прочих мер поддержки / под ред. И.Н. Рыковой: моногр. – М.: Науч.-исслед. финанс. ин-т, 2014.
8. Федеральный закон № 264-ФЗ от 29.12.2006 г. «О развитии сельского хозяйства».
9. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века / Междунар. ин-т П. Сорокина, Н. Кондратьева. – М.: Экономика, 2004. – 444 с.
10. <http://www.lenobl.ru/Document/1375427249.pdf>
11. <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2013/>

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

УДК 338.45:330.322

Е.Л. Кантор, А.В. Кантор

Инвестиции как важнейший источник формирования основных фондов в промышленности

В статье исследованы проблемы определения сущности инвестиционной деятельности. Рассмотрены основные направления инвестиционной политики предприятия. Раскрыты современные возможности, которые получает современное промышленное предприятие в рамках реализации преимуществ инвестиционной политики, реализуемой при соблюдении научно обоснованного подхода.

The article presents problems of defining the nature of investment activities, and considers main directions of the investment policy of the company and the potential granted for a modern industrial enterprise if it implements the benefits of the investment policy in compliance with the science based approach.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная политика, инвестиционные льготы, экономическая эффективность.

Key words: investments, investment policy, investment benefits, economic efficiency.

Различие в определении сущности инвестиций предопределено существованием плановой и рыночной экономических систем.

В рамках централизованной плановой системы использовалось следующее общепринятое понятие: «Капитальные вложения – финансовые средства, затрачиваемые на строительство новых и реконструкцию, расширение и техническое перевооружение действующих предприятий (производственные капитальные вложения), на жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство (непроизводственные капитальные вложения)» [5, с. 107–108]. Определение, данное капитальным вложениям (инвестициям) в плановой экономике, сужает область инвестирования и касается только вложений в увеличение и совершенствование основных фондов. В условиях административной системы распределения ресурсов факт существования финансовых и других видов инвестиций отечественной экономической наукой не рассматривался.

В настоящее время в экономике нашей страны применяются оба термина. Категория «капиталовложения» сегодня означает тот вид инвестиций, который направляется в основном на воспроизводство основных фондов.

В соответствии с действующим национальным законодательством, в первую очередь законом «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации», под инвестициями сегодня понимаются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, лицензии, в том числе на товарные знаки, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской деятельности или другие виды деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта. В рыночной экономике наиболее общим и распространенным считается понимание под инвестициями процесса вложения средств в любой форме для получения дохода или какого-либо другого эффекта.

В русском же повседневном языке слово «инвестиция» не всегда имеет то же значение, какое ему придается в экономических дискуссиях, где «чистым инвестированием», или капиталообразованием, называется то, что представляет собой чистый прирост реального капитала общества (здания, оборудование, материально-производственные запасы и т. д.).

Однако очевидно, что разнообразие экономических отношений, которое присуще инвестиционному процессу, предопределяет необходимость классифицировать инвестиции. Все инвестиции по признаку назначения делятся на три основные группы: финансовые, реальные и инвестиции в нематериальные активы.

Финансовые инвестиции – это вложение капитала в акции, облигации и другие ценные бумаги, связанные непосредственно с титулом собственника, дающим право на получение доходов от собственности, а также банковские депозиты. Финансовые инвестиции могут быть как дополнительным источником капитальных вложений, так и предметом биржевой игры на рынке ценных бумаг.

В современных условиях одним из основных видов финансовых инвестиций являются портфельные инвестиции – вложение капитала в группу проектов, например приобретение ценных бумаг предприятий. Формирование и управление оптимальным инвестиционным портфелем является главной задачей инвестора и осуществляется посредством операций купли-продажи ценных бумаг на фондовом рынке (рынок ценных бумаг).

Но часть портфельных инвестиций – вложения в акции предприятий различных отраслей материального производства – по

своей природе ничем не отличаются от прямых инвестиций в производство.

К нематериальным активам, используемым в течение длительного периода (свыше одного года) в хозяйственной деятельности и приносящим доход, относятся права, возникающие:

- из авторских и иных договоров на произведения науки, литературы, искусства и объектов смежных прав, на программы для ЭВМ, базы данных и др.;

- патентов на изобретения, из свидетельств на полезные модели, товарные знаки и знаки обслуживания и лицензионных договоров на их использование;

- прав на «ноу-хау» и др.

Кроме того, к нематериальным активам относятся права пользования земельными участками, природными ресурсами и организационные расходы.

Реальные (прямые) инвестиции – долгосрочные вложения средств в отрасли материального производства. Это вложение капитала частных фирм или государства в производство продукции, которое предполагает образование реального капитала (здания, сооружения, товарно-материальные запасы и др.).

Подготовка и анализ инвестиций в реальные активы существенно зависят от того, какого рода это инвестиции, т. е. какую из стоящих перед фирмой задач необходимо решить с их помощью. С этих позиций все возможные разновидности инвестиций можно свести в следующие основные группы:

- 1) инвестиции в повышение эффективности. Их целью является прежде всего создание условий для снижения затрат фирмы за счет замены оборудования, обучения персонала или перемещения производственных мощностей в регионы с более выгодными условиями производства;

- 2) инвестиции в расширение производства. Задачей такого инвестирования является расширение возможностей выпуска товаров для ранее сформировавшихся рынков в рамках уже существующих производств;

- 3) инвестиции в создание новых производств. Такие инвестиции обеспечивают создание совершенно новых предприятий, которые будут выпускать ранее не изготавливавшиеся фирмой товары (или оказывать новый тип услуг) либо позволят фирме предпринять попытку выхода с ранее уже выпускавшимися товарами на новые для нее рынки;

- 4) инвестиции ради удовлетворения требований государственных органов управления. Эта разновидность инвестиций становится необходимой в том случае, когда фирма оказывается перед необходимостью удовлетворить требования властей в части либо эколо-

гических стандартов, либо безопасности продукции, либо иных условий деятельности, которые не могут быть обеспечены за счет только совершенствования менеджмента.

Причиной, заставляющей вводить такого рода классификацию инвестиций, является различный уровень риска, с которым они сопряжены.

Зависимость между типом инвестиций и уровнем их риска определяется степенью опасности не угадать возможную реакцию рынка на изменение результатов работы фирмы после завершения инвестиций.

С этих позиций организация нового производства, имеющего своей целью выпуск незнакомого рынку продукта, сопряжена с наибольшей степенью неопределенности, тогда как повышение эффективности (снижение затрат) в производстве уже принятого рынком товара несет минимальную опасность негативных последствий инвестирования. Аналогичным образом с низким уровнем риска сопряжены и инвестиции ради удовлетворения требований государственных органов управления.

Реальные (производственные) инвестиции можно подразделить на следующие виды: направляемые на новое строительство, на расширение производственных мощностей, на реконструкцию и техническое перевооружение действующего производства и возмещение выбывшего оборудования, зданий и сооружений (поддержание мощности).

К *новому строительству* относится строительство комплекса объектов основного, подсобного и обслуживающего назначения вновь создаваемых предприятий, зданий и сооружений, а также филиалов и отдельных производств, которые после ввода в эксплуатацию будут находиться на самостоятельном балансе. Такое строительство ведется на новых площадках в целях создания новой производственной мощности. Если намечается строительство очередями, то к новому строительству относятся первая и последующие очереди до ввода в действие всех запроектированных мощностей на полное развитие предприятия (сооружения). К новому строительству относится и строительство на новой площадке предприятия такой же или большей мощности взамен ликвидируемого предприятия, дальнейшая эксплуатация которого по техническим и экономическим условиям признана нецелесообразной, а также в связи с необходимостью, вызываемой производственно-технологическими или санитарно-техническими требованиями.

При новом строительстве можно использовать новейшие достижения технического прогресса, комплексное проектирование, но оно требует большего времени и значительных средств на создание пассивной части основных фондов. Новое строительство следует

осуществлять только в том случае, если исчерпаны возможности технического перевооружения по расширению производства.

Под *расширением действующих предприятий* понимается строительство дополнительных производств на действующем предприятии (сооружении), а также строительство новых и расширение существующих отдельных цехов и объектов основного, подсобного и обслуживающего назначения на территории действующих предприятий или примыкающих к ним площадках в целях создания дополнительных или новых производственных мощностей. К расширению действующих предприятий относится, кроме того, строительство филиалов и производств, входящих в их состав, которые после ввода в эксплуатацию не будут находиться на самостоятельном балансе. Если в процессе проектной проработки выявилась необходимость и экономическая целесообразность одновременно с расширением предприятия осуществлять реконструкцию действующих цехов и объектов основного, подсобного и обслуживающего назначения, то соответствующие работы и затраты включаются в состав проекта расширения предприятия, но выделяются в сводном сметном расчете отдельной строкой. При разработке новых показателей воспроизводственной структуры и учете их выполнения, выделенные в проектах и титульных списках на расширение действующих предприятий показатели по реконструкции и расширению должны относиться и учитываться по соответствующим направлениям воспроизводства основных фондов. При расширении действующего предприятия увеличение его производственной мощности (производительности, пропускной способности, вместимости здания или сооружения) должно осуществляться в более короткие сроки и при меньших удельных затратах по сравнению с созданием аналогичных мощностей путем нового строительства с одновременным повышением технического уровня и улучшением технико-экономических показателей предприятия в целом.

Реконструкция действующих предприятий включает переустройство существующих цехов и объектов основного, подсобного и обслуживающего назначения, как правило, без расширения имеющихся зданий и сооружений основного назначения, связанное с совершенствованием производства и повышением его технико-экономического уровня на основе достижений научно-технического прогресса. Переустройство осуществляется по комплексному проекту на реконструкцию предприятия в целом и предусматривает увеличение производственных мощностей, улучшение качества и изменение номенклатуры продукции в основном, без увеличения численности работающих, при одновременном улучшении условий их труда и охраны окружающей среды. При реконструкции действующих предприятий могут осуществляться: расширение отдельных

зданий и сооружений основного, подсобного и обслуживающего назначения в случаях, когда новое высокопроизводительное и более совершенное по техническим показателям оборудование не может быть размещено в существующих зданиях; строительство новых и расширение действующих цехов и объектов подсобного и обслуживающего назначения в целях ликвидации диспропорций; строительство новых зданий и сооружений того же назначения взамен ликвидируемых на территории действующего предприятия, дальнейшая эксплуатация которых по техническим и экономическим условиям признана нецелесообразной. При реконструкции должны обеспечиваться: увеличение производственной мощности предприятия, прежде всего за счет устранения диспропорций в технологических звеньях; внедрение малоотходной и безотходной технологий, гибких производств; сокращение числа рабочих мест; повышение производительности труда; снижение материалоемкости производства и себестоимости продукции; повышение фондоотдачи и улучшение других технико-экономических показателей действующего предприятия.

Достоинства реконструкции заключаются в том, что капитальные затраты здесь направляются в первую очередь на расширение активной части основных, хотя в этом случае ограничиваются возможности использования строительной техники, в ряде случаев приходится прекращать работу в отдельных подразделениях предприятия, что отрицательно сказывается на их деятельности.

К техническому перевооружению действующих предприятий относится комплекс мероприятий по повышению технико-экономического уровня отдельных производств, цехов и участков на основе внедрения передовой техники и технологии, механизации и автоматизации производства, модернизации и замены устаревшего и физически изношенного оборудования новым, более производительным, а также по совершенствованию общезаводского хозяйства и вспомогательных служб. Техническое перевооружение действующих предприятий осуществляется по проектам и сметам на отдельные объекты или виды работ, разрабатываемым на основе единого технико-экономического обоснования и в соответствии с планом повышения технико-экономического уровня отрасли (подотрасли), как правило, без расширения производственных площадей. Целью технического перевооружения действующих предприятий являются интенсификация производства, увеличение производственных мощностей, выпуска продукции и улучшение ее качества при обеспечении роста производительности труда и сокращения рабочих мест; снижения материалоемкости и себестоимости продукции; экономии материальных и топливно-энергетических ресурсов; улучшения других технико-экономических показателей работы предприятия в целом.

При техническом перевооружении действующих предприятий на существующих производственных площадях могут дополнительно устанавливаться оборудование и машины, внедряться автоматизированные системы управления и контроля, использоваться радио, телевидение и другие современные средства управления производством, осуществляться модернизация и техническое переустройство природоохранных объектов, отопительных и вентиляционных систем, присоединение предприятий, цехов и установок к центральным источникам тепло- и электроснабжения. При этом допускаются: частичная перестройка (усиление несущих конструкций, замена перекрытий и др.); расширение существующих производственных зданий и сооружений, обусловленное габаритами размещаемого нового оборудования; расширение существующих или строительство новых объектов подсобного и обслуживающего назначения (объектов складского хозяйства, компрессорных, котельных и т. д.).

Если в период нового строительства или расширения действующего предприятия до ввода в действие мощностей, обеспечивающих выпуск основной конечной продукции, проект пересматривается, то продолжение строительства по измененному проекту относится к соответствующему понятию согласно первоначально утвержденному проекту.

Техническое перевооружение является одной из важнейших форм капитального строительства, средством совершенствования воспроизводственной структуры капитальных вложений и воспроизводства основных промышленно-производственных фондов путем ускоренного обновления их активной части на базе внедрения новейших достижений научно-технического прогресса. Как вид капитального строительства техническое перевооружение является наиболее эффективным средством (наряду с расширением и реконструкцией действующих предприятий) достижения запланированных планово-экономических показателей, обеспечения их улучшения.

Современная инвестиционная политика находится в проблемном состоянии.

В СССР и в Российской Федерации постоянно ухудшались возрастная структура и возрастные характеристики основных фондов и производственного оборудования в промышленности. К концу XX – началу XXI в. в России более 70 % оборудования имеют средний возраст более 10 лет и свыше 32 % оборудования – более 20 лет.

Показатели добычи и производства важнейших видов продукции в отраслях промышленности по сравнению с 1990 г. значительно снизились. Еще больше снизилось внутреннее потребление промышленной продукции.

За период с 1990 г. до настоящего времени ухудшилось не только состояние основных фондов, но и возможности научно-технического прогресса (НТП). За это время значительно уменьшился потенциал научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций, которые по отношению к 1990 г. более чем наполовину снизили свою численность, причем отток коснулся преимущественно молодых перспективных кадров.

НТП в использовании природных ресурсов проявляется в следующих результатах:

- интенсификации процессов эксплуатации природных ресурсов;
- расширении объемов потребления и состава используемых природных ресурсов и разнообразия продукции, производимой на их основе;
- увеличении объемов использования и переработки производственных отходов;
- совершенствовании существующих и применении новых технологий рациональной, комплексной и безопасной эксплуатации и использования природных ресурсов;
- применении малоотходных и ресурсосберегающих технологий эксплуатации и использования природных ресурсов;
- экологизации техники и технологических процессов, применяемых в природопользовании;
- совершенствовании методов и технических средств оценки состояния окружающей среды, экологических, социально-экономических и глобальных последствий реализации достижений науки и техники в природопользовании;
- совершенствовании управления, организации производства и труда.

Актуальной проблемой в горной промышленности является экологизация техники и технологии. Одним из направлений решения проблемы является развитие адекватных экологизации экономических механизмов и методов управления, обоснования и оценки использования природных ресурсов, без которых невозможно осуществлять качественное (текущее и стратегическое) инвестиционное планирование на предприятиях.

К сожалению, отечественная наука превращается в неконкурентоспособную науку, при призрачных надеждах промышленных предприятий выхода на передовые зарубежные рубежи, чему способствует также складывающаяся ситуация в образовании и культуре.

Переход к устойчивому развитию отечественной экономики требует повышения экономической эффективности функционирова-

ния горной промышленности; улучшения качества окружающей среды, в том числе среды обитания населения; обеспечения равновесия в природно-антропогенной среде, что предполагает максимальное сокращение ущерба критическому природному капиталу, предотвращение необратимых процессов, ограничение потребления невозобновляемых природных ресурсов, оценку издержек замещения этих ресурсов [4].

Развитие добывающих отраслей осуществляется по направлениям поиска залежей дополнительных и новых ресурсов, что предполагает комплексную экономическую оценку природно-ресурсного потенциала, ранжирования природно-ресурсных объектов по степени их разведанности и социально-экономической целесообразности эксплуатации месторождений полезных ископаемых и их участков, а также использования вторичных природных ресурсов.

Особо следует остановиться на процессах поддержания мощности добывающих предприятий.

Поддержание мощности действующего предприятия предусматривает мероприятия, связанные с постоянным возобновлением выбывающих в процессе производственной деятельности основных фондов: подготовку новых горизонтов на шахтах и участков на разрезах без увеличения проектной мощности предприятия в целом; проведение отдельных горных выработок на действующих горизонтах; вскрытие и подготовку запасов полезных ископаемых к разработке; мероприятия по расконсервации запасов (если эти работы не предусмотрены в проекте реконструкции); устройство отвалов породы, рудонакопителей и их расширение; строительство отдельных зданий и сооружений, необходимых для поддержания достигнутого уровня добычи полезных ископаемых и не входящих в состав проектов реконструкции (расширения) предприятий. В основном это относится к добывающим отраслям и производствам (топливным отраслям, горнорудным предприятиям черной и цветной металлургии, промышленности строительных материалов и т. д.), где в процессе их производственной деятельности происходит постоянное возобновление фронта работ.

В добывающей промышленности для поддержания мощности действующих предприятий приходится постоянно вкладывать дополнительные, так называемые последующие, капиталовложения, которые, увеличивая стоимость основных фондов предприятия, не увеличивают его годовую производительность.

Эта особенность добывающих предприятий является результатом влияния на их деятельность природных условий. Поскольку в процессе разработки месторождений полезных ископаемых условия

добычи продукции усложняются, с целью возмещения этого усложнения и необходимы дополнительные, последующие, капиталовложения. Если в добыче твердых полезных ископаемых они составляют до 30 % от первоначальных, то в добыче нефти и газа превышают первоначальные в полтора–два раза и более¹ [5; с. 3, 116, 167–168].

Необходимо отметить, что расходование инвестиционных ресурсов на то или иное направление воспроизводства основных фондов зависит от множества факторов как на микроуровне, т. е. на уровне отдельного хозяйственного субъекта, так и на макроуровне, т. е. на уровне экономики в целом. На решения предприятия по формированию плана капитальных работ влияют, прежде всего, следующие факторы: наличие свободных финансовых ресурсов, технические характеристики активной части основных фондов, выбранная долгосрочная программа стратегического развития предприятия, структура рынков сбыта продукции и т. д.

Инвестиционный процесс играет основополагающую роль в формировании структуры производства, в этой связи основные изменения, которые должны произойти в отечественной экономике при переходе к рыночным отношениям, в первую очередь касаются процесса принятия инвестиционных решений. На смену народнохозяйственному подходу, характерному для плановой экономики, приходит механизм принятия инвестиционных решений на уровне предприятий как полноценных субъектов рыночных отношений, самостоятельно проводящих свою инвестиционную политику и несущих за ее результаты финансовую ответственность. В настоящее время предприятие должно сделать свой выбор из многочисленных направлений развития, многообразия технических решений. Так как инвестиционный процесс на микроэкономическом уровне складывается из множества инвестиционных решений, принимаемых отдельными предприятиями, важным становится правильность выбора каждым конкретным предприятием. Это позволяет рассматривать создание механизма формирования инвестиционного процесса на предприятии как центральную проблему, стоящую перед экономической наукой и практикой.

По своей направленности инвестиционную деятельность предприятий можно разделить на два основных типа: внутреннюю и внешнюю (рисунки).

---

¹ Эти данные впервые были получены еще в 60-х гг. прошлого века А.С. Астаховым, А.Е. Пробстом, Г.С. Уринсоном и др.

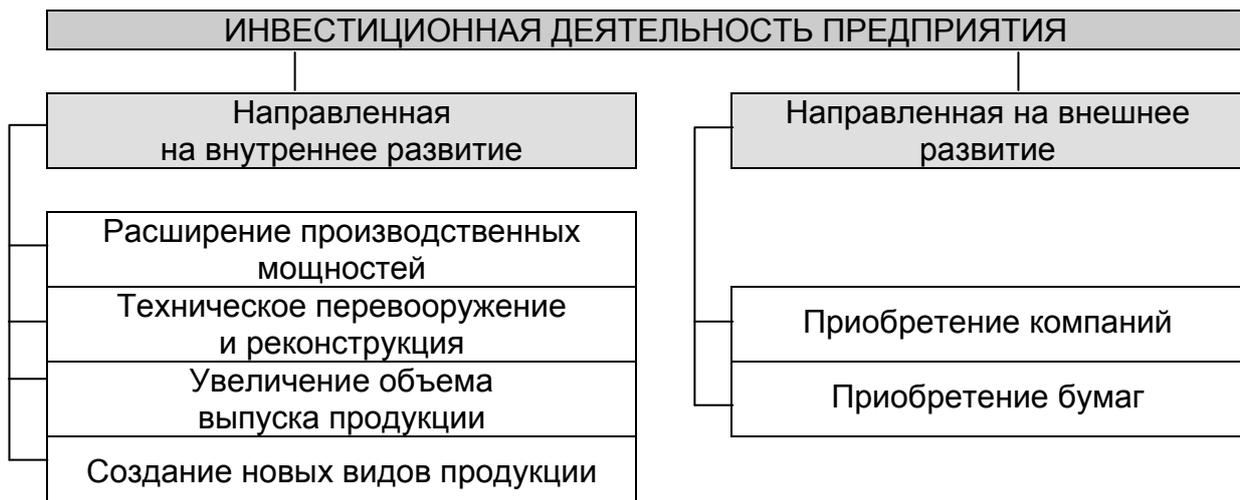

Рисунок. Направленность инвестиционной деятельности

Расширение производственных мощностей способствует увеличению потенциала предприятия, объема выпуска существующей продукции, переходу к выпуску новой продукции и в конечном итоге к росту прибыли.

Техническое перевооружение и реконструкция осуществляется с целью перехода к новым технологиям, замены действующего парка оборудования более совершенным. Это позволяет снизить издержки производства на единицу выпускаемой продукции, что приводит к увеличению прибыли, повышению эффективности производства.

Увеличение объема выпускаемой продукции позволяет получать большие доходы за счет увеличения прибыли и, кроме того, завоевать большую долю рынка, оказывая тем самым на него свое влияние.

Выпуск новой продукции приводит к росту прибыли, способствует диверсификации производства, что позволяет уменьшить риск, связанный с колебаниями спроса на отдельные виды выпускаемой продукции.

Переход от внутреннего инвестирования к внешнему подразумевает:

1. Приобретение компаний – покупку контрольного пакета акций какой либо компании со следующими целями: а) устранение пробелов в технологической цепочке; б) попытка монополизировать рынок; в) инвестирование избыточных средств предприятия; г) укрепление партнерства; д) попытка сменить или расширить сферу деятельности.

2. Приобретение ценных бумаг подразумевает вложение средств с целью получения стабильного дохода без осуществления

какой-либо деятельности. Такая стратегия менее рискованна, но менее доходна.

Таким образом, инвестиционная деятельность на предприятии всегда направлена на повышение эффективности его работы и в конечном итоге увеличение прибыли.

Инвестиционная политика имеет решающее значение для функционирования каждого предприятия, независимо от его размеров, отраслевой принадлежности, правовой формы и других особенностей. Важно формировать правильную инвестиционную политику в современных условиях развития экономики в нашей стране, так как она обуславливает структуру и эффективность завтрашней экономики.

Главным условием формирования успешной инвестиционной политики на предприятии является ориентация фирмы в первую очередь на достижение долгосрочных задач, а не на получение сиюминутных результатов. В настоящее время кризисное положение экономики в нашей стране, трудности перехода к стабильному развитию заставляют предприятия добиваться скорее краткосрочных целей путем создания антикризисных программ, необходимых для выживания в условиях перестройки хозяйственного механизма. Преобладание краткосрочной ориентации в деятельности предприятий, на наш взгляд, объясняется в первую очередь следующими обстоятельствами:

- отсутствием государственной программы выхода предприятий из кризиса, а также частной сменой приоритетов в экономической политике государства;
- отсутствием практического опыта формирования инвестиционной политики у руководителей, так как в условиях плановой системы предприятия были лишены самостоятельности, необходимой для стратегического планирования, решая лишь оперативные задачи;
- недостаточной проработанностью методологических вопросов долгосрочной стратегической деятельности фирмы отечественной экономической теорией из-за отсутствия в этом необходимости в условиях директивного планирования.

В условиях рыночных отношений процесс формирования инвестиционной политики, опирающийся преимущественно на долгосрочные цели экономического развития, должен сегодня занять соответствующее место в арсенале экономических инструментов предприятия.

Для реализации этих задач прежде всего необходимо изменить подход к формированию инвестиционной политики, которая должна быть основана на принципах движения от будущего к настоящему, а не наоборот. Это означает, что определение стратегических перспектив развития предприятия должно осуществляться не только из

экстраполяции сегодняшнего положения и тенденций развития фирмы в будущее, а из управленческой интуиции, анализа потенциальных возможностей предприятия и альтернативных путей развития.

С точки зрения капиталовложений, используемых для расширения производства, реализация этого подхода означает преимущественное направление инвестиционных ресурсов в отрасли с будущими шансами роста по сравнению с отраслями, прибыльными в данный момент. Относительно инвестиций на реконструкцию и техническое перевооружение, имеющих целью, как правило, снижение издержек производства, использование ограниченных инвестиционных ресурсов не должно осуществляться в наиболее неблагоприятные для издержек области без соответствующего анализа перспектив данного производства.

Таким образом, процесс формирования инвестиционной политики должен опираться на стратегию развития предприятия и иметь в итоге создание долгосрочных инвестиционных программ, охватывающих значительный временной отрезок и направленных на наиболее эффективное развитие фирмы.

С этих позиций процесс формирования инвестиционной политики промышленного предприятия может быть представлен на рис. 2.

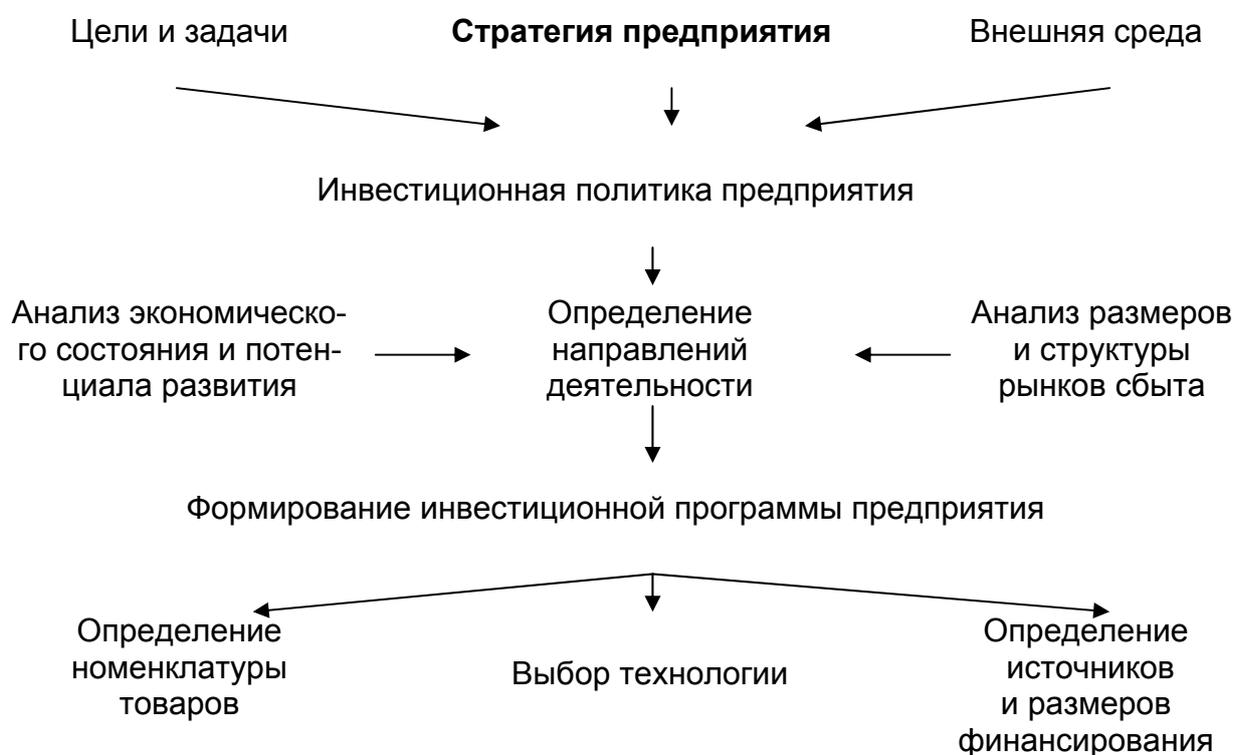

Рис. 2. Формирование инвестиционной политики предприятия

Как показано на рис. 2, процессу формирования инвестиционной политики предшествует определение целей и задач предприятия и анализ влияния внешней среды, согласно которым формируется стратегия развития фирмы, оказывающая непосредственное влияние на инвестиционную политику.

Процесс принятия решений о капиталовложениях, как впрочем и все другие виды деятельности предприятия, должен быть направлен на достижение определенных целей, относительно которых оценивается эффективность фирмы. Поэтому формирование инвестиционной политики предприятия должно начинаться с процесса целеполагания, т. е. с четкой формулировки целей и задач компании.

В отечественной экономической литературе получили общее признание следующие пять целей, которые может преследовать отдельное предприятие:

- 1) производственно-технологические – направляющие предприятие на выпуск определенного вида продукции заданного качества;
- 2) хозяйственно-экономические – обусловленные требованиями народнохозяйственной эффективности производства (выполнение плановых заданий с наименьшими затратами);
- 3) научно-технические – связанные с необходимостью интенсификации производства и ускорения научно-технического прогресса;
- 4) социальные;
- 5) экологические.

По своему значению в процессе формирования инвестиционной политики названные цели неравнозначны. Приоритетность той или иной цели может меняться в зависимости от хозяйственного механизма, экономической политики и других факторов. В нашей стране в условиях господствовавшей долгое время административной системы хозяйствования главное значение придавалось производственным целям. Вопросы технической политики и экономической эффективности занимали второстепенное положение. Это объяснялось в полной мере наличием директивного планирования, при котором предприятие превратилось в простую техническую систему, не имеющую свободы экономического маневра. По существу, цели предприятия задавались вышестоящими органами, которые руководствовались собственными соображениями, целями и задачами.

В настоящее время при переходе к рыночным отношениям положение резко изменяется. Появление предприятий с различной формой собственности, ликвидация централизованного планирования на государственных предприятиях, акционирование государственной собственности содействуют переходу процесса целеполагания на уровень предприятия. В условиях рыночной экономики приоритетность тех или иных целей определяется предпри-

ятием самостоятельно, в зависимости от конкретной ситуации и действующего хозяйственного механизма.

Целевая направленность отдельных производственных единиц формируется исходя из того, интересам каких социальных сил общества подчинено производство. Так, в условиях рыночной системы хозяйствования конкурентный рынок характеризуется всеобщим диктатом потребителя и направлен на цели удовлетворения его потребностей.

Главной характеристикой создаваемого в нашей стране эффективного хозяйственного механизма, основанного на изначальных принципах рыночной экономики, должна стать целевая направленность отечественных предприятий на *удовлетворение потребностей*, т. е. цели в первую очередь должны отражать стремление к удовлетворению потребностей конкретных потребителей.

Теория совершенной конкуренции определяет поведение фирмы даже жестче, чем директивное планирование. Поведение предприятия целиком определяется условиями внешней среды. Условия максимизации прибыли (равенство предельных издержек предельными доходами) также определяется средой, так как любой другой критерий поведения в условиях совершенной конкуренции приведет фирму к гибели.

Современное предприятие значительно отличается от фирмы, описанной традиционной теорией. Оно больше по размерам, сложнее по структуре управления, действует в различных структурах рынка, использует сложную систему информации. Это привело к тому, что с возникновением монополии и монополистической конкуренции как обычного явления, присущего современной экономической системе, давление рынка на поведение предприятия снизилось.

Поэтому в конкретной хозяйственной ситуации, отличающейся в той или иной степени от в целом нереалистичной гипотезы совершенного рынка, деятельность отдельного предприятия может быть направлена на достижение различных целей.

К вышеназванным пяти добавляются цели, направленные на достижение стабильности и ограничение риска. Наиболее важными названы: рост объема реализации, увеличение прибыльности, уменьшение зависимости от поставщиков, обеспечение стабильной платежеспособности предприятия. При этом подавляющее число предприятий отдадут предпочтение целям роста объема продаж.

Основным моментом, с точки зрения предприятия, является ориентация на достижение долгосрочных задач развития, повышения эффективности и стабильности [3].

Анализ литературы, касающейся стратегической деятельности предприятий, позволяет сделать вывод, что на современном этапе развития в нашей стране рыночных отношений для предприятий на первый план выходят следующие основные цели, которые могут быть выражены количественно в виде критериальных показателей: во-первых, максимизация прибыли или рентабельности предприятия; во-вторых, достижение оптимальных темпов роста и, в-третьих, ограничение риска.

Между этими показателями существует тесная зависимость, которая должна учитываться при формировании целей предприятия и его инвестиционной политики. Так, например, в качестве цели может быть сформулировано стремление при заданном темпе роста и степени риска максимизировать прибыль предприятия. Необходимо отметить также, что относительно невысокая прибыль и неприятие риска обуславливают низкие темпы роста, увеличить которые, как правило, можно лишь с помощью привлечения дополнительных заемных средств, что, в свою очередь, повышает степень риска. Конкретные цели предприятия как бы балансируют между этими показателями. В зависимости от экономической ситуации эти конкретные цели могут носить оборонительный характер, т. е. основываться на стремлении снизить риск, но тем самым уменьшить возможные результаты, или наступательный характер, который означает стремление максимизировать показатели прибыли и темпы роста, увеличивая элемент риска.

Выбор конкретных целей, их качественных и количественных характеристик является индивидуальным процессом для каждого предприятия и не может быть определенным однозначным алгоритмом, приемлемым для всех хозяйственных субъектов.

Конкретно сформулированные цели подводят основу для проработки стратегии предприятия. Под стратегией при этом следует понимать определение путей, ведущих к достижению сформулированных руководством предприятия целей.

После того, как определена общая стратегия, переходят к разработке функциональных стратегий – в области производства, НИОКР, инвестиций, финансов, трудовых ресурсов. Инвестиционная политика является главной составляющей стратегии предприятия, которая взаимосвязана со всеми функциональными стратегиями и является основным инструментом достижения целей.

Таким образом, в условиях современной экономики подтверждается высказанное ранее утверждение [1; 2], что в инвестиционной политике особое значение приобретают капитальные вложения в производство, в создание и воспроизводство основных фондов.

Список литературы

1. Кантор Е.Л. Экономика добывающей промышленности (вопросы теории и методологии). – СПб.: Изд-во СЗТУ, 2010. – С. 188.
2. Кантор Е.Л. Экономика добывающих предприятий и отраслей: моногр. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 2011. – С. 275.
3. Кантор Е.Л. Экономическая эффективность промышленного производства (теоретико-методический аспект): моногр. – СПб.: Изд-во СЗТУ, 2011. – С. 128.
4. Куклина Е.А. Формирование экономического механизма устойчивого развития горнопромышленных комплексов. – СПб.: СЗТУ, 2005. – 224 с.
5. Методика определения размеров удельных капиталовложений и себестоимости добычи и транспорта топлива при разработке топливно-энергетических балансов. – М.: Госэнергоиздат, 1962.

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ: АПК И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

УДК 338.43

О.П. Чекмарев

Развитие сельского хозяйства в России от имперских времен до наших дней: краткий обзор

В статье исследуется развитие сельскохозяйственного производства России со времен Империи до наших дней. Рассматриваются тенденции изменения валовых показателей и показателей эффективности в растениеводстве и животноводстве. На основе оценки статистических данных делаются выводы об успехах рыночных реформ в аграрной сфере экономики и предлагается комплекс мероприятий, направленных на устойчивое развитие села и аграрного производства в будущем.

The article presents the review of development of agriculture in Russia from the imperial times up to now, and considers trends in changing gross measures and performance indicators in crop and livestock production. On the base of statistics conclusions about the market reforms in the agrarian sector of the economy to be succeeded are made, and a set of actions aimed at sustainable rural development and agricultural production in the future are proposed.

Ключевые слова: сельское хозяйство, история развития аграрного производства, валовые сборы, эффективность сельхозпроизводителей.

Key words: agriculture, history of development of agrarian production, total yield, the grower's efficiency.

К концу 2014 г. стало совершенно очевидно, что следующий период в России будет характеризоваться сменой парадигмы ее развития. Старая модель роста вместе со стабильным снижением нефтяных котировок на мировых рынках, изменением внешнеполитической ситуации вокруг страны, накопившимися институциональными проблемами хозяйственного механизма уже не в теории [5], а в реальности «приказала долго жить». За время высоких цен на нефть, газ, металл и лес государственные органы власти потеряли из виду одну из важнейших составляющих ресурсного потенциала экономики – сельское хозяйство. Мимолетные обращения федеральных и региональных чиновников и политиков к этой теме были

связаны главным образом с обострением внешнеэкономической ситуации (агфляцией середины 2000-х или кризисом 2008–09 гг.) [4]. Однако в связи с быстрым снятием остроты проблем (обратный рост нефтяных котировок, несколько урожайных лет и пр.) системной прорывной работы в данной области народного хозяйства не проводилось.

Исходя из этих предпосылок, целью данного обзора является попытка на основе ретроспективного анализа и рассмотрения текущей ситуации вскрыть потенциал российского сельского хозяйства относительно достигнутых валовых показателей производства в предреволюционный период (начало XX в.), эпоху коллективизации, поствоенного развития и рыночных реформ (с 90-х гг. по настоящее время) и оценить возможности его реализации в будущем. При этом мы не беремся оценивать результаты Столыпинской реформы начала XX в., признавая достигнутые в этот период результаты сельхозпроизводства как одну из возможных относительных баз оценки достигнутых сегодня результатов.

Начнем обзор с базы сельского хозяйства, объем применения которой (в отличие от территориального расположения, климата) зависит от активности хозяйствующих субъектов – площади сельскохозяйственных угодий. В табл. 1 приведены размеры посевных площадей и пашни в границах Российской империи, СССР, РСФСР и сегодняшней России в динамике с 1913 г.

Таблица 1

Посевные площади

Показатель	1913 ¹	1940 ²	1986 ²	1990 ³	1995	2000	2005	2012
Пашня РФ, млн га	н.д.	н.д.	133,9	н.д.	н.д.	н.д.	121,8	115,5
Посевная площадь всего, млн га:								
СССР	118,2	150,6	210,3	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
РФ (РСФСР)	н.д.	92,1	119,2	117,7	102,5	84,7	75,8	76,3
в т. ч. под зерновыми, %								
СССР	88,5	73,5	55,4	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
РФ (РСФСР)	н.д.	76,1	56,7	53,6	53,3	53,8	60,1	58,2

Примечание. ¹ – в границах СССР, источник [1]; ² – до 1990 г., источник [10]; ³ – с 1990 г. и далее [13]; н.д. – нет данных.

Анализ данных, размещенных в табл. 1, позволяет сделать следующие основные выводы:

Пик использования земель в сельскохозяйственных целях пришелся на 80-е гг. Все время советской власти вплоть до второй половины 80-х гг. наблюдалось последовательное расширение обрабатываемых земель, причем не только в рамках территории СССР, но и на территории современной России.

Трансформация народного хозяйства, начавшаяся эволюционно в период перестройки и вступившая в активную, по сути, революционную фазу в начале 90-х гг., крайне негативно отразилась на сельскохозяйственной отрасли. Вплоть до последних годов наблюдается тенденция уменьшения площади пашни. Лишь с началом 10-х гг. начинается (пока не устойчивый) процесс расширения посевных площадей. Снижение площадей обрабатываемых земель естественно приводил и к вымиранию российского села, незаселенности территорий, что в настоящий момент является одной из центральных, с точки зрения стабильности и безопасности, проблем такой большой страны, как Россия.

Сравнение посевных площадей сегодня и в прошлые периоды, позволяет утверждать, что, несмотря на некоторые проблемы (см. ниже), страна обладает огромным потенциалом развития сельхозпроизводства. Запас по нераспаханным землям, даже если считать его от уровня 1986 г., составляет 18,4 млн га, а по возможностям расширения посевных площадей – 42,9 млн га. Для сравнения – вся пашня Украины в 2005 г. составляла 31 млн га, а совокупная площадь пашни Китая в 2011 г. – 108,2 млн га [11, с. 211]. Даже с учетом того, что климатические условия Китая позволяют на значительной части площадей получать два-три урожая в год, потенциал неиспользованных земель в России весьма существенен.

Еще одна отчетливо видная тенденция, которая продолжается со времен царской России до последних лет – постоянное снижение удельного веса посевных площадей под зерновые и зернобобовые культуры. С 1917 г. и до первой половины 80-х гг. это было связано с необходимостью обеспечения кормовой базы для развивающегося животноводства (см. ниже), которая должна включать не только концентрированные, но и сочные корма. Удельный вес кормовых культур постоянно расширялся на протяжении всего советского периода.

Только со второй половины первых годов XXI в. отмеченная выше тенденция изменяется. Относительно большие посевные площади стали занимать зерновые культуры, что можно связать со сменой государственной политики и, прежде всего, в области производства зерновых. Зерновые становятся важной составляющей экс-

порта, а в будущем могут служить кормовой базой для потенциального развития животноводческих отраслей.

Зерновые являются основной отечественного растениеводства, поэтому в табл. 2 приведены основные показатели развития в этом направлении. Анализ табличных данных свидетельствует о наличии уже отмеченных выше тенденциях, но с некоторыми особенностями.

Таблица 2

Производство зерновых в России (до 1990 в РСФСР) [3; 10–14]

Показатель	1913	1940	1981–85 в сред.	1986	1990	1995	2000	2005	2008–2012 в сред.	2012
Валовой сбор	50,5	55,6	98,9	107,5	116,7	63,4	65,4	77,8	86,28	70,9
Урожайность, ц/га	8,2 ¹	7,9	14,0	17,5	19,5	13,1	15,6	18,5	21,1	18,3
Население, млн чел.	89,9	107,9	140,6	145,3	148,0	148,3 ²	146,3	143,2	142,8	143,3
Зерна на душу населения, кг	562	515	703	740	789	428	447	543	604	495
Экспорт зерновых и хлебопродуктов, млн т ³	11,9	н.д.	н.д.	1,5	2,0	2,5	1,3	12,2	18,1	22,5
Импорт зерновых	н.д.	н.д.	н.д.	26,8	16,9	4,2	4,7	1,5	0,7	1,2

Примечание. ¹ – в границах Российской империи; ² – 1996; ³ – до 1995 в границах СССР.

Первое, что бросается в глаза – это практически отсутствующее изменение валового сбора и особенно урожайности зерновых в России в период с 1913 до 1940 гг. Справедливости ради нужно отметить, что урожай 1913 г. был рекордным для Российской империи и составил в целом по зерновым 5636600,6 тыс. пудов [14] или 92,3 млн т зерна в действовавших границах империи (пуд – 16,38 кг).

Тем не менее, стагнация в производстве зерна очень примечательна и отчасти противоречит тем целям, которые, помимо политических моментов, ставились перед начавшейся к концу 20-х гг. XIX в. коллективизацией. Речь идет о повышении эффективности сельскохозяйственного производства за счет снижения мелкоземелья и кооперации. На деле, к началу войны сколько-нибудь ощутимых результатов в сельском хозяйстве добиться не удалось, об этом же свидетельствуют и данные в других таблицах, приводимых в настоящей работе ниже.

Данный факт во многом объясняется тем, что страна практически параллельно вступила в процессы индустриализации, и сельское хозяйство рассматривалось как источник средств для инвестиций. Формальным организационным изменениям должны были сопутствовать изменения в подготовке кадров, технологиях и механизации, на что в таких условиях не хватило ни времени, ни ресурсов. Вместе с тем темпы роста материального обеспечения села в то время впечатляли. Так, парк тракторов на селе в 1934 г. в СССР составлял 276,4 тыс. шт., с совокупной мощностью 4,4 млн л.с. [8], т. е. один трактор мощностью 15,9 л.с. приходился на примерно 450 га посевных площадей. В 1940 г. количество тракторов в сельском хозяйстве достигло уже 531 тыс. шт. при совокупной мощности в 10,3 млн л.с. [9], т. е. теперь на один трактор мощностью уже 19,4 л.с. приходилось 283,6 га посевных площадей. Тем не менее, сами по себе цифры обеспеченности крайне малы, поэтому максимальных успехов в повышении урожайности зерновых в советский период удалось добиться только в 60–80-е гг., когда произошел качественный скачок материального обеспечения сельскохозяйственного производства.

К 1986 г. парк тракторов в СССР достиг 2776 тыс. шт. при суммарной мощности 236 млн л.с., что снизило нагрузку посевной площади на один трактор средней мощностью 85 л.с. до уровня 75,7 га. Именно прорыв в технологическом и материальном обеспечении села, включая химизацию, мелиорацию, защиту растений и пр. позволил выйти на качественно новые для страны уровни урожайности зерновых, примерно удвоив их уровень. Однако конец 80-х гг. характеризуется исчерпанием возможностей экстенсивного роста экономики, стагнацией в промышленности и, как следствие, – потерей темпов роста производительности труда в сельском хозяйстве, итак отстающих от развитых стран (см. ниже).

Начало рыночных реформ приводит к резкому спаду в растениеводстве в целом и в зернопроизводстве в частности. Однако с началом 2000 г. благодаря поддержке государства производство зерна постепенно выходит из кризисного состояния и к 10-м гг. XXI в. Россия вплотную подходит к тому, чтобы достигнуть объемов производства зерна на уровне 80-х гг., а с точки зрения урожайности – вышла на новые рубежи, не достигаемые в рамках СССР. Рост эффективности в зернопроизводстве позволил даже на меньших площадях получать сопоставимый урожай зерна, что можно рассматривать как положительное достижение.

И последнее. Несмотря на то что Россия пока только выходит на дореформенные объемы производства зерна, она постепенно возвращает себе утраченные со времен царской империи позиции в экспорте зерна. Причина этого, правда, весьма печальная – провал

в животноводстве. Если во времена 80-х значительную часть зерновых необходимо было тратить на кормовые цели, что приводило к дефициту зерна в стране и росту его импорта, то при падении поголовья скота к середине нулевых – уже в 2–2,5 раза (см. табл. 4). Естественно, что появляющиеся излишки зерна стали источником экспортной выручки. Однако с развитием отрасли животноводства ситуация может в корне поменяться. По поводу лидерства в экспорте хлебов Российской империи также нужно быть осторожными с выводами. По мнению некоторых авторов, объемы экспорта были излишними и приводили зачастую к ситуации недоедания и голода среди российского населения, по заметкам М.Я. Геллера, Россия вывозила из страны до 50 % товарного зерна [3]. Однако, с другой стороны, подобные аргументы тоже должны восприниматься критично. Ведь в аграрной стране товарность зерна и не может быть большой, крайне велика здесь будет доля самообеспечения.

Характеристика производства в других направлениях растениеводства приведена в табл. 3. Конечно, здесь собраны данные только по некоторым культурам, но они отражают несколько важнейших тенденций в этой сфере.

Таблица 3

Показатели развития растениеводства в России [10; 11; 13; 14]

Показатель	1913	1940	1986	1981– 1985 в сред.	1990	1995	2000	2005	2008– 2012 в сред.	2012
Картофель, тыс. га	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	3124	3409	2834	2277	2194	2237
Картофель, млн т	16,1	36,4	43,1	38,4	30,8	39,9	29,5	28,1	28,6	29,5
Урожайность картофеля, ц/га	73	89	123	104	104	118	105	124	133	134
Рапс, тыс. га	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	258	276	232	244	861	1190
Рапс, тыс. т	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	258	123	149	304	836	1035
Рапс озимый, ц/га	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	19,6	14,4	13,6	17,7	17,9	16,8
Соя, тыс. га	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	675	487	421	718	1108	1481
Соя, тыс. т	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	717	290	342	686	1295	1806
Соя, ц/га	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	11,1	7,5	10,1	10,5	12,4	13,1
Подсолнечник, тыс. га	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	2739	4127	4643	5568	6738	6529
Подсолнечник, тыс. т	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	3427	4200	3919	6470	7368	7993
Подсолнечник, ц/га	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	13,7	10,6	9,0	11,9	12,0	13,0

Во-первых, обратим внимание на повторение отмеченной выше тенденции постепенного роста урожайности картофеля до 80-х гг. с последующим падением в середине 90-х. Однако при этом появляется иная динамика валового сбора, он резко вырос к 40-му году, а далее стагнировал вплоть до начала 90-х гг. и так и не вернулся к этому уровню вплоть до последнего времени. Таким образом, в этом смысле отдельные элементы кризиса в сельском хозяйстве, начавшегося в начале 90-х, так и не преодолены.

Второе, что следует из табличных данных, во время рыночных реформ и особенно в начале XXI в. возникла новая для сельского хозяйства тенденция быстрого развития производства отдельных культур, выращивание которых ранее было не характерно для российского села (за исключением внедрения кукурузы при Н. Хрущеве). В табл. 3 эти культуры представлены рапсом, соей и отчасти подсолнечником. Здесь зафиксированы 2,5–4-кратные приросты объемов производства. Это можно считать положительной тенденцией развития сельского хозяйства, его восприимчивости к мировым веяниям. Аналогичным примером в кормопроизводстве является достаточно широкое внедрение на полях страны козлятника. К отрицательным моментам здесь можно отнести вечную для российского растениеводства проблему низкой урожайности, особенно в сравнении с зарубежными странами (см. ниже). Хотя, безусловно, на общем фоне есть и исключения, организации и фермеры, показывающие эффективность производства, близкую к развитым странам.

По поводу подсолнечника нужно тоже сделать два замечания. Во-первых, Россия и Украина являются единственными странами мира, в которых достигнуты значительные объемы производства этой культуры, что делает положение России весьма интересным с точки зрения импорта данного товара за границу при соответствующем его позиционировании среди других масличных культур. Негативным моментом с подсолнечником является относительно низкая его потенциальная продуктивность относительно, например, рапса или кукурузы. Так, если урожайность кукурузы в некоторых странах достигает уровня 100 и даже 220 ц/га, то урожайность подсолнечника, как правило, не превышает 23 ц/га (мах – Израиль – до 83) [12].

Характеристика развития животноводства в России приведена в табл. 4. Здесь снова отмечается уже выявленные нами проблемы низкой эффективности первого периода коллективизации. Прироста производства мяса и поголовья крупного рогатого скота не наблюдалось вплоть до начала 50-х гг.

Опять же отмечается бурный рост показателей развития животноводства в 60–80-е гг. и обвал в 90-е. Но особенностью животноводства является то, что выхода на объемы производства 80-х гг. не удалось добиться ни по одному показателю. Постепенно выходит из

кризиса производство мяса птицы. Именно оно стало драйвером увеличения производства мяса в убойном весе. Если в 1990 г. на долю этого продукта приходилось 17,8 % от всего объема производства мяса, то в 2012 г. уже 44,4 %. Однако до сих пор поголовье птицы ниже уровня 1990 г. примерно на 25 %. Близкая ситуация имеет с производством яиц и молока, свиноводство начинает постепенно восстанавливаться из кризиса. Но пока поголовье свиней составляет только около половины уровня 1990 г. Самое тяжелое положение сложилось в производстве мяса крупного рогатого скота (КРС). В целом поголовье КРС снизилось к 2012 г. более чем в 2,5 раза относительно аналогичного показателя 1990 г. Отмечаемые тенденции можно объяснить с позиций длительности производственного цикла. Наиболее короткий цикл в птицеводстве, наиболее длительный как раз в мясном направлении выращивания КРС. В условиях нестабильности экономических реалий, динамической неопределенности мер господдержки, незащищенности прав собственности [17], развитие производств с длительным циклом получения продукции нецелесообразно, что и подтверждают статистические данные.

Еще более сложная ситуация складывается с производством шерсти. Но здесь в отличие от мяса КРС добавляется проблема отсутствия сбыта продукции ввиду тяжелейшей ситуации в прядильной отрасли.

Положительной чертой развития животноводства в последние полтора десятилетия можно считать то, что, несмотря на снижение поголовья скота и птицы, достаточно быстро растут показатели эффективности производства. Здесь сельскохозяйственные производители достигли значительных успехов, превышающих результаты в растениеводстве.

Таблица 4

Показатели развития животноводства в России [10; 11; 13; 14]

Показатель	1913	1940	1986	1981–85 в сред.	1990	1995	2000	2005	2008–12 в сред.	2012
Мясо в убойном весе, млн т	2,4	2,4	8,9	8,1	10,1	5,8	4,4	5,0	7,2	8,1
в т. ч. птица	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1,8	0,9	0,8	1,4	2,9	3,6
птица, %	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	17,8	15,5	18,2	28,0	40,3	44,4
свинина	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	3,5	1,9	1,6	1,6	2,3	2,6
Поголовье КРС, млн голов	33,0	27,8	59,6	59,2	57,0	39,7	27,5	21,6	20,4	20,0
в т. ч. коровы	17,3	14,2	21,6	22,0	20,5	17,4	12,7	9,5	9	8,9

Продолжение табл. 4

Поголовье птицы, млн голов	н.д.	135,2	627,7	н.д.	659,8	422,6	340,7	241,3	451,2	495,2
Поголовье свиней, млн голов	~7,1	12,1	40,2	38,1	38,3	22,6	15,8	13,8	17,3	18,8
Поголовье овец и коз, млн голов	47,0 (1915)	51,2	64,1	64,8	58,2	28,0	15,0	18,6	22,5	24,2
Шерсть, тыс. т	н.д.	98,0	226,1	221,0	226,7	93,0	40,0	49,0	54,0	55,0
Яйца, млрд шт	7,1	6,6	46,2	43,1	47,5	33,8	34,1	37,0	40,2	42,0
Молоко, млн т	19,3	17,8	52,2	48,7	55,7	39,2	32,3	31,1	32,0	31,8
Надой на корову, кг в год	н.д.	н.д.	2506	н.д.	2731	2153	2502	3176	3771	3898
Яйценоскость кур, яиц в год	н.д.	н.д.	230	н.д.	236	212	264	301	306	306

Примечание. Н.д. – нет данных.

В рамках данной работы оцениваются не финансовые показатели эффективности (рентабельность, фондоотдача и пр.), а главным образом показатели эффективности, относительно характеризующие приближение к биологическому потенциалу сельского хозяйства. Использование финансовых показателей эффективности не совсем корректно при смене экономической системы в России с административной экономики на рыночную, с присущими этому переходу проблемами диспаритета цен, контролем монополий и монополией и пр. Исходя из этого, сопоставления, например по надоем молока в расчете на одну корову, показывают, что страна превысила показатели 1990 г. более чем на 42 %, по яйценоскости кур почти на 30 %. Это очень позитивные результаты, которые при соответствующем тиражировании могут дать значительное расширение потенциала производства продукции животноводства в России.

Весьма близкие тенденции наблюдаются и в плодоводстве. При продолжавшемся до последнего времени сокращении площади насаждений (с 767 тыс. га в 2000 г. до 507 тыс. га в 2012 г.) валовой сбор за период с начала 2000-х гг. практически не изменился и составляет на 2013 г. около 2931 тыс. т плодов, ягод и винограда.

Для современного сельского хозяйства России сложно решается проблема инвестиций в поддержание плодородия почв и материально-техническую базу производства. В подтверждение тезиса приведем табл. 5–7.

Таблица 5

*Объемы работ по химической мелиорации почв
в сельскохозяйственных организациях [14]*

Виды работ	Годы							
	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Произвестковано кислых почв, млн га	4,7	0,9	0,4	0,3	0,2	0,2	0,3	0,2
Проведено гипсование солонцовых почв, тыс. га	159	3,5	9,2	0,8	0,1	0,04	0,6	0,3
Проведено фосфоритование кислых почв, тыс. га	...	213	54	43	3,7	2,3	3,1	18,0

Данные табл. 5 свидетельствуют о том, что химическая мелиорация почв в России практически перестала проводиться и это несмотря на то, что подавляющая часть сельскохозяйственных угодий в ней нуждаются. Длительное отсутствие данной работы подрывает потенциал плодородия почв и не позволяет рассчитывать на высокие урожаи сельскохозяйственных культур.

Достаточно сложное положение возникло в таких обеспечивающих основное производство областях сельского хозяйства, как племенное дело и семеноводство.

Доля импортного племенного стада до 2010 г. составляла порядка 30 % по КРС и 20 % по свиньям [2]. Однако за несколько последующих лет импорт племенных животных значительно возрос (табл. 6), особенно по КРС, что делает страну зависимой от иностранных компаний, что крайне негативно при имеющейся политической конъюнктуре и обвале рубля.

Что касается селекции и семеноводства, то представители Министерства сельского хозяйства говорят о том, что «доля высева некондиционных семян по основным сельскохозяйственным культурам достигает 30 %, что позволяет только на 30 % реализовывать урожайность по существующим сортам» [6].

Таблица 6

*Импорт чистопородных племенных с/х животных
в России 2008–2012 гг. [14]*

Чистопородные племенные животные, шт.	2008	2009	2010	2011	2012
Крупный рогатый скот	58438	48077	37200	95252	140808
Свины	32413	12654	18364	38808	35812
Овцы	-	-	75	90	22
Козы	306	-	330	307	-

Информация в табл. 7 позволяет говорить о том, что в посевном материале большинства сельскохозяйственных культур также очень высока доля импорта. Исключение составляют только зерновые, где доля зарубежных поставок семян составляет около 5%. Безусловно данную ситуацию нельзя считать удовлетворительной.

Таблица 7

Доля импортных семян в посевном материале, %

С/х культуры	2012 г.
Овощи	65
Сахарная свекла	65
Картофель	53
Кукуруза	34
Подсолнечник	28

До этого момента мы исследовали текущую ситуацию в сравнении с предыдущими периодами развития сельского хозяйства. Однако для более полной картины современного состояния сельскохозяйственного производства целесообразно представить некоторые материалы по межстрановым сопоставлениям. Прежде всего, речь идет о сопоставлении показателей эффективности сельскохозяйственного производства (табл. 8) и его материально-технического обеспечения.

Прежде всего, посмотрим для примера показатели урожайности пшеницы в различных странах (урожайность зерновых сравнивать не всегда целесообразно из-за разности в структуре зерновых, высеваемых на территории того или иного государства). Данные в табл. 8 ясно дают понять, что у России есть достаточно существенный потенциал роста урожайности.

Таблица 8

Сравнительная урожайность пшеницы (центнеров с одного гектара убранной площади) [12, с. 185]

Страна-производитель	2005	2008–11, в среднем
Австралия	20,2	17,1
Россия	19,3	22,4
Бразилия	19,7	25,3
Канада	27,4	28,5
Индия	26	28,9
Аргентина	25,3	29,9
США	28,2	30,2
Финляндия	37,3	37,6

Продолжение табл. 8

Норвегия	48,9	41,2
Китай	42,8	47,7
Мексика	47,5	52,2
Австрия	50,3	53,7
Швеция	63,3	57,4
Франция	69,9	69,9
Германия	74,7	75,6
Нидерланды	85,9	86,8
Бельгия	82,7	88,7

Из табл. 8 видно, что даже в Финляндии с ее не лучшими климатическими условиями получают урожай на 67 % выше, чем в среднем по России. На больших по масштабу полях Канады и США тоже удается собирать урожай с гектара на 27–34 % выше, чем в России. Конечно, России на значительной территории может и не стоит гнаться за лидерами урожайности, такими как Нидерланды или Бельгия. Ведь интенсивность производства оказывает влияние, с одной стороны, на экологичность продукции, а с другой стороны, на цену производства. Исследование международных сопоставлений на базе официальной отчетности стран [12] наглядно показывает что и по урожайности других культур ситуация в России примерно аналогичная. Поэтому вполне ясно, что при необходимости потенциал повышения эффективности в данной области у России весьма существенен.

Сходная с отмеченной, наблюдается ситуация и в животноводстве. В табл. 9 приводятся сравнительные удои на одну корову в различных странах. И здесь видно, что потенциал роста продуктивности далеко не исчерпан.

По сути, мы приходим к выводу, что несмотря на определенные успехи, достигнутые в растениеводстве и животноводстве за времена Советского Союза и современной России, эффективность производства сельхозпродукции пока находится на весьма скромном уровне относительно развитых с сельскохозяйственной точки зрения стран. Хотя еще раз подчеркнем возможную дискуссионность вопроса о необходимости интенсивного развития сельского хозяйства взамен экстенсивного, к которому в России тоже есть все предпосылки.

Таблица 9

*Надой на одну корову в отдельных странах мира
(килограммов в год) [12, с. 196]*

Страна	2005	2008–11, в среднем
Индия	1087	1163
Бразилия	1231	1334
Китай	2500	2926
Россия	3176	3740
Мексика	4491	4524
Аргентина	4719	4532
Польша	4333	4795
Венгрия	5591	5521
Германия	6762	7018
Дания	8124	8519
Нидерланды	7300	7353
Норвегия	5904	6243
Великобритания	7245	7520
США	8877	9491
Финляндия	7633	8040
Франция	6288	6271
Швеция	8157	8340

Если выбирать интенсивное развитие, то сравнительный анализ показывает, что резервы повышения продуктивности сельского хозяйства во многом обеспечиваются повышением материальной базы (табл. 10–11). И в области внесения удобрений на 1 га пашни и по площади пашни, приходящейся на один трактор, как наиболее ярких иллюстраторов этой мысли, Россия в несколько раз (иногда на порядок) отстает от уровня обеспеченности сельского хозяйства в зарубежных странах, что свидетельствует о необходимости в первоочередном порядке повышать материальную базу села.

Таблица 10

*Внесение минеральных удобрений на 1 га пашни
(в пересчете на 100 % питательных веществ, кг) [12, с. 189]*

Страна	2005	2008–11, в среднем
Россия	15	24
Австралия	45	42
Австрия	135	101
Аргентина	36	36
Бразилия	122	141

Продолжение табл. 10

Венгрия	85	85
Германия	209	186
Дания	137	120
Индия	128	169
Мексика	74	61
Нидерланды	338	257
Норвегия	219	189
США	119	116
Финляндия	134	124
Франция	191	148
Швеция	89	84
Япония	348	260

Таблица 11

*Площадь пашни, приходящейся на один трактор (га/ед.)
в отдельных странах*

Страна	2007
Россия	200 ¹
США	38
Германия	16
Франция	15 ²
Канада	62
Египет	25

Примечание. ¹ – в 2013 г. – 250; ² – данные за 2005; рассчитано по данным [12, с. 211, 255–256].

К сказанному можно добавить важные проблемы диспаритета цен, сравнительной недостаточности объем государственной поддержки сельского хозяйства, целесообразности повышения роли малых форм хозяйствования на селе, кооперации, как формы повышения эффективности сельхозпроизводства и лоббирования его интересов. К сожалению, осветить эти вопросы в рамках данной работы невозможно за ограниченностью ее объема, но они достаточно подробно рассматриваются в других работах автора [7; 15; 16].

В заключение, на основе выявленных тенденций и проблем в современном сельском хозяйстве можно сформировать следующий комплекс мероприятий, который обеспечит развитие потенциала сельскохозяйственного производства в России и решение смежных задач в области обеспечения продовольственной безопасности, заселенности территорий, их устойчивого развития. При этом, первые семь мероприятий хоть логически и не следуют из приведенных

выше аргументов, но являются необходимыми условиями развития сельхозпроизводства.

1. Ограничение диспаритета цен между сырьевыми, материальными ресурсами для села и продукцией сельского хозяйства [16].

2. Создание социальной и экономической инфраструктуры развития сельскохозяйственного производства, в том числе обеспечение быстрого и низкочастотного подключения сельскохозяйственных производителей к объектам инфраструктуры [15–16].

3. Решение первых двух задач невозможно без развития всех форм сельскохозяйственной кооперации для консолидации разрозненных производителей и отстаивания своих интересов перед партнерами по бизнесу и государственными органами власти [7; 15; 16].

4. Развитие и активная поддержка малых форм хозяйствования на селе [7].

5. Решение вопроса об отводе земель для сельскохозяйственного производства и о передаче неиспользуемых или используемых не по назначению земель активным сельхозпроизводителям.

6. Развитие системы сельскохозяйственного образования, формирования и внедрения инноваций в сельском хозяйстве.

7. Повышение финансовой доступности инвестиций в сельском хозяйстве, расширение активной прямой, и особенно косвенной поддержки сельскохозяйственных производителей со стороны государства (в т. ч. шире используя «зеленую корзину» ВТО).

8. Развитие отраслей материального обеспечения села, особенно в области машиностроения, производства удобрений, биопрепаратов, мелиорации и защиты растений.

9. Обеспечение стабильности и предсказуемости правил игры на рынке сельскохозяйственного производства, без чего невозможно рассчитывать на возрождение долгоокупаемых инвестиций (КРС, семеноводство, садоводство и пр.).

10. Поддержка сельхозпроизводителей в освоении вышедших из оборота, закустаренных, закамененных земель для повышения количества посевных площадей.

11. Развитие семеноводства и племенного дела.

12. Адекватное расширение производства зерновых и прочей кормовой базы для обеспечения роста в животноводстве, при этом нельзя допускать необоснованное расширение экспорта зерна, создающего внутренний дефицит.

13. Возможность позиционирования России на мировых рынках как страны с биологически (экологически) чистой продукцией за счет отказа *на определенной части территории* от применения химических средств защиты растений и удобрений, расширение биологического земледелия. Ведь стране не обязательно гнаться за

максимальными урожаями, а можно сосредоточиться на качестве продукции и тем самым занять свою нишу на рынке.

Системная реализация этих мероприятий позволит надеяться, что потенциал российского сельского хозяйства не будет оставаться просто потенциалом, а превратится в реальную движущую силу, драйвер нового витка экономического развития страны.

Список литературы

1. БСЭ, разд. «Земледелие». – URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Zemledelie-18180.html
2. Вахитов Ш.Х. Состояние и перспективы развития племенного животноводства в Российской Федерации. – URL: http://www.mgavm.ru/academy/normativ_doc/local_acts/report/documents/otchet/%D0%9D4.53.1/H4.53.1.3.ppt.
3. История России 1917–1995: в 4-х т.: учеб. пособие для студентов вузов / М. Я. Геллер, А. М. Некрич. – М.: МИК: Агар, 1996. – Т. 2. Утопия у власти 1945–1985. – 431 с. – ISBN 5-87902-005-3. – URL: http://www.krotov.info/history/11/geller/gell_1946.html
4. Лукичев П.М. Агфляция: возникновение и влияние на развитие аграрной сферы России // Изв. С.-Петербур. гос. аграрного ун-та. – 2008. – № 8. – С. 97–100.
5. Лякин А.Н. Российская экономика после восстановления: временное замедление или новая траектория роста // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 5. Экономика. – 2013. – № 4. – С. 55–69.
6. Материалы Первой Международной конференции «Селекция и семеноводство: статус Quo, основные проблемы, модернизация и перспективы развития в свете актуальной аграрно-продовольственной политики Российской Федерации», 16.05.2011. – М. – URL: <http://www.mcx.ru/news/news/show/4657.285.htm>
7. Методические рекомендации по развитию кооперации (студенческие и сельскохозяйственные потребительские кооперативы) / под общ. ред. О.П. Чекмарева, Е.В. Аверьяновой. – СПб.: СПбГАУ, 2013. – 248 с. Электронный ресурс. – URL: <http://motivtrud.ru/PCost/study.html#razdel6>
8. Народное хозяйство СССР в цифрах (1860–1938 гг.): стат. сб. – М.: Моск. рабочий, 1940 – С. 97. – URL: http://istmat.info/files/uploads/21377/narhoz_1860-1938_11.pdf
9. Народное хозяйство СССР за 1913–1955 гг. (Краткий статистический сборник). – ЦСУ СССР, 1955. – С. 98. РГАЭ Ф. 1562. – Оп. 33. – Д. 2310. – Л. 1–250. – URL: http://istmat.info/files/uploads/36699/narodnoe_hozyaystvo_ssr_za_1913-1955_gg.pdf
10. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбил. стат. ежегодн. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
11. Народное хозяйство СССР: стат. сб. / ЦСУ СССР. – М.: Гос. стат. изд-во, 1956. – 264 с.
12. Россия и страны мира. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 382 с.
13. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 462 с.
14. Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). – Изд. ЦСК, С.-Петербур., 1914. – VII-й отдел. Сельское хозяйство.

15. Чекмарев О.П. Интеграционные процессы в АПК: значение, экономика, потенциал // Изв. С.-Петербур. гос. аграрного ун-та. – СПб.: СПбГАУ. – № 26. – 2012. – С. 205–211.

16. Чекмарев О.П. Мотивация и социально-экономическая эффективность сельскохозяйственной кооперации // Изв. С.-Петербур. гос. аграрного ун-та. – СПб.: СПбГАУ. – № 31 – 2013. – С. 142–148. – URL: <http://motivtrud.ru/PCost/research.html#razdel3>

17. Чекмарев О.П. Мотивация предпринимательства в России: тенденции государственного регулирования от кризиса 2008 г. до настоящего времени // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 3. – Т. 6. Экономика. – С. 7–21. – URL: <http://motivtrud.ru/PCost/research.html#razdel3>

Влияние факторов на валовую прибыль интегрированных молокоперерабатывающих предприятий АПК СЗ ФО РФ

В статье исследуются факторы, влияющие на показатель валовой прибыли предприятий молокоперерабатывающего подкомплекса СЗ ФО РФ, входящих в интегрированные формирования. Методом корреляционно-регрессионного анализа изучена взаимосвязь валовой прибыли и объема выпускаемой продукции, стоимости основных средств и коммерческих расходов на примере девяти молокоперерабатывающих предприятий.

The article describes factors influencing on gross profit of enterprises of milk processing subcomplex in NW Federal District of the Russian Federation, which participate in the integrated associations. By the method of the correlation and regression analysis the relationship between gross profit and the volume of production, value of fixed assets and commercial expenses is defined on the example of 9 milk processing enterprises.

Ключевые слова: эффективность, продуктовая цепь, интегрированные формирования, корреляционно-регрессионный анализ, молокоперерабатывающие предприятия, Северо-Западный округ РФ.

Key words: efficiency, commodity chain, integrated associations, correlation and regression analysis, milk processing enterprises of Northwestern Federal District of Russia.

Наиболее крупные и устойчиво функционирующие молокоперерабатывающие предприятия Северо-Западного федерального округа (СЗ ФО) РФ, как, например, ЗАО «Лактис» в Новгородской области и ОАО «Молоко» в Архангельской области, являются частью интегрированных компаний. Они контролируют более 50 % местного рынка молока и молочной продукции, объединяя практически все звенья производственной цепи, путем интеграции с сельскохозяйственными предприятиями молочной специализации и торговыми организациями. ОАО «Молоко» входит в многоотраслевую холдинговую компанию ООО «УК «Альянс-Менеджмент», которая также включает ЗАО «Архангельская молочная компания», занимающуюся торговлей молочной продукцией, и сельскохозяйственное предприятие молочной специализации ООО «Заостровское».

Вертикально ориентированная унитарная структура управления подобных интегрированных молокоперерабатывающих компаний обеспечивает благоприятные условия для ведения производственной деятельности, позволяет получить обширные возможности для

сбыта и продвижения собственной продукции, формирования стабильных и долгосрочных связей с поставщиками сырья.

Как отмечают исследователи [2, с. 26], эффективность вертикально интегрированных формирований повышается за счет активизации интеграционных связей внутри фирмы между сферами переработки и поставки молока по следующим направлениям деятельности:

- оформление долгосрочных договоров на поставку молока на давальческой основе с установлением квот (годовых и месячных объемов поставок молока для каждого хозяйства) с отработанной системой ответственности за соблюдение графика поставок, качества продукции и методикой установления цен на молоко;

- заключение трехсторонних договоров по организации централизованных поставок ГСМ, комбикормов и сырья сельхозпредприятиям;

- авансирование сельскохозяйственных предприятий – поставщиков молока;

- предоставление гарантий головной (управляющей) компанией при получении кредитов сельскохозяйственными предприятиями.

Оценить эффективность деятельности интегрированных молокоперерабатывающих компаний, функционирующих в Северо-Западном округе, а также сравнить их показатели с остальными предприятиями отрасли, не входящими в организационные структуры подобного типа, возможно с использованием показателя валовой прибыли. Данный показатель является результирующим и на его изменение оказывают влияние различные факторы экстенсивного и интенсивного характера. В настоящем исследовании методом корреляционно-регрессионного анализа проводилось изучение влияния следующих показателей на сумму валовой прибыли [1, с. 53]:

- стоимость основных средств (определялась по балансу – форма №1), поскольку в последние несколько лет наметилась тенденция значительного увеличения инвестиций в обновление и модернизацию основных средств производства предприятий молочной промышленности;

- величина коммерческих расходов (определялась по отчету о прибылях и убытках – форма № 2). Данная статья расходов включает в себя затраты по рекламе и продвижению продукции, что является существенным фактором для молокоперерабатывающих предприятий, поскольку правильно и грамотно оформленная маркетинговая стратегия позволяет получить своего потребителя и повысить узнаваемость продукции;

- объем производства продукции молокоперерабатывающего предприятия в натуральном выражении. Этот показатель характеризует масштаб производства и позволяет опосредованно оценить

влияние загрузки производственных мощностей на валовую прибыль (определялся на основе информации годовых отчетов эмитентов).

Для анализа преимущественно использовались данные за период с 2005 по 2013 гг. Результаты исследования приведены в табл. 1.

Таблица 1

*Оценка влияния факторов на валовую прибыль
молокоперерабатывающих предприятий в СЗ ФО РФ*

Наименование предприятия	Коэффициент корреляции R	Y	a	b	c
ЗАО «Лактис», г. Новгород (2006–2010 гг.) [4; 5]	0,99	-2817080	9,98	7,4	5,4
ОАО «Молоко, г. Архангельск (2008–2012 гг.) [7]	0,93	99488,63	-0,55	31,5	-
ОАО «Кингисеппский МК», Ленинградская обл. (2009–2012 гг.), использовались данные по объему выручки [10]	0,98	-210516,2	0,26	45,05	-
ОАО «Тихвинский МЗ», Ленинградская обл. (2008–2012 гг.) [14]	0,50	3563,3	0,18	2,00	-
ЗАО «Лужский МК», Ленинградская обл. (2008–2011 гг.) [6]	0,89	121678,2	-1,05	-7,00	2,15
ОАО «Боровичский МК», Новгородская обл. (2005–2013 гг.) [11; 12]	0,87	5442,06	-1,5	2,16	2,7
ОАО «Белокрестский маслозавод», Вологодская обл. (2005–2012 гг.) [13]	0,76	9848,9	0,87	0,27	-
ОАО «Череповецкий МК», Вологодская обл. (2005–2012 гг.) [9]	0,92	4578,91	-0,04	1,80	0,32
ОАО «Сухонский МК», Вологодская обл. (2005–2010 гг.) [8]	0,84	21020,51	-0,034	1,40	-

В ходе применения метода корреляционно-регрессионного анализа было получено следующее уравнение, показывающее эластичность и зависимость результирующего показателя – валовой прибыли (y) молокоперерабатывающих предприятий от соответствующих факторов: a – стоимость основных средств, тыс. р., b – объема коммерческих расходов, тыс. р., c – объема производства продукции, тыс. т, Y – свободный член (постоянное число):

$$y=Y+aX_1+bX_2+cX_3$$

Рассмотрим влияние указанных в табл. 1 факторов на показатели валовой прибыли на примере молокоперерабатывающего предприятия, входящего в интегрированное формирование ЗАО «Лактис»:

- полученный коэффициент корреляции $R=0,99$ указывает на существование сильной связи между рассматриваемыми факторами и показателями валовой прибыли предприятия;

- при условии, если показатель объема выпуска продукции увеличится на 1 т, валовая прибыль возрастет на 5400 р.;

- при условии, если стоимость основных средств увеличится на 1 тыс. р., то валовая прибыль возрастет на 9980 р.;

- дополнительные вложения финансовых средств в статью коммерческие расходы предприятия на 1 тыс. р., способствуют приросту валовой прибыли на 7 400 р.

В результате проведенного анализа все предприятия по значению коэффициента корреляции можно разделить на три группы:

- первая – где наблюдается высокий показатель коэффициента корреляции ($R>0,9$), характеризующий сильную взаимосвязь между исследуемыми факторами и результирующим показателем. В неё входят крупные молокоперерабатывающие предприятия – лидеры на локальных рынках продукции, являющиеся участниками интегрированных формирований – ЗАО «Лактис», ОАО «Молоко», ОАО «Череповецкий МК», ОАО «Кингисеппский МК» (до 2011 г. входил в группу компаний НП «Концерн Детскосельский»);

- вторая – включает менее крупные – средние по размерам предприятия, по которым коэффициент корреляции $R>0,8$;

- третья – формирует наименьшие по размеру молокоперерабатывающие заводы со значением коэффициента корреляции R в интервале от 0,5 до 0,7, где наблюдается средняя взаимосвязь между рассматриваемыми факторами и показателем валовой прибыли. Данная группа молочных заводов не входит в интегрированные объединения, характеризуется нестабильными, краткосрочными связями с контрагентами – сельскохозяйственными поставщиками и покупателями, а также небольшим объемом производства, что не позволяет им получить те выгоды и возможности, которыми обладают предприятия, являющиеся частью интегрированных компаний.

Наиболее существенное влияние на валовую прибыль оказывает изменение коммерческих расходов. Как показали результаты исследования незначительное увеличение коммерческих расходов дает существенный прирост показателя валовой прибыли, что особенно характерно для крупных молокоперерабатывающих компаний.

По тем трем предприятиям, по которым удалось найти информацию об объемах производства, также выявлена сильная корреляция валовой прибыли от данного фактора. Однако у пяти

молокоперерабатывающих предприятий, среди которых находится ОАО «Молоко», являющееся частью интегрированного формирования, отмечалось отрицательное влияние фактора стоимости основных средств на показатель валовой прибыли, т. е. увеличение среднегодовой стоимости основных средств производства вызывало резкое сокращение валовой прибыли.

Величина валовой прибыли в анализируемых интегрированных организациях зависит не только от рассмотренных выше внутренних факторов, но также и от нижеперечисленных внешних факторов, которые возникают в результате формирования агломерации группы организаций на одной территории по всей производственной цепи создания ценности [3, с. 81]:

- освоения эффекта масштаба;
- получения преимущества от свободного обмена знаниями и практического опыта освоения инноваций;
- возможности обеспечить неформальное урегулирование спорных взаимоотношений среди участников внутри интегрированного формирования (например, посредством сокращения судебных издержек).

Исследование влияния различных факторов на показатель валовой прибыли девяти молокоперерабатывающих предприятий СЗ ФО РФ, в том числе и предприятий, являющихся частью интегрированных формирований, показали достаточно противоречивые результаты. У большинства из них прослеживается тенденция увеличения стоимости основных средств независимо от изменения темпов прироста, либо сокращения валовой прибыли. При существующей значительной недозагрузке производственных мощностей подобных молокоперерабатывающих предприятий процесс модернизации и обновления основных средств отрицательно влияет на показатели валовой прибыли, в результате чего происходит резкое колебание ее динамики и дальнейшее снижение. Данная тенденция связана с долгосрочным характером капиталовложений, которые предприятие вкладывает в основные средства производства. В подобной ситуации важной задачей является получение отдачи от вложенных средств в срок, определенный бизнес-планом или стратегией развития предприятия.

Стимулирование увеличения поставок от местных сельскохозяйственных предприятий молочной специализации позволит региональным молокоперерабатывающим заводам обеспечить загрузку своих производственных мощностей на уровне, позволяющем окупить капиталовложения, осуществляемые в основные средства в процессе модернизации промышленно-хозяйственных объектов.

В условиях сокращения производства молока–сырья сельскохозяйственными предприятиями в СЗ ФО РФ, местным молокоперерабатывающим предприятиям необходимо более интенсивно

налаживать сотрудничество с ними, повышать эффективность межхозяйственных связей путем формирования персонафицированного подхода в работе с каждым из них, учетом специфики их функционирования, как это происходит в крупных интегрированных организациях.

Список литературы

1. Гладилин А.В., А.Н. Герасимов, Громов Е.И. Эконометрика: учеб. пособие. – М.: Кнорус, 2009. – 232 с.
2. Дибиров А.А. и др. Теоретические основы и методика моделирования интегрированных, кооперативных формирований в АПК: моногр. – СПб.: ГНУ СЗНИЭСХ, 2013. – 50 с.
3. Дибиров А.А., Дибирова Х.А., Степанова Г.И. Стратегия развития интегрированных, кластерных формирований в АПК СЗ ФО РФ: отчет о научно-исследовательской работе. – СПб.: ГНУ СЗНИЭСХ, 2013. – 110 с.
4. Годовые и финансовые отчеты ЗАО «Лактис» за 2009–2010 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=16844/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2014).
5. Годовые и финансовые отчеты ЗАО «Лактис» за 2006–2009 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lactis.ru/invest/свободный>. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2014).
6. Годовые и финансовые отчеты ЗАО «Лужский МК» за 2008–2011 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lactis.ru/invest/свободный>. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2014).
7. Годовые и финансовые отчеты ОАО «Молоко» за 2008-2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=6412/свободный>. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2014).
8. Годовые и финансовые отчеты ОАО «Сухонский МК» за 2005–2010 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.suhmk.ru/>- Документация. Годовой отчет (дата обращения: 20.03.2014).
9. Годовые и финансовые отчеты ОАО «Череповецкий МК» за 2005–2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-disclosure.ru/свободный>. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2014).
10. Годовые и финансовые отчеты ОАО «Кингисеппский МК» за 2009–2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=9965/> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2014).
11. Годовые и финансовые отчеты ОАО «Боровичский МК» за 2010–2013 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/свободный>. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2014).
12. Годовые и финансовые отчеты ОАО «Боровичский МК» за 2005–2010 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bormoloko.ru/>. Главная. Документация (дата обращения: 20.01.2014).
13. Годовые и финансовые отчеты ОАО «Белокрестский маслозавод» за 2005–2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=21465/свободный>. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2014).
14. Годовые и финансовые отчеты ОАО «Тихвинский молочный завод» за 2008–2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://disclosure.skrin.ru/disclosure/4715000408/?DTI=7> (дата обращения: 17.02.2014).

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ: СТРОИТЕЛЬСТВО

УДК 332.81(470+571)

Л.А. Гузикова, Е.В. Плотникова

Оценка благоустроенности жилищного фонда в Российской Федерации

В статье предлагается методика оценки благоустроенности жилищного фонда, которая носит интегральный характер и может использоваться для разработки проектов, направленных на повышение уровня жизни населения и укрепление конкурентоспособности экономики в РФ. Результат применения модели будет способствовать росту национального богатства страны.

The article presents the technique of evaluating livability of housing which is of the integrated nature and can be used for developing the projects aimed at improving the living standard of the population and increasing the competitiveness of the Russian economy. The model to be implemented will stimulate the growth of the country's national wealth.

Ключевые слова: жилищный фонд, оценка благоустроенности, характеристики жилья, потребность населения, территориальная единица.

Key words: housing, evaluation of livability, criteria housing, the population's demand, territorial unit.

Национальное богатство является одним из основных макроэкономических понятий, позволяющих оценить экономический потенциал страны и ее статус в мировой экономической системе, определить уровень развития народного хозяйства и степень благосостояния населения. На сегодняшний день именно национальное богатство обеспечивает конкурентные преимущества национальной и региональных экономик. Следовательно, создание оптимальных условий для роста и качественного развития национального богатства является важной задачей для всех уровней власти и управления.

Национальное богатство является сложной категорией, исследование которой проводилось зарубежными и отечественными учеными-экономистами (в их числе: Р. Голдсмит [3], О.А. Николайчук [6], О.И. Глущенко [2], Т.В. Трофимова [7], С. Смит [8], Д. Джорженсон [10] и др.).

Одной из основных составляющих национального богатства является жилищный фонд (более 20 % воспроизводимого недвижимого имущества РФ), в строительстве и эксплуатации которого занято более 13 % работающего населения [9]. Повышение благоустроенности жилищного фонда является фактором стабилизации экономики страны как на национальном, так и на региональном уровнях [4; 5].

Вышесказанное определяет актуальность комплексной оценки благоустроенности жилищного фонда на основе унифицированного научно обоснованного подхода. Результаты такой оценки могут послужить основой выявления путей повышения уровня жизни населения и укрепления конкурентоспособности национальной и региональных экономик.

Отметим, что в связи с существующей территориальной дифференциацией в России целесообразно проведение оценки на уровне территориальных единиц. Под территориальной единицей понимается обособленная часть территории страны, на которой создаются и действуют органы государственной власти или органы местного самоуправления [1]. В данном случае расчет оценки благоустроенности жилищного фонда будет произведен для федеральных округов РФ.

Предлагаемый алгоритм оценки благоустроенности жилищного фонда состоит из следующих этапов:

1. Сбор данных, характеризующих состояние жилищного фонда на уровне федеральных округов РФ (для расчета показателей использованы данные государственной статистики [8]).

2. Группировка данных согласно двум категориям: информация, отражающая характеристики жилья, и информация, отражающая потребности населения.

3. Выявление максимального значения показателей с целью дальнейшего нормирования и сравнения данных (табл. 1).

Таблица 1

Порядок определения максимальных значений исследуемых показателей

№	Показатель	Обозначение	Определение максимального значения
1	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	ОП	$R_i (\text{ОП}) = \max_j (\text{ОП}_{ij})^1$

¹ Условные обозначения: *i* – конкретный год, *j* – территориальная единица.

Продолжение табл. 1

2	Удельный вес ветхого жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	ВФ	$R_i (ВФ) = \min_j (ВФ_{ij})$
3	Удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	АФ	$R_i (АФ) = \min_j (АФ_{ij})$
4	Удельный вес общей площади, оборудованной водопроводом	В	$R_i (В) = \max_j (В_{ij})$
5	Удельный вес общей площади, оборудованной водоотведением (канализацией)	К	$R_i (К) = \max_j (К_{ij})$
6	Удельный вес общей площади, оборудованной отоплением	О	$R_i (О) = \max_j (О_{ij})$
7	Удельный вес общей площади, оборудованной ваннами (душем)	Д	$R_i (Д) = \max_j (Д_{ij})$
8	Удельный вес общей площади, оборудованной газом (сжиженным, сетевым) и электроплитами	Г+Э	$R_i (Г+Э) = \max_j ((Г+Э)_{ij})$
9	Удельный вес общей площади, оборудованной горячим водоснабжением	ГВ	$R_i (ГВ) = \max_j (ГВ_{ij})$
10	Удельный вес семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях	НС	$R_i (НС) = \min_j (НС_{ij})$
11	Удельный вес семей, получивших жилые помещения	ПС	$R_i (ПС) = \max_j (ПС_{ij})$
12	Удельный вес домохозяйств, не удовлетворенных своими жилищными условиями	НД	$R_i (НД) = \min_j (НД_{ij})$

4. Расчет коэффициентов неравномерности показателей, формирующих оценку благоустроенности жилищного фонда в федеральных округах РФ (табл. 2).

Таблица 2

Расчет коэффициентов неравномерности показателей

№	Показатель	Обозначение	Расчет
1	Коэффициент неравномерности обеспеченности общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя	$K(ОП_{ij})$	$ОП_{ij} / Ri (ОП)$
2	Коэффициент неравномерности удельного веса ветхого жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	$K(ВФ_{ij})$	$Ri (ВФ)_{ij} / ВФ_{ij}$
3	Коэффициент неравномерности удельного веса аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	$K(АФ_{ij})$	$Ri (АФ)_{ij} / АФ_{ij}$
4	Коэффициент неравномерности удельного веса общей площади, оборудованной водопроводом	$K(В_{ij})$	$В_{ij} / Ri (В)$
5	Коэффициент неравномерности удельного веса общей площади жилых помещений, оборудованной водоотведением (канализацией)	$K(K_{ij})$	$K_{ij} / Ri (K)$
6	Коэффициент неравномерности удельного веса общей площади жилых помещений, оборудованной отоплением	$K(О_{ij})$	$О_{ij} / Ri (О)$
7	Коэффициент неравномерности удельного веса общей площади жилых помещений, оборудованной ваннами (душем)	$K(Д_{ij})$	$Д_{ij} / Ri (Д)$
8	Коэффициент неравномерности удельного веса общей площади жилых помещений, оборудованной газом (сжиженным, сетевым) и электроплитами	$K((Г+Э)_{ij})$	$(Г+Э)_{ij} / Ri (Г+Э)$
9	Коэффициент неравномерности удельного веса общей площади жилых помещений, оборудованной горячим водоснабжением	$K(ГВ_{ij})$	$ГВ_{ij} / Ri (ГВ)$
10	Коэффициент неравномерности удельного веса семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях	$K(НС_{ij})$	$Ri (НС)_{ij} / НС_{ij}$
11	Коэффициент неравномерности удельного веса семей, получивших жилые помещения	$K(ПС_{ij})$	$ПС_{ij} / Ri (ПС)$
12	Коэффициент неравномерности удельного веса домохозяйств, неудовлетворенных своими жилищными условиями	$K(НД_{ij})$	$Ri (НД)_{ij} / НД_{ij}$

5. Расчет совокупности коэффициентов благоустроенности жилищного фонда:

- общий коэффициент благоустроенности жилищного фонда
 $K(Б ЖФ_{ij}) = \sqrt[12]{(K(ОП_{ij}) + K(ВФ_{ij}) + K(АФ_{ij}) + K(В_{ij}) + K(К_{ij}) + K(О_{ij}) + K(Д_{ij}) + K((Г+Э)_{ij}) + K(ГВ_{ij}) + K(НС_{ij}) + K(ПС_{ij}) + K(НД_{ij}))}$;

- коэффициент благоустроенности жилищного фонда, отражающий характеристики жилья
 $K(Б ЖФ_{ij}) = \sqrt[9]{(K(ОП_{ij}) + K(ВФ_{ij}) + K(АФ_{ij}) + K(В_{ij}) + K(К_{ij}) + K(О_{ij}) + K(Д_{ij}) + K((Г+Э)_{ij}) + K(ГВ_{ij}))}$;

- коэффициент благоустроенности жилищного фонда, отражающий потребности населения;
 $K(Б ЖФ_{ij}) = \sqrt[3]{(K(НС_{ij}) + K(ПС_{ij}) + K(НД_{ij}))}$.

Данные коэффициенты изменяются в интервалах от 0 до 1. Их увеличение свидетельствует об улучшении условий благоустроенности жилищного фонда в рассматриваемой территориальной единице. Большим значениям коэффициента соответствуют территориальные единицы, в которых жилищные условия достигают наиболее благоприятного уровня. Рассчитанные коэффициенты могут быть использованы для пространственно-временного сопоставления.

Нами предлагается следующая интерпретация значений коэффициентов для территориальной единицы:

$0 < K < 0,400$ – общий уровень благоустроенности неудовлетворителен, требуется вмешательство федеральных и местных органов власти;

$0,401 < K < 0,750$ – уровень благоустроенности удовлетворителен, однако требуется работа над программой улучшения благоустройства жилищного фонда;

$K > 0,751$ – уровень благоустроенности жилищного фонда достаточно хороший, однако требуется работа, направленная на сохранение достигнутого уровня жилищных условий.

Результаты расчета предложенных коэффициентов для федеральных округов РФ, представлены в табл. 3.

Таблица 3

*Динамика коэффициентов благоустроенности жилищного фонда
в период 2010–2012 гг.*

Федеральный округ	2010			2011			2012		
	К(Б ЖФ)	К(Б ЖФ _{лс})	К(Б ЖФ _{лс})	К(Б ЖФ)	К(Б ЖФ _{жж})	К(Б ЖФ _{лс})	К(Б ЖФ)	К(Б ЖФ _{жж})	К(Б ЖФ _{лс})
Российская Федерация	0,45	0,50	0,34	0,43	0,50	0,26	0,43	0,50	0,26
Центральный	0,53	0,59	0,37	0,49	0,60	0,26	0,49	0,60	0,26
Северо-Западный	0,43	0,51	0,27	0,41	0,51	0,21	0,42	0,52	0,23
Южный	0,47	0,51	0,37	0,44	0,52	0,28	0,45	0,53	0,28
Северо-Кавказский	0,36	0,40	0,28	0,33	0,40	0,20	0,34	0,41	0,19
Приволжский	0,47	0,52	0,36	0,45	0,52	0,28	0,45	0,52	0,29
Уральский	0,46	0,51	0,35	0,45	0,51	0,31	0,44	0,50	0,30
Сибирский	0,39	0,41	0,34	0,37	0,42	0,25	0,36	0,42	0,23
Дальневосточный	0,39	0,40	0,37	0,38	0,40	0,32	0,38	0,41	0,31

Согласно полученным оценкам уровень благоустроенности жилищного фонда в стране следует охарактеризовать как неудовлетворительный. Отметим также негативную тенденцию снижения показателя в 2011 г. и его стагнацию в большинстве рассмотренных регионов в 2012 г.

В 2010 г. общий коэффициент в целом по стране достигал значения 0,45, однако за последующие два года показатель снизился на 5 % (оценка 0,43 в 2012 г.). Изменения коэффициента произошли вследствие увеличения доли аварийного жилищного фонда, увеличения доли домохозяйств, расценивающих свои жилищные условия как неблагоприятные, и уменьшения доли семей, получивших жилые помещения. В свою очередь, эти изменения могут быть связаны с изменением приоритетов социального развития как на федеральном, так и на региональных уровнях, в том числе при финансировании государственных социальных программ, а также с возможным снижением финансирования в области жилищного хозяйства.

Необходимо отметить существенное различие между коэффициентами, отражающими характеристики жилья и потребности населения (см. рисунок).

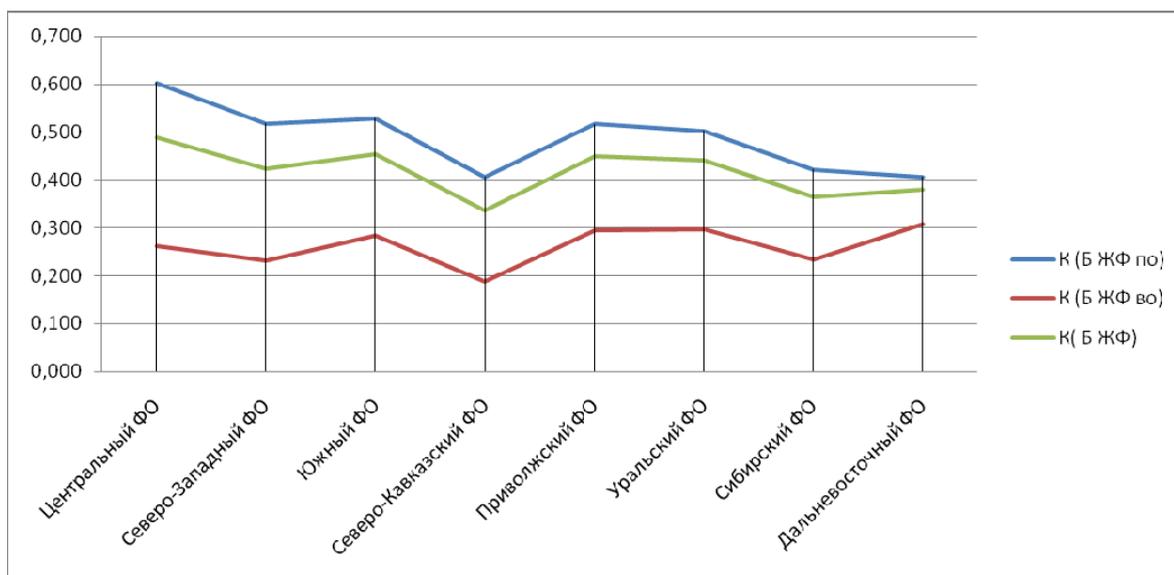

Рисунок. Изменение коэффициентов благоустроенности жилищного фонда в 2012 г. в зависимости от федерального округа РФ

Коэффициент благоустроенности жилищного фонда, отражающий потребности населения, дает оценку жилищным условиям гораздо ниже, нежели коэффициент, отражающий характеристики жилья. Данный факт свидетельствует о неудовлетворенности населения своими жилищными условиями в целом.

Сравнение коэффициентов в различных субъектах РФ выявил следующее: население федеральных округов, в которых жилищные условия были оценены как наиболее благоприятные (например, Северо-Западный федеральный округ), считают свое жилье менее пригодным для жизни, нежели население округа, в которых жилищные условия были охарактеризованы как неблагоприятные (Дальневосточный федеральный округ). Рассчитанная корреляция между коэффициентами (-0,123) подтверждает выявленную закономерность. На наш взгляд, это связано с национально-психологическими особенностями населения и с существующей межрегиональной дифференциацией.

Полученные значения могут быть использованы для группировки территориальных единиц по уровню значения оценки благоустроенности жилищного фонда. По итогам были выявлены следующие федеральные округа (табл. 4):

1) округа-лидеры, характеризующиеся максимальными оценками благоустроенности жилищного фонда;

2) округа среднего уровня благоустроенности жилищного фонда (Южный, Центральный, Приволжский, Уральский и Северо-Западный федеральные округа);

3) отстающие округа, характеризующиеся крайне неблагоприятными условиями благоустроенности жилищного фонда (Дальневосточный, Сибирский и Северо-Кавказский федеральные округа).

Таблица 4

*Уровень благоустроенности жилищного фонда
в зависимости от региона*

Уровень благоустроенности жилищного фонда	Значение $K(Б ЖФ_{ij})$	Субъект РФ
Лидеры	$> 0,751$	-
Регионы среднего уровня	0,41–0,75	Центральный федеральный округ
		Южный федеральный округ
		Приволжский федеральный округ
		Уральский федеральный округ
Отстающие регионы	$< 0,4$	Северо-Западный федеральный округ
		Дальневосточный федеральный округ
		Сибирский федеральный округ
		Северо-Кавказский федеральный округ

Проведенные расчеты указывают на низкий уровень благоустроенности жилищного фонда в целом по стране. Для возможности улучшения коэффициентов необходимо привлечение поддержки органов власти как на местном, так и на федеральном уровнях, развитие социальных жилищных программ, разработка планов по улучшению благоустроенности фондов в различных округах.

Если рассматривать динамику общего коэффициента в 2012 г., то следует отметить его рост по сравнению с 2011 г., в Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском федеральных округах (изменение коэффициента – 0,01). В Уральском и Сибирском федеральных округах можно констатировать ухудшение показателя. В остальных округах РФ коэффициент остался неизменным.

Необходимость выбора вектора развития, способствующего улучшению благоустроенности жилищных условий населения, обусловлена оценкой влияния показателей, участвующих в расчете коэффициентов благоустроенности, согласно следующему алгоритму:

1) расчет изменения результативного показателя путем пошаговой замены коэффициентов неравномерности на максимальное значение, которое равняется 1;

2) пошаговое вычитание полученных условных значений коэффициентов.

Полученные оценки влияния показателей на итоговые значения коэффициентов, рассчитанные для 2012 г., представлены в табл. 5.

Таблица 5

Оценка влияния показателей относительно их рекордных значений на коэффициенты благоустроенности жилищного фонда в 2012 г.

<i>Общий коэффициент благоустроенности жилищного фонда</i>			
Оценка влияния	Диапазон	Показатель	Расчетное значение влияния показателя
Сильное	>0,1	Удельный вес ветхого жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	0,100
		Удельный вес домохозяйств, неудовлетворенных своими жилищными условиями	0,144
Среднее	0,05–0,09	Удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	0,094
		Удельный вес семей, получивших жилые помещения	0,090
Слабое	<0,04	Удельный вес общей площади, оборудованной водопроводом	0,012
		Удельный вес общей площади, оборудованной водоотведением (канализацией)	0,015
		Удельный вес общей площади, оборудованной отоплением	0,010
		Удельный вес общей площади, оборудованной ваннами (душем)	0,022
		Удельный вес общей площади, оборудованной газом (сжиженным, сетевым) и электроплитами	0,006
		Удельный вес общей площади, оборудованной горячим водоснабжением	0,023
		Удельный вес семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях	0,051
		Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	0,009

Продолжение табл. 5

<i>Коэффициент благоустроенности жилищного фонда, полученный путем полного обследования территориальных субъектов</i>			
Сильное	>0,1	Удельный вес ветхого жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	0,161
		Удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	0,164
Среднее	0,05–0,09	-	-
Слабое	<0,04	Удельный вес общей площади, оборудованной водопроводом	0,022
		Удельный вес общей площади, оборудованной водоотведением (канализацией)	0,027
		Удельный вес общей площади, оборудованной отоплением	0,018
		Удельный вес общей площади, оборудованной ваннами (душем)	0,040
		Удельный вес общей площади, оборудованной газом (сжиженным, сетевым) и электроплитами	0,011
		Удельный вес общей площади, оборудованной горячим водоснабжением	0,042
		Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	0,014
<i>Коэффициент благоустроенности жилищного фонда, полученный путем выборочного обследования территориальных субъектов</i>			
Сильное	>0,1	Удельный вес семей, получивших жилые помещения	0,194
		Удельный вес домохозяйств, неудовлетворенных своими жилищными условиями	0,463
Среднее	0,05-0,09	Удельный вес семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях	0,082
Слабое	<0,04	-	-

Оценка влияния показателей относительно их рекордных значений выявила в качестве наиболее существенных следующие: удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда, удельный вес домохозяйств, неудовлетворенных своими жилищными условиями, удельный вес семей, получивших жилые помещения.

Показатели, характеризующие оборудование жилищного фонда (канализация, водопровод, душ), оказывают наименьшее влияние на значение коэффициентов. Данный факт объясняется относи-

тельно малой дифференциацией показателя в федеральных округах и достижением его приемлемого уровня. На сегодняшний день минимизировано строительство жилищного фонда без указанного оборудования.

Предложенный алгоритм оценки благоустроенности жилищного фонда в РФ может быть использован для разработки проектов, направленных на повышение уровня жизни населения и укрепление конкурентоспособности национальных и региональных экономик. Результат применения алгоритма и правильная его интерпретация будет способствовать росту национального богатства страны.

Разработанный алгоритм учитывает одновременно два аспекта: межрегиональную дифференциацию, самостоятельность регионов и направления развития, актуальные для страны в целом. Отметим, что максимальные значения показателей, используемых в алгоритме в качестве рекордных, уже достигнуты в отдельных территориальных единицах страны. Это позволяет предполагать, что они могут быть достигнуты и в других территориальных единицах. При построении совокупности коэффициентов были учтены как характеристики жилищного фонда, так и потребность населения в благоустроенном жилье.

Предлагаемые коэффициенты могут быть использованы для пространственно-временного сопоставления. Они могут выступать в качестве критериев результативности мер по развитию жилищного фонда в стране и использоваться в разработке конкретных и адресных мероприятий в жилищной сфере.

Применение алгоритма для федеральных округов в РФ позволило авторам сделать вывод о неудовлетворительности уровня благоустроенности жилищного фонда и наличия его негативной динамики. Соответственно, для улучшения общего уровня благоустройства жилищного фонда, по мнению авторов, необходимо развивать и реализовывать программы различного уровня, направленные: на минимизацию ветхого и аварийного жилищного фонда путем реконструкций и строительства жилищного фонда; увеличение объемов предоставления жилой площади семьям, состоящим на учете в качестве нуждающихся; выявление причин неудовлетворенности домохозяйств жилищными условиями; выделение средств на финансирование устранения выявленных проблем и несоответствий жилищного фонда ожиданиям домохозяйств.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право: энцикл. словарь. – М.: Норма, 2001. – 688 с.
2. Глуценко О.И., Григорьева Т.В. Прогнозный анализ национального богатства РФ на основе математического моделирования // Наука и образование: проблемы и перспективы. – 2014. – С. 138–142.

3. Голдсмит Р. Национальное богатство США в послевоенный период. – М.: Статистика, 1968. – 429 с.
4. Гузикова Л.А. Ипотечное кредитование: теоретические и методологические аспекты. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 116 с.
5. Гузикова Л.А. Ипотечный рынок России: состояние и перспективы // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 3. – С. 13.
6. Николайчук О.А. Национальное богатство России: история и современность // Journal of Institutional studies. – 2014. – № 6(2). – С. 110–117.
7. Трофимова Н.В., Лобанова В.А. Классические и современные подходы к определению национального богатства // Науч. обозреватель. – 2014. – № 6. – С. 24–27.
8. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru>.
9. Юденко М.Н. Институциональные аспекты жилищного строительства // Наука и экономика. – 2011. – № 4(8). – С. 21–24.
10. Jorgenson D.W. Measuring Economic Sustainability and Progress (National Bureau of Economic Research Studies in Income and Wealth). – Chicago: University Of Chicago Press, 2014. – P. 808.
11. Smith J. Susan, Beverley A. Searle. The Blackwell Companion to the Economics of Housing: The Housing Wealth of Nations. United States: Wiley – Blackwell, 2010. – P. 648.

Современный подход к оценке эффективности государственной поддержки малого предпринимательства

Вопрос эффективности политики государства, проводимой в области поддержки субъектов малого предпринимательства, приобретает всё большую актуальность. Повышение роли господдержки малого предпринимательства обуславливает необходимость оценки эффекта от затрачиваемых средств. В статье предложен новый подход с целью качественной оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства и разработаны обобщающие показатели реализуемых мер поддержки в целях количественной оценки эффективности.

The problem of the efficiency of the state policy in supporting small scale business entities becomes increasingly important. The increase of the role of state support for small scale business determines the necessity of evaluating the effect of funds spent. This article presents a new approach to qualitatively evaluating the efficiency of state support for small scale business, and proposes general indicators of implemented support measures for quantitative evaluation of their efficiency.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государственное регулирование, программно-целевой подход, инновационная модель оценки, эффективность.

Key words: small scale business, state regulation, programme-targeted approach, innovative model of evaluation, efficiency.

Малое предпринимательство признано одной из важнейших сфер современной российской экономики. Необходимость его развития – стратегическая задача, поставленная государством для формирования рыночных отношений и социально-экономической стабильности общества. Малый бизнес – наиболее незащищенный сектор экономики от внешних воздействий, источник экономических и социальных рисков. В своей деятельности малые предприятия сталкиваются с множеством административных, нормативно-правовых проблем и иных организационных ограничений, негативно влияющих на процесс предпринимательской деятельности, таких как недостаточный доступ к финансовым ресурсам, наиболее остро проявляющийся на ранних стадиях развития бизнеса, неразвитость инфраструктуры поддержки малого предпринимательства и др.

На фоне наблюдаемого экономического кризиса в России особо выделяется отсутствие системной политики в области государственного регулирования малым предпринимательством. Под государственным регулированием понимают создание государственных-государственными структурами правовых и экономических условий, а также стимулов для развития конкурентной среды малого предпринимательства. Государственная поддержка малого предпринимательства в широком смысле характеризуется системой организационно-правового, финансово-экономического и социального обеспечения, целью которой является эффективное функционирование и развитие малого предпринимательства. «Развитие малого предпринимательства является одним из наиболее значимых направлений деятельности органов власти всех уровней в рамках решения вопросов социально-экономического развития территорий, а также смягчения экономических и социальных проблем» [6]. Создание эффективной системы поддержки малого бизнеса с четко определенными функциями и полномочиями является необходимым условием для становления, развития и функционирования этого сектора экономической деятельности в современных рыночных условиях, что требует применения научного подхода, в том числе научно обоснованного инструментария управления, субъектами государственного регулирования.

В соответствии с Конституцией РФ в структуре российской системы государственного регулирования малого предпринимательства в силу федеративного устройства нашего государства выделяются три уровня регулирования. Федеральный уровень управления занимается разработкой федеральных законодательных актов, которые устанавливают правовые основы развития малого предпринимательств, региональный и местный уровень апробирует эти предложенные меры. На федеральном уровне реализуется достаточно программ развития, однако они в основном направлены на крупные стратегические проекты, что выходит за рамки малого предпринимательства. Именно поэтому большая часть полномочий по развитию и реализации поддержки малого бизнеса передана региональным органам власти. Однако бюджеты региональных органов формируются с дефицитом денежных средств, вследствие этого выделяется недостаточно средств для поддержки наиболее уязвимого сектора экономики – малого предпринимательства. Ввиду этого актуальным становится эффективное управление государственного регулирования поддержки малого бизнеса на региональном уровне.

По результатам мониторинга 2011 г. были выявлены проблемы, сдерживающие развитие малого предпринимательства. Рейтинг проблем отражен в табл. 1.

Таблица 1

*Проблемы, сдерживающие развитие
малого предпринимательства [5]*

Проблема	Балл
Нехватка финансовых ресурсов	27,01
Поиск клиентов и рынков сбыта	21,14
Высокая стоимость аренды помещений	10,79
Невыгодные условия кредитования	9,24
Поиск сотрудников	6,07
Административные барьеры	4,60
Высокая стоимость оборудования	2,94
Высокая налоговая нагрузка	2,85
Высокая стоимость и низкое качество рекламы	2,10
Быстроменяющееся и противоречивое законодательство	1,74
Нестабильность экономической ситуации	1,70
Монополизм поставщиков	1,18
Нехватка информации о внутренних рынках сбыта	0,83
Нехватка информации о поставщиках, технологиях и новых продуктах	0,81
Проблемы управления	0,63
Незначительность господдержки	0,28
Инфляция	0,20
Другое	5,90
Всего	100

Анализ сдерживающих факторов развития малого бизнеса показал, что для преодоления проблем, с которыми сталкиваются предприниматели, реализуются специальные программы поддержки. Однако ключевая особенность программ поддержки малого предпринимательства, которая вызывает сложность их оценки, обусловлена переплетением социальной и экономической составляющих. В связи с этим возникает сложность для проведения анализа с использованием классических инструментов. Основными проблемами оценки программ развития малого бизнеса являются:

- проблема определения места программ среди других программ социально-экономического развития территории, страны, региона, которая обусловлена многокомпонентным и многоотраслевым характером программ развития поддержки малого бизнеса (опыт показывает, что решение проблем малых предприятий в отрыве от других экономических и социальных задач приводит лишь к распылению ресурсов и не дает ощутимого эффекта);

- проблема определения оптимальной не только по количеству, но и по качеству информации, которая необходима для планирования, организации и контроля программы. Эта проблема стоит наиболее остро, так как многокомпонентность программ затрудняет выявление её составляющих для проведения оценки с целью принятия решения о распределении ограниченных ресурсов на финансирование;

- проблема определения и выбора показателей и критериев эффективности программ поддержки малого предпринимательства, поскольку оценка не самоцель, а средство эффективного планирования последующих программ.

- проблема выбора методики оценки программ поддержки малого бизнеса, поскольку, в силу отмеченной выше ключевой особенности этих программ для оценки различных её элементов, могут использоваться различные подходы.

Как показало исследование зарубежного опыта, «...лишь последовательная политика государства способна быть эффективной и привести к планируемому результату – созданию благоприятных условий развития малого предпринимательства» [3]. Кроме протекционистского подхода, включающего разработку и реализацию целевых программ поддержки малого предпринимательства (существуют и в России), страны с эффективно развивающейся рыночной экономикой идут по пути целенаправленного и последовательного развития макросреды бизнеса вообще, т. е. создаются благоприятные условия для функционирования предприятий, начиная с высшего уровня, а именно законодательной базы. По нашему же мнению, федеральные программы и большинство региональных программ развития малого предпринимательства в России до сих пор имеют лишь декларативную и политическую роль, а частичная реализация мероприятий этих программ практически не изменила неблагоприятных в целом условий функционирования малых предприятий.

Слабым звеном программ поддержки субъектов малого предпринимательства является расчет эффективности программы. «Следует различать результаты и эффективность, так как результаты оцениваются на основе анализа достижения целей, а эффективность измеряется в относительных величинах в виде соотношения результатов и затрат, направленных на соответствующие цели» [4].

Как правило, критерии эффективности сформулированы следующим образом: увеличение количества малых предприятий; численности занятых в малом бизнесе; расширение налогооблагаемой базы; насыщение рынка товарами; активизация деятельности ма-

лых предприятий. Однако эти критерии следует отнести к результативности, нежели к эффективности, поскольку они оценивают развитие малого предпринимательства, не давая ответ об оценке программ поддержки малого бизнеса. Практика показывает, что в настоящее время не существует идеальной или лучшей методики оценки эффективности систем государственной поддержки малого предпринимательства [1].

В российской практике оценки систем государственной поддержки выделяется традиционный подход, которому присущи некоторая дискретность в описании отдельных компонентов системы поддержки малого предпринимательства и ограниченность в оценке эффективности этой системы. При реализации данного подхода акцент делается на достижение количественно затратных планируемых показателей. Необходимо развитие методологии и переходу к инновационному подходу, для которого характерна интегральность в целом, с учетом интерактивного взаимодействия ее элементов. При реализации данного подхода акцент делается на соответствующих качественно результативных и процессных индикаторах эффективности.

Отметим, что для традиционных методологий использование количественных и статичных критериев затрат и достижений, таких как количество вновь созданных рабочих мест, увеличение количества малых предприятий и налоговых поступлений от деятельности малого бизнеса, обусловлено простотой и удобством их определения и оценки, а также невысокими издержками использования системы государственной статистики. Применение этих показателей укладывается в рамки линейных моделей развития малого предпринимательства. Для инновационных же методологий характерно использование динамических показателей, отражающих качество процесса и динамику развития процесса поддержки субъектов малого предпринимательства, направленных на реализацию мероприятий, которые предусматривают государственные программы.

В настоящий момент, по нашим наблюдениям, полноценной общероссийской или региональной статистики по поддержке малого предпринимательства не существует, однако проанализировать уровень развития и поддержки малых предприятий можно с помощью традиционной модели, основанной на показателях развития малого предпринимательства. Ниже приведена таблица, в которой рассчитаны ключевые социально-экономические показатели региона России – Санкт-Петербурга – в сравнении с показателями европейских государств (табл. 2).

Таблица 2

*Социально-экономический эффект от деятельности
малых предприятий в Санкт-Петербурге
в сравнении с показателями стран ЕС, %**

Наименование показателя	Санкт-Петербург	Страны ЕС
Доля малых предприятий в общем числе предприятий	25	90
Доля малых предприятий в общем обороте	22	80
Доля налоговых поступлений от малых предприятий в общем числе предприятий	26	80
Доля субъектов малого предпринимательства в формировании ВРП	25	70
Доля занятых на малых предприятиях от общей численности занятых	38	65

Результаты данной таблицы свидетельствуют о значительном отставании развития малого предпринимательства в Санкт-Петербурге от аналогичных показателей в странах Европейского союза. Анализ приведённых выше показателей позволил оценить, что малое предпринимательство в одном из ключевых регионов страны (Санкт-Петербурге), а следовательно, и в России, не обеспечивает устойчивое развитие этого сектора, что обуславливает необходимость создания эффективной системы поддержки малого бизнеса в нашей стране.

Однако, по нашему мнению, для того, чтобы оценить эффективность поддержки существующей системы, необходимо рассматривать не уровень развития малого предпринимательства в регионах, а выделять иные индикаторы оценки, которые позволят оценить, обеспечивает ли поддержка государства рост малого бизнеса.

Политике поддержки малого предпринимательства в России необходимо переключение от традиционных количественно затратных подходов в решении обсуждаемых проблем к качественно-результативной ориентации с применением инновационного подхода, основанного на динамических показателях эффективности реализации этих программ, учитывающего потенциал мультипликативности возвратных финансовых средств, затраченных государством на поддержку. Учитывая современные тенденции роста самостоятельности субъектов Российской Федерации, особое зна-

---

* Собственная разработка на основе стат. данных Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга.

чение приобретают региональные программы, и в случае их эффективного планирования и реализации будут решаться экономические и социальные проблемы. Как было отмечено выше, особенность программ поддержки вызывает сложности их оценки из-за переплетения социальной и экономической составляющих этих программ. Классические инструменты такой оценки не дают ясного представления об эффективности поддержки.

Итак, для разработки рекомендаций по методологии, включающей критерии оценки эффективности поддержки реализуемых программ, сравним два подхода к оценке программ (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение традиционного и инновационного подхода к оценке программ поддержки малого предпринимательства

Традиционный подход	Инновационный подход
Концентрируется на:	
Спецификации компонентов инфраструктуры поддержки малого предпринимательства (законодательных, организационных, информационных)	Оценке способности системы поддержки малого предпринимательства выполнять декларируемые функции, включающие оценку возможностей взаимодействия различных компонентов системы
Фокусируется на:	
Описании	Оценке
Компонентах системы	Взаимодействию компонентов системы и синергетическом эффекте взаимодействия
Создании новых предприятий	Решении социально-экономических проблем
Сходстве проблем различных регионов	Региональных особенностях
Количественных показателях	Качественных показателях
Индикаторах затрат и достижений	Процессных индикаторах

Таким образом, характерное для традиционных методологий использование количественных и статичных индикаторов затрат и достижений не даёт представления об эффективности реализуемой поддержки малого предпринимательства. Для совершенствования системы поддержки малого предпринимательства должен быть применён метод, основанный на качественных и динамических по-

казателях оценки. Только с помощью таких статистических данных возможна будет оценена эффективности поддержки. Решение этой проблемы имеет большое практическое значение и пока разработано слабо.

По нашему мнению, при оценке эффективности поддержки субъектов малого предпринимательства, важно, в первую очередь, определение доли, т. е. оценки вклада социально-экономического эффекта от деятельности предприятий малого бизнеса, получивших поддержку, так как общая статистика о развитии малого предпринимательства не позволяет проанализировать и сделать выводы об эффективности поддержки. При решении данного вопроса выделяют эффективность предпринимательства как в широком (т. е. на общегосударственном и региональном уровне), так и в узком смысле (на предприятиях). Из-за этого оценка эффективности поддержки малого предпринимательства на основании одного показателя, который смог бы учитывать эффект на всех уровнях, вряд ли возможна.

Поэтому мы считаем целесообразным использовать методики, которые применимы к предпринимательству в целом, при этом выделив в эффектах долю, которая зависит от поддержки малого предпринимательства. Таким образом, должен проводиться мониторинг предприятий, получивших государственную поддержку, использующий для оценки эффективности поддержки малого предпринимательства следующую систему показателей:

- процент малых предприятий, выразивших удовлетворенность региональной программой поддержки малых предприятий;
- срок функционирования малых предприятий, получивших поддержку;
- доля малых предприятий, получивших поддержку в процессе реализации региональной программы;
- доля малых предприятий, получивших поддержку, в валовом региональном продукте;
- доля занятых на малых предприятиях, получивших поддержку;
- доля налоговых поступлений от малых предприятий, которые участвовали в программах поддержки.

Выбор индикаторов может различаться в разных регионах, поскольку это зависит от их инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности того или иного региона.

В дальнейшем регулярный расчет приведённых показателей позволит оценивать, обеспечивает ли реализация программы устойчивое развитие малого предпринимательства, способствует ли созданию новых рабочих мест, рациональному использованию ресурсов и пополнению бюджета.

Необходимо подчеркнуть, что именно такая методика анализа позволит переключиться от традиционных количественно затратных

подходов к качественно результативным в решении обсуждаемых проблем, поскольку в конечном счете анализ показателей поддержки малого бизнеса позволит оценить её эффективность, выделяя долю малых предприятий, получивших поддержку, которые более всего способствуют социально-экономическому развитию региона.

Список литературы

1. Колесников А., Колесникова Л. Малый и средний бизнес: эволюция понятий и проблема определения // *Вопр. экономики*. – 2011. – № 7. – С. 46.
2. Кузнецов Ю.В., Капустина Н.В. Организационные принципы проектирования структур малого и среднего бизнеса // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина*. – 2011. – Т. 6. – № 3. – С. 56.
3. Кузнецов Ю.В., Кизян Н.Г. Стратегическое управление организационной культурой в предпринимательской деятельности в сфере услуг // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина*. – 2012. – Т. 1. – № 3. – С. 89.
4. Маленков Ю.А. Стратегический менеджмент: учеб. – М.: Проспект, 2009. – С. 159.
5. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17 авг. 2011 г. № 1186 «О программе развития малого и среднего предпринимательства в СПб на 2012–2015 годы». – С. 9.
6. Реальная помощь малому бизнесу // *Информ. бюл. С.-Петерб. торгово-промышленной палаты «Бизнес-информ»*. – 2009. – № 13. – С. 20.

УДК 338.439(675.97)

И. Ндакасаба

Алгоритм обеспечения продовольственной безопасности Бурунди

В статье рассматриваются вопросы повышения продовольственной безопасности и развития сельскохозяйственного производства в Республике Бурунди (восточная Африка). Предлагается комплексное решение данных проблем на основе кооперации разрозненных сельскохозяйственных производителей и решения проблем мелкоземелья. При этом обращается внимание на необходимость параллельного развития городов и промышленности, как базы для развития переработки и создания спроса на товарную продукцию села.

The article presents problems of improving the food safety and the development of agriculture in Burundi (Africa). The author offers a comprehensive solution of these problems, based on cooperating separate agricultural producers and solving problems of shortage of arable land. At the same time the attention is drawn to the need for parallel development of cities and industry as the base for processing agricultural products and creating demand for commodity products of the village.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, эффективность, кооперация, Бурунди.

Key words: food safety, agriculture, efficiency, cooperation, Burundi.

Обеспечение продовольственной безопасности африканских стран является для них одной из актуальнейших проблем экономического развития. Вот только несколько цифр, которые могут пролить свет на степень проявления проблемы продовольственной безопасности в одной из таких стран – Бурунди. При крайне высоком удельном весе сельскохозяйственных угодий в общей земельной площади страны (более 85%), на одного жителя страны производится только 9,7 кг мяса, 45,4 кг молока, 93,2 кг зерновых в год. При этом показатели продуктивности в сельском хозяйстве (урожайность с/х культур, надои молока и пр.) отстают от аналогичных в развитых странах от 5 до 10 раз [3; 7].

Комплексный анализ аграрной сферы Бурунди [3] позволяет сформировать общий вывод о том, что первичной причиной, препятствующей устойчивому развитию сельского хозяйства и обеспечению продовольственной безопасности этой страны, являются

институциональные факторы. Такая ситуация базируется на двух предпосылках:

1. С одной стороны, институциональные факторы снижают эффективность использования производственных факторов. В частности, они ведут к неэффективному использованию земельных и трудовых ресурсов и препятствуют процессам накопления капитала и технического прогресса, что в совокупности снижает производительность труда.

2. С другой стороны, они ведут к господству натурального хозяйства, снижают доходы в денежной форме, тормозят процесс урбанизации и в конце концов препятствуют развитию факторов спроса, образуя тем самым порочный круг неэффективности в сельском хозяйстве.

Исходя из этих основополагающих проблем, снижающих потенциал продовольственной безопасности Бурунди, предлагается следующий алгоритм его повышения (рисунок).

Данный алгоритм включает в себя две взаимосвязанных параллельных подсистемы – программу развития городов и городской перерабатывающей промышленности и программу развития сельского хозяйства в сельской местности.

Мелкоземелье из-за перенаселенности сельской местности, а также неэффективная форма хозяйствования и организация труда в сельском хозяйстве, с одной стороны, плохой инвестиционный климат и низкий уровень развития предпринимательства в городах, с другой стороны, все эти факторы препятствуют развитию сельского хозяйства, росту благосостояния населения и развитию уровня обеспечения продовольственной безопасности.

Предложенная модель предполагает создание систем мотивации на основе концепции личных издержек [5], способствующих укрупнению хозяйств и повышению эффективности сельскохозяйственного производства путем создания производственных и потребительских кооперативов и частных предприятий, что приведет к росту предложения продовольствия и доходов сельхозпроизводителей. Создание благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата, в свою очередь, активизирует предпринимательскую деятельность, приток иностранных инвестиций и рост спроса на рабочую силу, что в результате активизирует миграцию сельского населения в города, увеличит численность и уровень доходов городского населения, тем самым повысит спрос на продовольствие. Рост предложения продовольствия и спроса на него, а также увеличение уровня доходов сельхозпроизводителей и городского населения приведут к развитию продовольственных рынков, росту уровня потребления и обеспечения продовольственной безопасности.

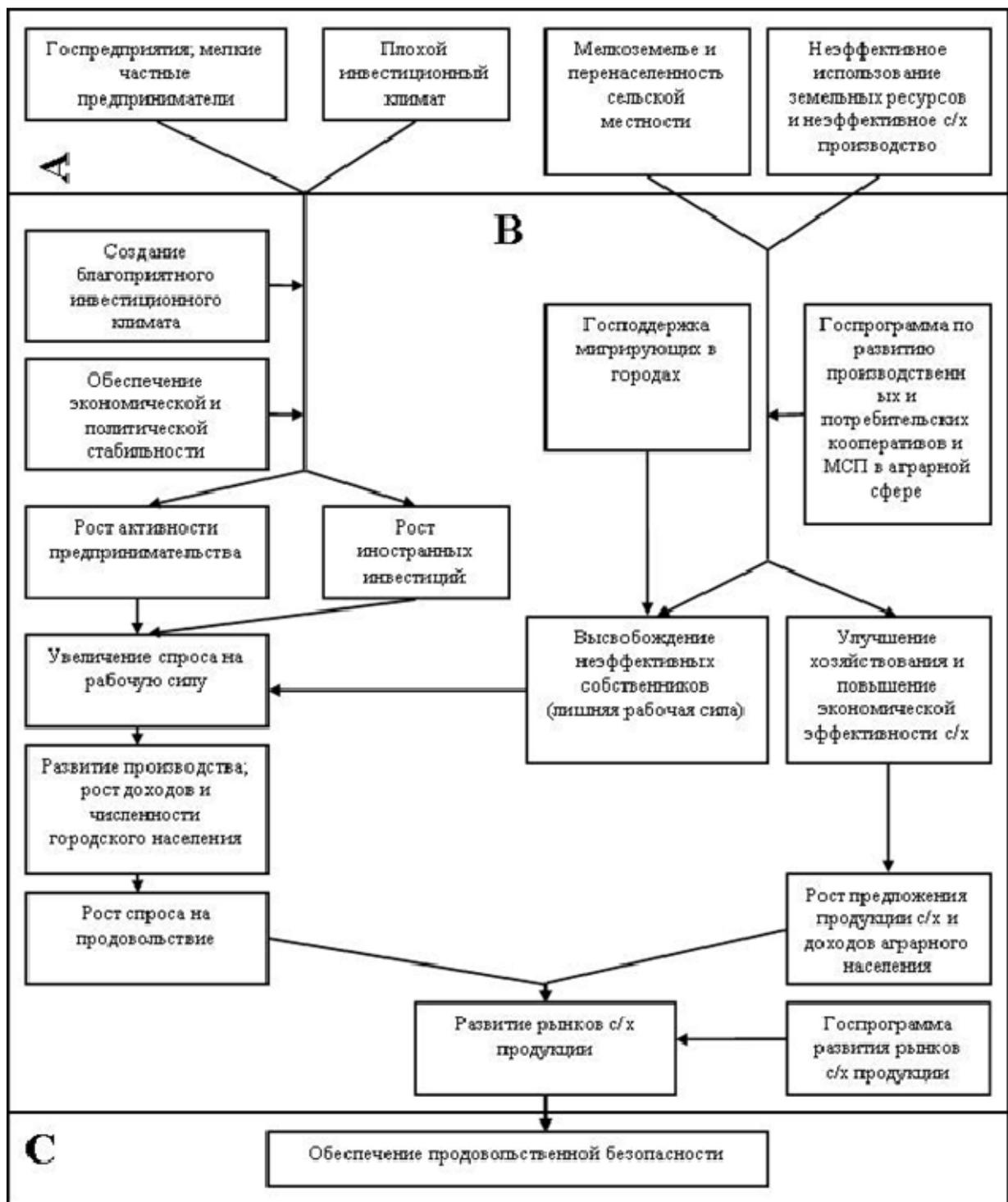

Рис. Алгоритм достижения продовольственной безопасности в Бурунди [3]:
 А – до реформ; В – реформы; С – после реформ

В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь один из элементов данного алгоритма, а именно – создание сети сельскохозяйственных кооперативов.

Формирование производственных и потребительских кооперативов и вытеснение традиционной формы хозяйствования и организации труда в сельском хозяйстве является решающим этапом по

отношению к настоящей аграрной реформе. По имеющимся в рамках Бурунди данным о деятельности кооперативов можно судить о следующем потенциале повышения производительности труда при использовании этой формы организации сельскохозяйственного производства. Так, имеющиеся данные показывают, что рост урожайности в развитых сельскохозяйственных кооперативах по сравнению с домашними хозяйствами достигает до 305,6 % для риса; 283,3 % – картофеля; 373,7 % – помидоров; 313,1 % – в среднем для овощей и 153,1 % – для пальмы.

Таким образом, кооперация позволит существенно увеличить производительность труда в сельском хозяйстве и в значительной степени рост объемов производства, компенсируя, таким образом, мигрирующую в города сельскохозяйственную рабочую силу. Однако формирование крупных производственных сельхозкооперативов, позволяющих применение системы севооборота и интенсификацию сельского хозяйства, сталкивается с проблемой мелкоземелья. Кроме того, крупномасштабная консолидация крестьянских земель может привести к социальному волнению и тем самым препятствовать аграрной реформе.

С другой стороны, без укрупнения хозяйств и существенного роста сельскохозяйственного производства городская перерабатывающая промышленность не может развиваться, так как ее развитие стимулируется в большой степени наличием сырья. В то же время крайне высокие цены на продовольствие в городах из-за отсутствия крупных хозяйств, которые могут поставлять в города продукты питания по доступным ценам, а также слишком низкий уровень заработной платы из-за слаборазвитости промышленности приведет к тому, что мигрирующие в города сельскохозяйственные работники будут голодать. Это будет создавать обратную миграцию рабочей силы из города в сельскую местность и увековечит проблему мелкоземелья.

Исходя из вышеприведенного анализа можно сделать вывод, что без укрупнения хозяйств и массового формирования сельхозкооперативов, а также крупномасштабного государственного субсидирования сельское хозяйство в странах ВАС никогда не сможет устойчиво развиваться. В той или иной степени неразвитости сельского хозяйства препятствует, в свою очередь, развитие перерабатывающей промышленности, а в результате господствует натуральное сельское хозяйство. Очевидно, что развитие перерабатывающей промышленности, консолидация земель, кооперативное хозяйствование и государственное субсидирование сельского хозяйства являются ключевыми и тесно связанными элементами одной системы, способствующей устойчивому развитию аграрной сферы и достижению продовольственной безопасности страны.

Укрупнение хозяйств и формирование сельхозкооперативов организуются таким образом, что они позволяют решать следующие задачи:

- применение систем севооборотов, постепенное внедрение современных методов интенсивного сельского хозяйства;
- рост объемов и эффективности сельскохозяйственного производства, поставку продуктов питания и сырья в города по доступным ценам;
- самопроизвольное вытеснение традиционной формы хозяйствования и организации труда в сельском хозяйстве благодаря высокой эффективности кооперативного и коммерческого хозяйствования;
- ускорение миграции в городах неэффективных собственников земель из сельской местности;
- диверсификацию и повышение уровня доходов и благосостояния аграрного населения членов сельхозкооперативов [2].

В качестве системы мотивации, позволяющей самопроизвольное укрупнение хозяйств, интенсификацию формирования кооперативов и ускорение миграции неэффективных собственников земель в города, настоящий подход предполагает создание организованных сельских населенных пунктов, поселков для наиболее развитых сельхозкооперативов и обеспечение их социально-производственной инфраструктурой, в том числе:

- обеспечение водой и электроэнергией;
- строительство школ, пунктов здравоохранения, торговых центров;
- рекреационные инфраструктуры (культуры и развлечений);
- снабжение льготными строительными материалами (цемент, металлические листы) сельских жителей, членов кооперативов, входящих в программу консолидации земель;
- обеспечение кредитных и сберегательных услуг и др.
- бесплатное обучение специалистов для работы в кооперативах для избегания возможных негативных эффектов при платной системе обучения [4].

Тем не менее, существуют и ожидаемые побочные эффекты программы массового формирования кооперативов и организованных сельских населенных пунктов, это:

- самопроизвольное снижение количества детского труда, а также количества детей, не посещающих школу или не завершающих начальную и среднюю школу;
- самопроизвольное снижение уровня рождаемости и демографического роста;
- восстановление природных ресурсов и улучшение условий окружающей среды в целом;

- увеличение благосостояния сельского населения, развитие малого и среднего бизнеса, сельской перерабатывающей промышленности.

Рассмотрим основные принципы программы самопроизвольной консолидации крестьянских земельных участков и ускорения их миграции в города. Определяя ход действий осуществления программы укрупнения кооперативных хозяйств, необходимо отметить следующее.

Во-первых, программа консолидации кооперативных хозяйств нацелена не на укрупнение всех хозяйств во всех регионах и местностях страны, а лишь на формирование необходимого количества крупных и стратегически консолидированных кооперативов, достаточных для производства продуктов питания, позволяющих закрыть потребности в продуктах питания населения на минимальном уровне расширенного воспроизводства.

Во-вторых, программа формирования консолидированных кооперативных хозяйств должна осуществляться постепенно [6]. Например, формировать их параллельно по нескольким консолидированным хозяйствам (3–4 хозяйства) разного направления (по производству зерновых, зернобобовых, корнеплодов и клубнеплодов, овощей и продуктов животного происхождения) за определенный период в разных почвенно-климатических зонах страны в зависимости от специализации хозяйства. Точное количество консолидированных кооперативных хозяйств и период их формирования будет зависеть от роста спроса на продукты питания и сырья, а также от интенсивности вытеснения и миграции неэффективных собственников земель в городах.

В-третьих, формирование консолидированных кооперативов целесообразно организовать на основе наиболее развитых кооперативов или организации сельхозпроизводителей в качестве вознаграждения за выполнение государственных программ развития сельского хозяйства

В-четвертых, программа укрупнения сельхозугодий и роста уровня кооперативизации населения в сельской местности не должна носить принудительный характер. В основе консолидации земель должна стоять система мотивации домашних хозяйств, которая приводила бы к их добровольному вступлению в кооперативы исходя из понимания преимуществ этой формы ведения сельскохозяйственного производства. Система стимулов для возникновения процесса добровольной кооперации, по нашему мнению, должна сводиться к следующему:

1) получение значительной материальной и информационной поддержки домашних хозяйств, включившихся в программу по созданию кооперативов, со стороны государства;

2) наличие у членов кооперативов возможностей по улучшению жилищных условий, социальной инфраструктуры, повышению качества жизни;

3) возможность получения дополнительных выгод от продажи излишков сельхозпродукции в результате усиления позиции консолидированных производителей в переговорах с торговыми посредниками;

4) повышение уровня жизни членов кооперативов через рост урожайности сельскохозяйственных культур, обеспечиваемый консолидацией земельных угодий, введением рациональных севооборотов и специализацией труда в рамках кооператива;

5) увеличение возможностей отстаивания прочих интересов отдельных домашних хозяйств в рамках кооператива, действующего по принципу групп с организованными интересами.

Таким образом, центральное звено алгоритма повышения продовольственной безопасности Бурунди состоит в мероприятиях по консолидации крестьянских мелких и мельчайших хозяйств и формированию консолидированных кооперативов, что приводит к реорганизации и изменению формы использования ландшафта, отделяя жилую зону; сельхозугодий, где можно организовать интенсивное сельскохозяйственное производство; земель других назначений, не изменяя при этом права собственности, а также собственников земельных ресурсов. В этих программах роль государства является решающей.

Список литературы

1. Ефимова Г.А. Рентные причины кризиса в АПК России // Вестн. Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. – 2006. – № 37. – С. 33–35.

2. Лукичев П.М. Государственное регулирование и дерегулирование аграрной сферы: моногр. – Межрегион. ин-т экономики и права. – СПб., 2006.

3. Ндакасаба И. Развитие аграрного сектора экономики как основа обеспечения продовольственной безопасности в странах Восточно-Африканского Сообщества: дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2011. – 188 с.

4. Чекмарев О.П. Зачем нужен диплом? Мотивация формирования и использования человеческого капитала: образование // Креативная экономика. – 2008. – № 11. – С. 62–68.

5. Чекмарев О.П. Концепция личных издержек и ее роль в регулировании социально-трудовых отношений. – СПб.: Астерион, 2009. – 265 с. ISBN 978-5-94856-595-8.

6. Чекмарев О.П. Управление человеческими ресурсами на базе концепции личных издержек // Изв. С.-Петербур. гос. аграрного ун-та. – СПб.: СПбГАУ. – № 13. – 2009. – С. 92–96.

Энергетический сектор Китая: структура и проблематика

В статье исследуются структура, ценообразование и последние тенденции энергетического рынка Китая, в особенности межтопливная конкуренция между углем и газом. Понимание этого контекста является важным для определения драйверов и перспектив российско-китайского энергетического сотрудничества.

The article investigates the state of the structure, pricing and the latest trends of the energy market in China, particularly fuel competition between coal and gas. These factors determine the drivers and prospects of energy cooperation between Russia and China.

Ключевые слова: энергетический рынок, газ, уголь, ценообразование, межтопливная конкуренция, электроэнергия, импортозамещение.

Key words: energy market, natural gas, coal, pricing, fuel competition, electricity, import substitution.

Китай, бесспорно, является одним из лидеров современной мировой экономики. Наличие большого числа низкооплачиваемых работников, обеспечение льготных условий иностранным инвесторам и создание районов экспортной ориентации позволили Китаю начать масштабную индустриализацию, которая продолжается и в настоящее время. Помимо людских, в этом процессе задействованы значительные объемы природных ресурсов. Являясь страной с самым большим населением, Китай также является крупнейшим потребителем первичной энергии и лидером по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу.

Будучи относительно бедной ресурсами страной, Китай является чистым импортером природных ресурсов. Кроме того, собственные ресурсы распределены по территории неравномерно, что создает необходимость в дополнительной инфраструктуре и ценовом регулировании потребительского рынка энергии. Абсолютное преобладание в энергетическом балансе угля – наиболее опасного с точки зрения экологии вида топлива – побуждает Китай развивать альтернативные источники энергии.

При сохранении политического курса на повышение экологической эффективности экономики, межтопливная конкуренция на энергетическом рынке КНР приведет к постепенному переключению спроса с угля на более чистое и эффективное топливо, прежде всего природный газ. Китай собирается добиться улучшения экологической ситуации и повышения энергоэффективности при отказе от

угля, к 2020 г. он должен потреблять не менее 500 млрд кубометров газа в год. Однако поставок газа из стран Латинской Америки и Центральной Азии недостаточно, чтобы покрыть потребности Китая. Соответственно, поставки российского газа играют важную роль в энергообеспечении Китая. В данных условиях Китай может приобрести статус одного из главных импортеров российского газа, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Из соображений национальной и экологической безопасности, а также социальной стабильности, Китай сохраняет значительное государственное присутствие в сфере добычи и производства энергии. За регулирование различных сфер энергетики отвечают несколько органов: Государственный комитет по развитию и реформе КНР, Министерство земельных и природных ресурсов, Министерство защиты окружающей среды и др. Тем не менее, в ходе общего процесса рыночных реформ были проведены преобразования, направленные на либерализацию и повышение эффективности энергетического сектора.

Сейчас у рынка каждого из видов топлива и рынка электроэнергетики имеются свои особенности регулирования и порядки ценообразования. Наиболее фрагментированным и высококонкурентным является рынок угля. Разработка нефтяных и газовых месторождений и переработка полученных продуктов, напротив, представляет собой олигополию государственных корпораций, среди которых крупнейшими являются China National Petroleum Corporation (CNPC), Sinopec Group (SG), China National Offshore Oil Corporation (CNOOC) (табл. 1). Вместе они отвечают почти за всю внутреннюю добычу нефти и газа, представляют Китай за рубежом. Через эти компании государство поддерживает нефтегазовый рынок конкурентоспособным с углем.

Таблица 1

Основные показатели деятельности крупнейших компаний Китая в сфере добычи и переработки нефти и газа (2013 г.)*

Компания	Выручка, млрд юаней	Объем добычи нефти, млн бар.	Доля компании в общей добыче нефти, %	Объем добычи газа, млрд куб. фут	Доля компании в общей добыче газа, %
CNPC	2485	1125	64,66	3184	75,81
SG	2572	337	19,37	539	12,83
CNOOC	264	256	14,71	385	9,17
Итого	5321	1718	98,74	4108	97,81

* По данным официальных сайтов компаний CNPC, SG, CNOOC.

Помимо анализа ресурсного потенциала и общемировых тенденций, прогнозирование будущего энергетики Китая необходимо осуществлять, основываясь на политических решениях правительства. Показатели энергетики включены в законы и официальные планы развития КНР.

Одним из основных пунктов нового 12-го пятилетнего плана является реализация долгосрочной стратегии избавления от излишних производственных мощностей, в том числе – небольших предприятий по добыче угля и старых электростанций.

Кроме того, согласно этому плану, будут осваиваться новые месторождения в секторе добычи нефти и газа, а именно в бассейнах Сунляо, Бохай, Сычуань и др. Также предполагается ввод в эксплуатацию новых транспортировочных нефте- и газопроводов, газопровод «Запад-Восток» достигнет 150 тыс. км к 2015 г.

В секторе добычи угля планируется открытие новых производственных центров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, улучшение показателей утилизации за счет извлечения угольного метана. В долгосрочном плане к 2050 г. поставлена цель сократить долю угля в производстве энергии до 47 % (в 2005 г. – 74 %).

Особое место в 12-м пятилетнем плане уделяется развитию неорганических и возобновляемых источников энергии. Несмотря на временную заморозку проектов по развитию ядерной энергетики, «общая мощность АЭС к 2015 г. должна составить 40 ГВт. Мощность гидроэлектростанций планируется увеличить с 50 до 120 ГВт, добычу солнечной энергии до 5 ГВт, количество ветровых станций на 8. Рост доли неорганических источников энергии в общих обозначен 11,4 % к 2015 г. (8,3 % в 2010 г.)» [11, с. 695].

В плане также поставлена цель сокращения выбросов CO₂ на единицу ВВП на 16 % к 2015 г. Между 2006 и 2010 гг. их удалось сократить на 19 % (в плане – 20 %).

Одним из следствий экспортоориентированной политики Китая является проблема дисбаланса развития регионов. Создание районов экспортной ориентации привело к колоссальной разнице в поступлении инвестирования и доходах населения разных регионов. С точки зрения уровня жизни, провинции Китая можно разделить на три большие группы. В первую группу входят 10 регионов с ВРП на душу более 40 тыс. юаней, во вторую – 9 (25 и 40 тыс. юаней) и в третью – 12 (менее 25 тыс. юаней). Наиболее богатые регионы представлены в основном восточными прибрежными провинциями (Шаньдун, Фуцзянь и т. д.) и городами центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь), а самые бедные включают южные и центральные провинции (Юньнань, Хайнань, Сычуань и т. д.).

Таблица 2

*Структура добычи и потребления энергетических ресурсов
Китая по типу и региону, %**

Регион	Уголь	Газ	Гидро-энергия	Нефть	Вся производимая энергия	Вся потребляемая энергия	Баланс производства и потребления энергии
Север	64	2	1,8	14,4	43,9	17,3	26,6
Северо-Восток	3,1	1	1,8	48,3	3,8	8	-4,2
Восток	6,5	2	4,4	18,2	6	32,4	-26,4
Юг и Центр	3,7	55,2	9,5	2,6	5,6	23,6	-18
Юго-Запад	10,7	38,3	70	2,5	28,6	10,3	18,3
Северо-Запад	12	1,5	12,5	14	12,1	8,4	3,7
Итого	100	100	100	100	100	100	-

В отношении наличия энергетических ресурсов провинции также занимают неравное положение, однако оно не соответствует представленной выше классификации по уровню жизни. Развитые восточные провинции производят только 6 % энергии (табл. 2), а отстающие юго-западные – 28,6 %, где сосредоточена большая часть гидроэнергетического производства. Больше всего энергии производится в северной части Китая, где происходит более 60 % добычи угля. Внутри самих регионов ресурсы также представлены неравномерно: в северном регионе преобладает производство угля, в северо-восточном и восточном – нефти, в юго-западном и центрально-южном – гидроэнергии. Только в северо-западном регионе относительно одинаково представлено производство угля, нефти и гидроресурсов.

Объемы производимой и потребляемой энергии не соответствуют друг другу. Самый энергоинтенсивный восточный регион потребляет в пять раз больше энергии, чем производит, а потребление энергии самым богатым ресурсами северным регионом в два с половиной раза меньше его производства.

Согласно данным по доказанным запасам источников энергии на 2011 г., на суше и прибрежных территориях Китая находится 32,4 млрд т нефти, 4021 млрд м³ природного газа, 215,8 млрд т угля, 19,3 млрд т железа. Половина каждого вида из этих ресурсов сконцентрирована в двух–четырех провинциях. Самыми богатыми ре-

* Разработка по: Understanding the Chinese Economies, 2013, Государственное статистическое управление КНР.

сурсами провинциями, очевидно, являются Внутренняя Монголия, где сосредоточено 20 % запасов газа и 17,1 % запасов угля, Синьцзян-Уйгурский автономный район – 17,4 % нефти и 21,9 % газа и Сычуань – 19,8 % газа и 15,1 % железа. Главной «угольной» провинцией является Шаньси, «нефтяной» и «газовой» – Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Самыми бедными ископаемыми ресурсами провинциями являются Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси, Хунань, Гуандун, Гуанси, Хайнань и Тибет, так как там находится менее одного процента по каждому виду вышеперечисленных ресурсов.

Существует большое количество классификаций регионов Китая по энерго- и экоэффективности ВРП. «В одном из таких исследований китайские специалисты выделяют 3 группы провинций на основе их вклада в ВВП и доли в потреблении энергии, а также учитывая исторические результаты и приоритеты на будущее» [14, с. 107]. Согласно этой классификации самой эффективной является «группа восточных провинций и городов центрального подчинения, которые отвечали за 60 % ВВП Китая и 50 % потребления энергии в 2010 г. В остальных двух группах – центральной и западной – доля в потреблении энергии превышает долю в ВВП, 25 % ВВП против 30 % потребления и 15 % против 20 % соответственно»¹. Западная группа названа наименее развитой, несмотря на то, что занимает половину территории Китая. Такая классификация является вполне релевантной и актуальной.

В этой связи особый научный интерес в энергетическом секторе Китая представляет для нас такое явление, как межтопливная конкуренция. Под межтопливной конкуренцией в современной науке понимается выбор между теми или иными видами энергетических ресурсов в качестве источников энергии для определенных секторов экономики с учетом их эффективности, цены, доступности, воздействия на окружающую среду и конечной максимизации выгоды агентов.

Традиционно в экономических исследованиях в области энергетики оценивалось замещение энергии трудом и капиталом, т. е. *межфакторная конкуренция*. Однако в период нефтяных шоков и дерегулирования цен на газ в 1970-х начали появляться первые исследования в области *межтопливной конкуренции*, например, работа Noel D. Uri по оценке эластичностей замещения с помощью транслоговой функции [7].

---

¹ Группа Запад включает провинции Хэбэй, Ляонин, Цзилинь, Хэйлуцзян, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун, Хайнань и города центрального подчинения Пекин, Шанхай, Тяньцзинь. Группа Центр объединяет автономный район Внутренняя Монголия, провинции Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй, Хунань и Шэньси. Группа Восток состоит из провинций Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Ганьсу, Цинхай, Гуанси-Чжуанского, Нинся-Хуэйского и Синьцзян-Уйгурского автономных районов и города центрального подчинения Чунцин.

Межтопливная конкуренция имеет определенную специфичность по сравнению с обычной конкуренцией на рынках товаров и услуг. Во-первых, она зависит от принятия инвестиционных решений на долгосрочный период, таких как выбор типа оборудования под переработку и использование определенного топлива. Во-вторых, возможности межтопливной конкуренции сильно зависят от сектора, использующего энергетические ресурсы: в некоторых случаях вид топлива является практически незаменимым. В-третьих, ввиду большого влияния госсектора в сфере энергетики многих стран, межтопливная конкуренция не всегда является эффективной с точки зрения максимизации прибыли компаний. Подобным примером является энергетический рынок Китая, где выбор топлива определяется не простыми решениями агентов, стремящихся к коммерческой выгоде, а в рамках государственного планирования, принимающего во внимание ряд других вопросов. В этом случае некоторые экономисты будут склонны считать, что нет конкуренции вообще, поскольку нет рыночной свободы определения цены, однако именно для этого вида конкуренции цена может не иметь решающего значения. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Энергетическая структура Китая в 2012 г. выглядела следующим образом: 70 % – уголь, 20 % – нефть, 4 % – газ, 6 % – все остальное, включая ядерную энергию и альтернативные источники. Такое соотношение видов топлива в первичном потреблении не меняется уже несколько десятилетий (рис. 1) и вызывает опасения как самого Китая, так и всего мирового сообщества.

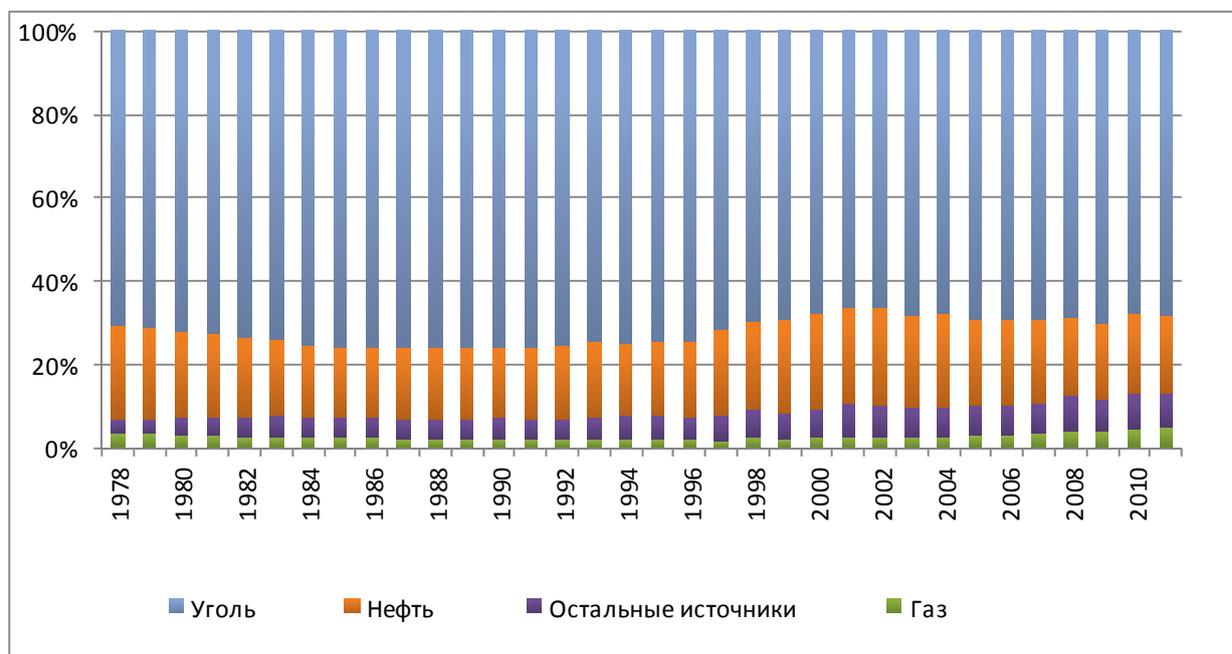

Рис. 1. Структура первичного потребления энергии 1978–2011 гг., %*

* Государственное статистическое управление КНР.

В настоящее время перед Китаем стоит сложная задача: поддержать высокие темпы развития экономики и уровня жизни населения, которые требуют больших вложений энергетических ресурсов, и при этом не допустить высокого уровня зависимости от сырьевого импорта и ухудшения экологии страны и мира в целом. Такие трудносопоставимые цели приводят к необходимости планового вмешательства со стороны китайского правительства. Регулируя цены энергетических рынков и субсидируя отдельные отрасли, оно искусственно поддерживает конкуренцию угля с другими видами топлива.

Китай невероятно богат углем. Согласно данным китайской статистики 2011 г., на территории Китая находится более 215 млрд т доказанных запасов угля, правда в основном в западных и северных районах – слабо развитых и уязвимых с точки зрения экологии.

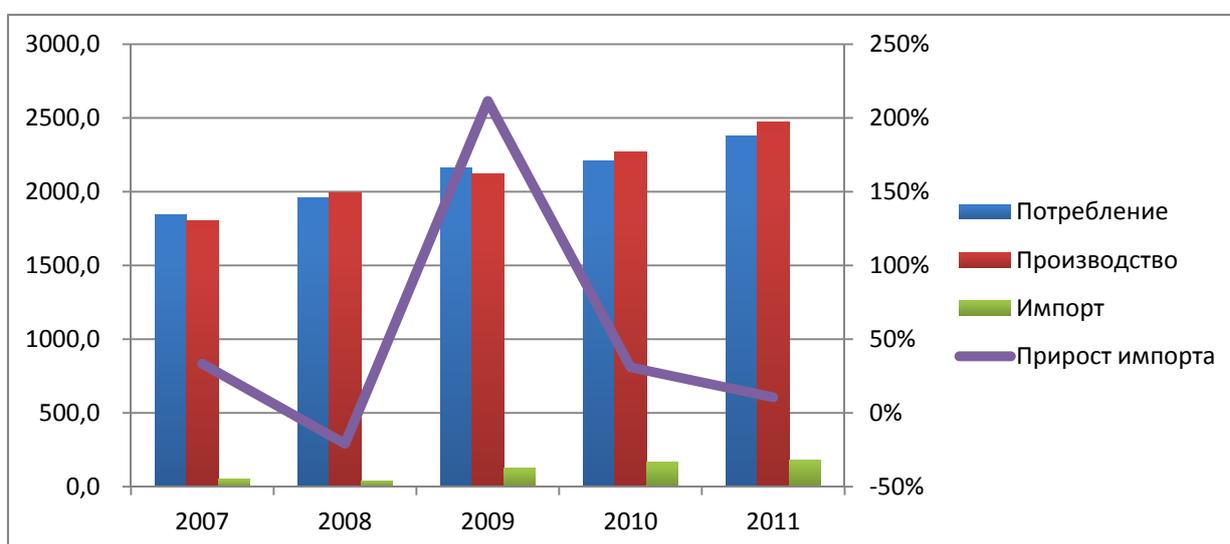

Рис. 2. Потребление природного угля в Китае 2007–2011, млрд м³, %*

Между 2007 и 2011 гг. потребление угля выросло на 39 %, пик прироста импорта пришелся на 2009 г., когда кризис вынудил Китай переключиться на более дешевый вид топлива (рис. 2).

Цены на уголь непосредственно связаны с ценами на электричество. На сегодняшний день Государственный комитет КНР по развитию и реформе установил предельную цену для электроэнергетического угля.

* Государственное статистическое управление КНР.

Таблица 3

Средние цены на местный и импортный уголь в КНР, 2014 г.*

Средние цены на импортируемый уголь, апрель 2014 г.			
Страна	долл./т	мбте/т	долл./мбте
Австралия	114,3	19,83	5,76
Индонезия	90,4	19,03	4,75
	60,0	15,07	3,98
Местный энергетический уголь, апрель 2014 г.			
Шаньси	85,7	19,83	4,32
	119,0	23,79	5,00
Шаньдун	68,3	19,83	3,44
	142,9	23,79	6,00
Внутренняя Монголия	63,5	21,81	2,91
	73,0	23,79	3,07
Шэньси	85,7	23,79	3,60

Цены на уголь в Китае сильно отличаются в зависимости от провинции, но при этом вполне соответствуют международному рыночному уровню.

Помимо сравнения цен, еще одним важным пунктом с точки зрения выбора между углем и другими видами топлива является объем выбросов загрязняющих веществ при сжигании единицы вещества. Чем меньше использование угля в качестве сырья для генерации электричества, тем ниже уровень эмиссии CO₂. Соответственно, сокращение потребление угля инспирирует получение экологической выгоды по ряду параметров.

Сравним рынок угля с рынком природного газа.

Потребление газа Китаем увеличилось в два раза между 2007 и 2011 гг., импорт за этот период вырос еще значительно – с 4 до 31 млрд м³ (рис. 3). «В 2012 году темпы роста потребления природного газа опередили темпы роста общего потребления энергии, электричества и других топливных источников: 10,2 % против 3,9 % общих, 5,5 % электричества, 2,5 % угля и 6 % нефти» [4]. Тем не менее, потребление газа на душу населения в Китае сейчас ниже, чем во многих странах, например, «в 35 раз меньше, чем в России, и в 25, чем в США» [6, с. 8]. Урбанизация и растущие доходы населения стимулируют его дальнейшее потребление. Существует три системы газоснабжения потребителей: угольный газ (100 городов), сжиженные углеводородные газы (117 городов), но преобладает природный газ (439 городов).

* Таможенная статистика КНР, China coal resource, собственные расчеты.

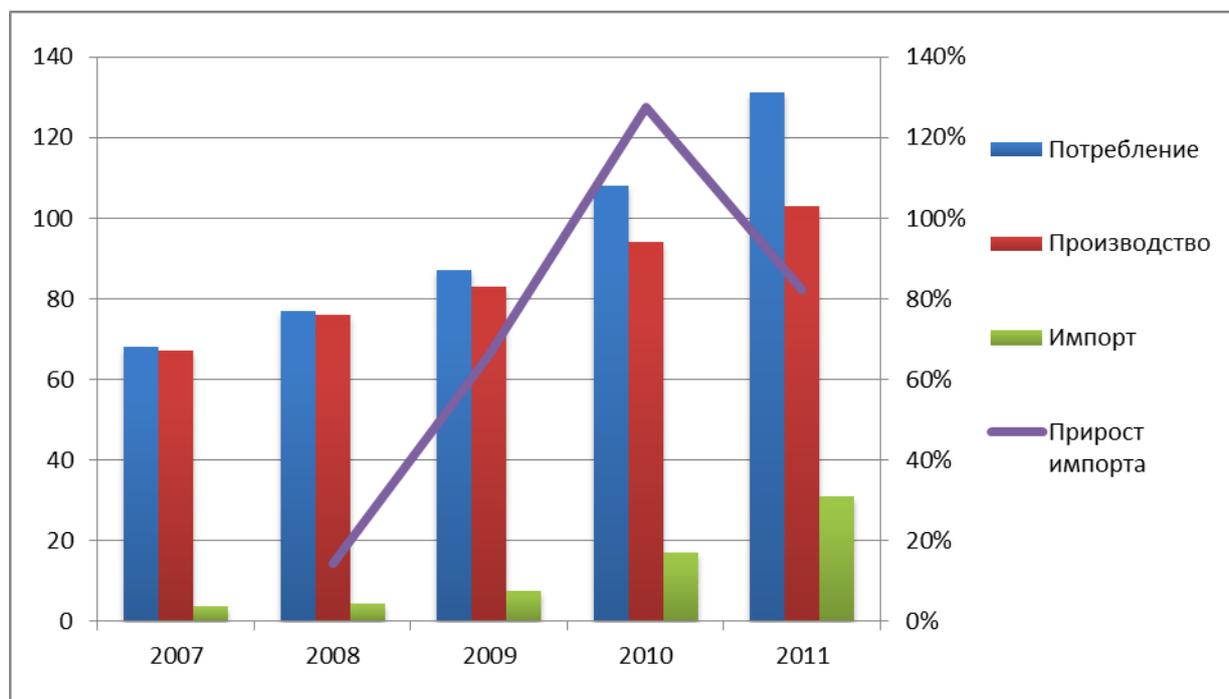

Рис. 3. Потребление природного газа в Китае 2007–2011, млрд м³, %¹

Согласно 12-му пятилетнему плану, китайское правительство намеревается к 2015 г. удвоить объем потребления газа до 260 млрд. м³ по сравнению с уровнем 2011 года и его долю в суммарном потреблении первичных источников энергии. Это политическое начало открывает широкие перспективы для усиления межтопливной конкуренции между углем и газом в китайской энергетике.

Если на рынке угля цена в целом определяется рыночными механизмами спроса и предложения, то система ценообразования газового рынка Китая довольно сложна и сейчас находится в процессе реформирования. Существует три компонента цен:

1. *Отпускная цена месторождения или завода.* «Она контролируется центральным правительством и определяется с учетом издержек добычи и нормы прибыльности (12 %)» [18, с. 22]. По состоянию на март 2014 г. средняя отпускная цена газа составила 216,9 долл./тыс. м³ (6,1 долл./мбте) для промышленного и 164,9 долл./тыс. м³ (4,6 долл./мбте) для непромышленного использования (табл. 4).

2. *Транспортировочный тариф.* Он также регулируется центральным правительством и определяется исходя из затрат на строительство и поддержание трубопроводов и нормы прибыльности (12 %).

Сумма цены с месторождения/завода и транспортировочного тарифа – city gate price – представляет собой фиксированную цену,

¹ ICIS.

компоненты которой могут быть пересмотрены, но, как правило, это происходит нечасто [14, с. 24].

3. *Конечная цена потребителей.* В отличие от двух предыдущих, она контролируется региональными властями и учитывает издержки распределения, цену импортного газа и альтернативных источников топлива, а также другие факторы. Таким образом, конечная цена газа отличается от региона к региону.

Зависимость от импортных поставок газа, безусловно, имеет негативные последствия. Цены импортируемого газа от большинства поставщиков значительно выше регулируемых правительством цен на местных месторождениях (табл. 4).

Таблица 4

Средние цены на местный и импортный газ в КНР, 2014 г.*

Источник поставки	Долл./1000 м ³		Долл./мбте	
	для промышленности	для бытового потребления	для промышленности	для бытового потребления
Импортируемый газ				
Австралия	152,5	147,8	4,3	4,1
Индонезия	160,0	151,1	4,5	4,2
Малайзия	351,0	331,6	9,8	9,2
Катар	691,5	649,5	19,3	18,1
Туркменистан	367,5	312,2	10,2	8,7
Узбекистан	343,1	330,1	9,6	9,2
Местный газ				
Чуанью	247,6	183,0	6,9	5,1
Цинхай	204,5	140,0	5,7	3,9
Синьцзян	190,2	125,6	5,3	3,5
Запад-Восток	190,2	125,6	5,3	3,5
Шэньси-Пекин	233,3	168,7	6,5	4,7
Сычуань-Шанхай	240,4	240,4	6,7	6,7

В настоящее время удержание цен на китайский газ низкими и возмещение убытков от импорта иностранного газа стимулирует его потребление и переключение с угля на газ. Однако в дальнейшем правительством планируется снизить контроль над рынком газа.

Пока стратегия либерализации включает два экспериментальных направления: открытие терминала спотовой торговли СПГ и СНГ в Шанхае и пилотные проекты определения конечных цен в провинциях Гуанси и Гуандун.

* Таможенная статистика КНР, собственные расчеты.

Для понимания масштабов межтопливной конкуренции между углем и газом, необходимо учитывать ряд ценовых и неценовых факторов (табл. 5).

Таблица 5

Сравнительная характеристика положения газа и угля в китайской экономике

Параметр	Уголь	Газ
Основные области применения	Электроэнергия, химическая промышленность, металлургическая промышленность, строительство	Электроэнергия, химическая промышленность, автомобильное топливо
Цена	Примерно одинаковы для местного и импортного угля: 3–6 долл./мбте (110–220 долл./ тыс. м ³)	Местные промышленные цены на месторождениях регулируются и составляют 5–7 долл./мбте (180–250 долл./тыс. м ³). Импортные цены сильно колеблются в пределах 4–20 долл./мбте (140–720 долл./ тыс. м ³)
Качество	Качество угля (мбте/тонна) сильно отличается в зависимости от месторождения	Качество природного газа и СПГ примерно однородно по всем источникам
Выбросы	134 кг/ГДж	75 кг/ГДж
Инфраструктура	Старые углевые электростанции, развитая сеть железных дорог	Маленький процент электростанций, способных перерабатывать газ, необходимость строительства новых газопроводов
Конкуренция	Большая степень конкуренции, государство периодически устанавливает потолки цен	Регулируется государством, начальная стадия рыночных преобразований
Импортная зависимость	Менее вероятна в силу высокой степени конкуренции и наличия огромных собственных резервов	Наблюдается постоянно и усиливается с течением времени
Политические инициативы	Развитие высокотехнологичной добычи, закрытие старых и наиболее энергоемких производств	Удвоение потребления к 2015 г. (от уровня 2011 г.) и доли в общем потреблении, экоцивилизованная ориентация экономики

Сфера применения газа включает многие области применения угля, самой перспективной для переключения считается электроэнергетика. Электроэнергетический сектор признан драйвером роста потребления газа в Китае как в прогнозах МЭА, так и в

долгосрочной стратегии развития электроэнергетики Китая, согласно которой мощность газовых электростанций предполагается увеличить до 70 ГВт к 2020 г. Однако сейчас цена на электроэнергию, произведенную на газовых станциях, в два раза выше цены электроэнергии, произведенной на угольных предприятиях.

Сжигание газа производит намного больше энергии и меньше выбросов, чем сжигание угля, поэтому газ является более выгодным топливом с точки зрения качества и экологии, а также поощряется политическими инициативами. Уголь сейчас имеет ценовое преимущество, меньшую опасность усиления импортной зависимости и развитую инфраструктуру для применения, например: электростанции, транспортировочные пути. Но из-за подорожания угля и регулирования рынка газа ценовое преимущество постепенно пропадает, а государственные инвестиции и стимулирование частных инвестиций в газовый сектор сглаживают инфраструктурные дисбалансы. Благодаря данным преимуществам газа над углем экономика Китая постепенно переключается на более эффективное и чистое топливо.

Таким образом, в ходе изучения энергетического рынка Китая, его структуры производства и потребления различных видов топлива по регионам и отраслям, более подробного анализа рынков угля и газа, а также определения места Китая на мировом рынке энергетики и возможных перспектив в сотрудничестве Китая с Россией, можно сделать ряд следующих выводов:

- Межтопливная конкуренция и меры ее поддержки различаются в зависимости от региона Китая. Это вызвано неравномерностью распределения ресурсов по территории и разницей в экономическом развитии провинций.

- Самой перспективной отраслью для межтопливной конкуренции между углем, газом и ВЭИ является электроэнергетика, так как, во-первых, она стремительно развивается с ростом производства и увеличением уровня жизни населения, во-вторых, туда направляются государственные и частные инвестиции, внедряются новые технологии. Другой важной платформой межтопливной конкуренции являются самые энергетически интенсивные производства.

- Для обеспечения существования межтопливной конкуренции между углем и газом, рынок газа находится под значительным государственным контролем. В целях поддержания низких цен на электричество и обеспечения конкурентоспособности с углем, цены на местный газ занижены. Импортируемый газ стоит гораздо дороже и объемы его импорта неизбежно растут.

Таким образом, представленная китайская структура потребления энергии, межтопливная конкуренция, создаваемая государственным планированием, обозримые перспективы либерализации

ценообразования в электроэнергетике, стратегическая ориентация на экологическую безопасность позволят Китаю со временем перейти с угля на более эффективные с точки зрения получения энергии и экологической безопасности виды топлива, прежде всего природный газ. В планах Китая потребление газа к 2020 г. должно составить не менее 500 млрд кубометров газа в год. Соответственно, необходимо добиться стабильных поставок газа в объемах, соответствующих энергетическим потребностям Китая, и по ценам, позволяющим газу эффективно заменять уголь. Таким образом, долговременное сотрудничество по поставкам газа необходимо Китаю не меньше, чем России, а заключенный российско-китайский контракт на поставку газа является важным элементом стратегии энергообеспечения Китая.

Список литературы

1. Государственный комитет по развитию и реформе КНР. – URL: <http://www.ndrc.gov.cn/>
2. Государственное статистическое управление КНР. – URL: <http://www.stats.gov.cn/>
3. Кушкина К., Чоу Э. Золотой век газа в Китае? О дальнейшем расширении экспортных поставок природного газа в Китай // USRF, IREX, 2014.
4. Международное энергетическое агентство. – URL: <http://www.iea.org/>
5. Министерство охраны окружающей среды КНР. – URL: <http://www.mep.gov.cn/>
6. Попов С.П. География газовой промышленности Китая // Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева Сибирского отделения РАН.
7. Barclays, China's commodity intensity // Cross Currents, 2012.
8. Bloomberg L.P. – URL: <http://www.bloomberg.com/>
9. China coal resource. – URL: <http://www.sxcoal.com/>
10. ICIS Heren. – URL: <http://www.icis.com/>
11. Roberts I., Rush A. Understanding China's demand for resource imports // China Economic Review. – № 23. – 2012. – P. 566–579.
12. Sina Corp. – URL: <http://www.sina.com/>
13. Uri N. D. Interfuel substitution possibilities: short-term prospects // Applied Energy. – Vol. 4. – № 4. – 1978.
14. Wang J. et al., China's natural gas: Resources, production and its impacts // Energy Policy. – № 55. – 2013. – P. 690–698.
15. Wang K. Energy and emissions efficiency patterns of Chinese regions: A multi-directional efficiency analysis // Applied Energy. – Vol. 104. – 2013. – P. 105–116.
16. Xinhua news agency. – URL: <http://www.xinhuanet.com/>
17. <http://www.irex.ru/files/Gaidarfellowship/2012/Kushkina-Rus.pdf>
18. http://sei.irk.ru/app/enia/popov_china_gas_v1.pdf

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ: НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ И ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 331.105

Т.В. Талалаева

Современные проблемы отражения концептуальных вопросов социального партнерства в предметном поле отечественной экономической науки

В статье рассматриваются сложности отражения феномена социального партнерства в сфере труда в предметном поле отечественной экономической науки, проводится анализ количества и качества научных публикаций по тематике социального партнерства, учитываемых в РИНЦ, исследуются концептуальные основы социального партнерства в сфере труда; делается вывод о необходимости коррекции паспорта специальности 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (область исследования 5. Экономика труда).

The article considers the complexity of reflecting such a phenomenon as the social partnership in the labor field in the subject field of domestic Economics, presents the analysis of quantity and quality of academic publications in the field of social partnership included in the Russian Science Citation Index database, discusses the conceptual framework of social partnership in the labor field; and presents the conclusion about the need for the certificate of specialty 08.00.05 Economics and management of national economy (research area 5. Labor Economics) to be corrected.

Ключевые слова: социальное партнерство, социальное партнерство в сфере труда, трудовые отношения, экономика труда, область научного исследования.

Key words: social partnership, social partnership in the labour field, labour relations, Labour Economics, scientific research area.

Социальное партнерство в сфере труда является сегодня одним из необходимых элементов системы социально-трудовых отношений, и поэтому мы считаем его очень важным предметом научного познания в рамках исследования труда, социально-трудовых отношений и даже социально-экономических отношений в современном общественном производстве.

Между тем статус важного предмета научного познания в отечественной науке социальное партнерство в сфере труда утратило, и в данной статье мы попытаемся исследовать этот факт и его последствия.

Так, несмотря на то что теоретические вопросы социального партнерства в сфере труда с начала 1990-х гг. могли рассматриваться в российской науке с позиций междисциплинарного подхода как самостоятельная область знания или в рамках теории трудовых отношений, управления персоналом, а также трудового права, редакцией Номенклатуры научных специальностей, действовавшей до 2009 г.¹, была установлена принадлежность этих вопросов области научных исследований экономики труда. В последующей² и последней³ (действующей в 2014 г.) версии Номенклатуры научных специальностей социальное партнерство как самостоятельное направление исследования в рамках экономики труда, равно как и других экономических направлений, отсутствует. Иначе говоря, из паспорта специальности по направлению 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (область исследования 5. Экономика труда) были убраны два достаточно важных, по нашему мнению, пункта – 8.5. «Человеческий капитал как общественное богатство, его структура и роль в современной экономике; человеческое развитие, его цели, условия и методы измерения» и 8.15. «Социальное партнерство как ключевое направление регулирования социально-трудовых и социально-экономических отношений в рыночном хозяйстве».

Возникает вопрос: насколько такая коррекция предметного поля экономики труда явилась необходимой, поскольку очевидно, что именно положения Номенклатуры научных специальностей прямо влияет на количество и качество научных исследований отечественных авторов по данной теме?

Рассмотрим данные по научным публикациям, имеющимся в российской научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и учтенным в РИНЦ⁴ в табл. 1, сведения в которой представлены только по публикациям, имеющим в наименовании словосочетание «социаль-

---

¹ Действует после вступления в силу приказа Министерства промышленности, науки и технологий РФ от 31 января 2001 г. № 47 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников», редактировалась Приказом Минпромнауки РФ от 26.02.2004 № 58.

² Действует после вступления в силу приказа Министерства образования и науки РФ от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников», редактировалась Приказом Минпромнауки РФ от 26.02.2004 № 58.

³ Действует после вступления в силу с 1 июня 2012 г. приказа Минобрнауки России от 10 января 2012 г. № 5 «О внесении изменений в Номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59» (зарегистрирован Минюстом России 1 февраля 2012 г., регистрационный № 23091).

⁴ Российский индекс научного цитирования.

ное партнерство», однако не разделены по видам наук. На ноябрь 2014 г. общее количество научных публикаций в российской научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU составляло около 20 млн единиц, но, к сожалению, нет полной уверенности в том, что в ней присутствуют все реальные работы по интересующей нас тематике. Тем не менее, если труды определенных авторов здесь есть, значит, эти авторы до сих пор так или иначе работают в науке.

Таблица 1

Сравнительная таблица публикаций, учтенных в РИНЦ, имеющих в наименовании словосочетание «социальное партнерство» (дата исследований – ноябрь 2014 г.)

Виды публикаций	Всего публикаций в РИНЦ, ед.	Публикаций в РИНЦ до 2010 г., ед.	Публикаций в РИНЦ после 2010 г., ед.
Публикаций всего:	1066	606	474
В том числе:			
статьи	696	377	319
книги	112	79	33
материалы конференций	126	48	78
диссертации	130	86	44
депонированные рукописи	0	0	0
отчеты	0	0	0
патенты	1	1	0

Из табл. 1 видно, что интерес к социальному партнерству в научных публикациях сохраняется до сих пор, если исходить из статистики публикаций статей (319 за период 2010–2014 гг. против 377 за период 1991–2009 гг.), и даже растет, если исходить из статистики публикаций в материалах конференций (78 за период 2010–2014 гг. против 48 за период 1991–2009 гг.). Однако можно ли говорить однозначно о такой же тенденции в экономической науке, если в условиях относительной доступности первоисточников сложно однозначно определить научную специализацию текста? Поскольку более-менее однозначно её (специализацию) можно проверить только в диссертациях. Рассмотрим диссертационный массив более подробно (табл. 2).

*Сравнительная таблица диссертаций, учтенных в РИНЦ,
имеющих в наименовании словосочетание
«социальное партнерство»
(дата исследований – ноябрь 2014 г.)*

Специальность диссертационного исследования	Всего публикаций в РИНЦ, ед.	Публикаций в РИНЦ до 2010 г., ед.	Публикаций в РИНЦ после 2010 г., ед.
Диссертаций как единиц учета всего:	130	86	44
Из них диссертаций без учета соответствующих авторефератов, всего:	73 (7)	52 (4)	22 (4)
В том числе:			
08. экономические науки	22 (1)	19 (1)	3 (0)
09. философские науки	6 (0)	3 (0)	3 (1)
12. юридические науки	5 (2)	2 (1)	3 (1)
13. педагогические науки	18 (1)	9 (0)	9 (1)
22. социологические науки	19 (3)	17 (2)	2 (1)
23. политические науки	3 (0)	2 (0)	1 (0)

Примечание. В скобках указано количество докторских диссертаций.

Как видим из табл. 2, есть три фаворита научного исследования социального партнерства: экономисты, социологи и педагоги, и одновременно три аутсайдера – политологи, юристы и философы. При этом пик научного экономического творчества относится к 2001–2009 гг. (14 работ), социологического и педагогического – аналогично: 16 и 8 работ соответственно. Интересно, что все педагогические исследования рассматривают социальное партнерство вне сферы труда, но как элемент образовательных или социально-педагогических систем и отношений, а социологи – как элемент любых социальных систем и отношений (группы, территории, региона и проч.).

Из данных табл. 2 можно сделать вывод о том, что темп научных трудов у экономистов после 2009 г. замедлился до менее чем одной работы в год, а у педагогов даже вырос, учитывая неравномерность защит в 2000-х гг. Таким образом, очевидно, что нормативно-номенклатурные изменения негативно повлияли на количество экономических исследований по тематике социального партнерства.

Обратимся теперь к содержательной части работ в экономике. С конца прошлого века в нашей стране начались, подстегнутые новым трудовым законодательством, активные разработки экономистов в данной сфере, которые к началу 2000-х гг. свелись, по

мнению специалистов, к двум «прямо противоположным представлениям о том, что такое социальное партнерство:

1. Социальное партнерство есть система взаимоотношений между наемными работниками и работодателями, которая приходит на смену классовой борьбе. Классовой конфликт постепенно превращается в конфликт между организациями, представляющими разные интересы в обществе, которые можно погасить путем переговоров и достижения компромисса.

2. Социальное партнерство – это способ согласования противоположных интересов, метод решения социально-экономических проблем и регулирования конфликтов между классом наемных работников и классом собственников. В этом случае социальное партнерство представляет способ смягчения классовых противоречий, условие политической стабильности и социального перемирия в обществе» [7, с. 702].

В первом в России учебнике о социальном партнерстве (2001) выделялось несколько подходов (социальное партнерство как метод и механизм регулирования социально-трудовых отношений, разрешения противоречий между работниками и работодателями; как один из наиболее распространенных видов корпоративизма и некорпоративистских отношений представителей трех основных субъектов – бизнеса, профсоюзов и государства, классифицируемый по различным системам «трипартизма», «бипартизма», микро- и мезокорпоративизма (по уровням отдельных корпораций, отраслей и регионов); как сложное социальное явление, многоплановый противоречивый общественный процесс [4, с. 22], и предлагалось следующее определение данного понятия: «социальное партнерство – это цивилизованная форма общественных отношений в социально-трудовой сфере, обеспечивающая согласование и защиту интересов работников, работодателей (предпринимателей), органов государственной власти, местного самоуправления путем заключения договоров, соглашений и стремления к достижению консенсуса, компромисса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития» [4, с. 23].

При более близком знакомстве с предметом становится очевидно, что отечественные теоретические исследования социального партнерства базировались в основном на новом российском трудовом законодательстве. Это объясняется тем, что концепция социального партнерства (в сфере труда) в нашей стране была введена в 90-е гг. прошлого века именно через законодательные акты (указы Президента РФ). Соответственно, социальное партнерство рассматривалось как система организованных определенным образом социально-трудовых взаимоотношений. В этой связи возникает во-

прос: есть ли в вопросах социального партнерства экономическая составляющая?

В 2008 г. вышла монография «Социальное партнерство: концепция и реализация» [3], которая в доступной форме объясняла феномен социального партнерства как *форму организации социального взаимодействия между людьми, группами людей, социальными общностями и организациями (в том числе государственной власти и управления), основанную на совпадении общих стратегических интересов (глобально – интересов существования и развития человеческого общества в условиях ограниченности природных ресурсов), уважении частных интересов, и характеризующаяся совместной конструктивной и эффективной деятельностью для реализации всех этих интересов.* Авторы вполне справедливо считали, что социальное партнерство как глобальный принцип применимо в организации взаимодействия любых социальных субъектов в различных сферах: и в сфере труда, и на любом уровне – международном, федеральном, региональном, местном и т. д., и предлагали дополнять данное определение для каждой сферы социальной деятельности соответствующими характеристиками. Так, например, определение социального партнерства для сферы труда они сформулировали следующим образом: «социальное партнерство в сфере труда – это одна из форм организации социального взаимодействия между людьми, группами людей, социальными общностями и организациями (в том числе государственной власти и управления) в сфере трудовой деятельности, основанная на совпадении общих интересов (интересов обеспечения существования и развития индивида, организации, отрасли, страны в условиях ограниченности природных ресурсов), уважении частных интересов, и характеризующаяся совместной конструктивной и эффективной деятельностью для удовлетворения всех этих интересов».

Действительно, можно согласиться с приведенными тезисами: и с тем, что социальное партнерство является одной из форм организации социального взаимодействия, и с тем, что это социальное взаимодействие может быть организовано не только в сфере труда. Однако, по нашему мнению, приведенное определение социального партнерства не является строго экономическим, хотя и может быть доработано. С другой стороны, приведенное определение социального партнерства в сфере труда, учитывая двойственную природу последнего (экономическую и социальную), можно считать достаточно исчерпывающим в экономическом контексте.

В то же время экономисты могут и должны исследовать способы организации трудовых, социально-трудовых и даже социально-экономических отношений, следующих из процессов производства и

распределения продукта труда. Организация взаимодействия участников труда и производства по поводу труда и его характеристик вполне может относиться к проблематике экономики труда. В этой связи безусловный научно-практический интерес могут представлять системы социального партнерства разного уровня – предприятия (организации), группы предприятий (корпорации, холдинга и проч.), отрасли, как существующие, функционирующие, так и требующие создания, опыт их создания, динамика отношений, их влияние на производственные и экономические показатели и проч. Отдельный и совершенно экономический вопрос – это их (систем социального партнерства) эффективность, методика расчета которой уже существует [1].

Следует добавить, что в свете последних мировых тенденций, политических, социальных и даже научных, являющихся следствием, как нам представляется, намеренного (до и после распада СССР) искажения основ социального взаимодействия классов и социальных групп [6], вопросы труда и организации трудовых отношений на микро-, мезо-, макро- и даже мегауровне [5] приобретают особое значение, в том числе и для экономической науки в целом, и ее отдельных направлений¹. Ситуация в нашей стране, по нашим наблюдениям, в сфере регулирования социально-трудовых отношений далека от нормальной: снижается число членов профсоюзов, работодатели в разной степени активности сопротивляются введению систем социального партнерства или их эффективной работе. Такое положение невозможно исправить только репрессиями. Наука в этом случае может сыграть свою роль и в плане информирования участников трудовых отношений, пробуждения интереса к возможностям систем социального партнерства, воспитания уважения друг к другу, формирования необходимой культуры отношений.

В этой связи мы можем сделать вывод о необходимости коррекции паспорта специальности 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (область исследования 5. Экономика труда), таким образом, чтобы либо расширить формулировку п. 5.11. «Социально-трудовые отношения: система, структура, виды, субъекты, механизмы регулирования. Международные трудовые отношения и роль Международной организации труда. Регулирование социально-трудовых отношений – федеральный, региональный, муниципальный и корпоративный аспекты; активное влияние социально-трудовых отношений на развитие экономики и её отраслей», либо добавить отдельный пункт о системах социального партнерства в

---

¹ См. Глава 1. Труд, капитал и социально-трудовые отношения в современном обществе. С. 6–30 в ист. [2].

сфере труда, опыте их создания и функционирования, а также эффективности.

Указанная коррекция будет способствовать, на наш взгляд, более активному научному интересу со стороны молодых или даже опытных исследователей в данной проблематике, поскольку такие исследования получают очевидную перспективу в плане защиты ее результатов.

Список литературы

1. Бадхен М.Л. Вопросы эффективности систем социального партнерства в сфере труда (на примере гражданской авиации России) // XI Царскосельские чт.: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 24–25 апр. 2007 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. – Т. 3. – С. 9–13.

2. Бадхен М.Л., Зайцев Г.Г., Черкасская Г.В. Управление человеческими ресурсами: учеб. для студ. вузов. Гриф УМО МО РФ. – М.: Академия, 2014.

3. Бадхен М.Л., Черкасская Г.В. Социальное партнерство: концепция и реализация: моногр. – ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008.

4. Михеев В.А. Основы социального партнерства: учеб. – М.: Экзамен, 2001.

5. Черкасская Г.В. Виды и особенности социально-трудовых и социально-экономических отношений в современном мире // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: IV междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. / под общ. ред. В.Н. Скворцова. – СПб., 2014. – С. 55–63.

6. Черкасская Г.В. Характеристики сложившегося мирового политико-экономического порядка в контексте выбора направлений социально-экономического развития в XXI веке Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: IV междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. / под общ. ред. В.Н. Скворцова. – СПб., 2011. – С. 173–183.

7. Экономика труда: (социально-трудовые отношения): учеб. / под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. – М.: Экзамен, 2004.

Сведения об авторах

Быкова Наталья Витальевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: tour@econ.pu.ru

Горовой Александр Андреевич – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, заведующий кафедрой предпринимательства и коммерческой деятельности, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pkd@limtu.ru

Гончаров Александр Владимирович – аспирант, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: alexandergoncharov1990@gmail.com

Гузикова Людмила Александровна – доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: guzikova@mail.ru

Дибирова Хапсат Абусупяновна – аспирант, Северо-Западный научно-исследовательский институт экономики и организации сельского хозяйства (ГНУ СЗНИЭСХ), Санкт-Петербург, Россия; e-mail: хapsat@rambler.ru

Кайсарова Валентина Петровна – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vpk1081@ya.ru

Кантор Александр Владимирович – аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vecantor@yandex.ru

Кантор Евгений Лазаревич – доктор экономических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vecantor@yandex.ru

Индкасаба Инносент – кандидат экономических наук, ректор, Университет Мудрости Африки (Universite Sagesse d'Afrique), г. Бужумбура, Бурунди; e-mail: indakasaba@mail.ru

Плотникова Екатерина Васильевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.plotnikova@fido-polytech.ru

Талалаева Татьяна Викторовна – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: talalaevat@gmail.com

Харламбиева Алла Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kharlampieva@list.ru

Чекмарев Олег Петрович – доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: oleg1412@mail.ru

Щербаков Дмитрий Николаевич – аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; e-mail: dmeetry@yandex.ru

Требования к статьям, присылаемым в журнал

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем экономической науки и практики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержит сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон. Необходимо указать шифр специальности и направление диссертационного исследования.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196 605 Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10. Кафедра экономики и управления.

- отправить по электронной почте: e-mail: vestnikeconomikalgu@yandex.ru

- тел. (812) 451–74–41

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается. Статус аспиранта подтверждается справкой обучающей организации.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 4
Том 6. Экономика**

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 19.12.2014. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 9,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1105

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10
